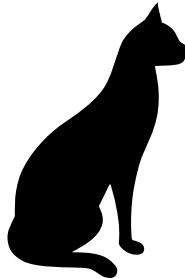

Юрий Бурносов

Революция

Книга первая
Японский городовой

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2009

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2009

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б91

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Бурносов, Ю.

Б91 Революция. Книга первая. Японский городовой. – М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2009. – 256 с.

В 1891 году в Японии полицейский Цуда Сандзо попытался убить наследника престола Российской империи цесаревича Николая. Покушение не удалось, но с тех пор бывший «японский городовой» стал солдатом тайной войны, выполняющим приказы неведомых хозяев.

Таинственный предмет «Сверчок» ведет самурая Цуда Сандзо опасными дорогами. Он едет в Россию, где устраивает провокацию на Ходынском поле, взрывает броненосец «Петропавловск», спасает тяжело больную жену Ульянова-Ленина и внедряется в ряды партии большевиков. Самурай не знает, для чего он это делает, но это и не нужно – за него все решает Сверчок, приносящий удачу в злых делах.

В то же время поэт и путешественник Николай Гумилев получает от спасенного им в Абиссинии старика предмет «Скорпион». Талисман хранит его в дебрях Африки, и Гумилев начинает догадываться, что предназначение Скорпиона – помогать добрым и справедливым людям.

Между тем на мир надвигается страшная тень Первой мировой войны и ее порождения – революции 1917 года. Решающая схватка Сверчка и Скорпиона еще впереди...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б91

© Рыков К., 2009
© Бурносов Ю., 2009
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2009

ISBN 978-5-904454-11-1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Меч и трость

*Ночь опустилась. Все тихо: ни криков, ни шума...
Дремлет Царевич, гнетет Его горькая дума:
«Боже, за что посылаешь мне эти страданья?
В путь я пустился с горячою жаждою знанья:
Новые страны увидеть и нравы чужие...
О, неужели в поля не вернусь я родные?
Ты мои помыслы видишь, о праведный Боже!
Зла никому я не сделал... За что же, за что же?»*

Алексей Апухтин

– Дяденька Афанасий, а правда, что у японцев рылы желтые? – спрашивал молодой марсовый полуброненосного фрегата «Память Азова» Сенька Котов.

Матрос первой статьи Афанасий Попов отвечать не спешил: обстоятельно выколотил червей из сухаря, осмотрел его, откусил и, вкусно хрустя, сказал:

– Не то чтобы совсем желтые. Всякие попадаются. Есть что и почти как у тебя рыло. Но, само собой, желтее, чем у любого православного. Потому что японец от облизьяны произошел, и душа в нем – ровно как пар.

– Нешто в самом деле от облизьяны? – усомнился Сенька.

– Ну. Да вот придем в порт, сам увидишь. Облизьяна и есть: глазки узенькие, усы еле-еле растут, сами меленькие, только что хвоста нету.

– У облизьян тоже не у всех хвост имеется. Вот я видал в зверинце чимпанзю, так у той хвоста не приделано, – сказал сигнальщик Винничук.

– А может, японцы его в портках прячут, – предположил Сенька.

– Может, и так. А может, и эдак, – не стал с ними спорить Попов. – Придем в Нагасаки, сам и посмотришь.

– Какие же у них названия богомерзкие, однако, – покачал головой Винничук. – Нагасаки...

Попов аккуратно вытащил из дырки в сухаре еще одного, не замеченного раньше червяка, придавил ногтями и бросил на пол.

– Поди, царь-то червятину не ест, – злобно сказал молчавший до сей поры матрос Еропка Дугин.

– Чего царь ест, не твое с нами дело, – спокойно отвечал Попов. – Царь, он, чай, один. Тебя, Еропка, не обожрет, поди. Да и всяко не угонится.

«Азовцы» засмеялись. Дугин махнул рукой и принялся пересчитывать монеты, бережно хранимые им в специальном холщовом мешочке. Попов же продолжал, очищая теперь крупную луковицу:

– Червячок в сухарике – не страшно. Он чистый, хлебушек снедает, как и мы, грешные. Вот когда я на «Палладе» сюда, к японцам, плавал с Иван Семенычем Унковским, царствие ему небесное... Вот тогда сухарики были не дай господь, да еще и подмокнут порой. На палубе, бывало, разложим их сушить... Адмирал Путятин подойдет – тоже с нами плыл, царствие ему небесное – и спросит: «Что, братцы, сушим?!» Сушим, говорим, ваше превосходительство, как не сушить! Господин писатель Гончаров, говорят, очень завлекательно это плавание потом в своей книжице описал. Может, и про меня там есть. Как домой вернусь, всенепременно куплю.

С этими словами матрос первой статьи аппетитно захрустал луковицей.

* * *

Полуброненосный фрегат «Память Азова», всего лишь без малого три года назад спущенный на воду со стапелей Балтийского завода, вошел в бухту Нагасаки 5 апреля 1891 года. Двадцатидвухлетний цесаревич Николай стоял на кормовом мостике и задумчиво гладил пальцами двуглавого орла, в качестве украшения прикрепленного к компасу. Внизу, на палубе, порыкивала в клетке пантера и бродили туда-сюда два слоненка, прикованные цепями, словно кандалы: это была лишь часть дорожных приобретений и подарков из Индии и Сиама.

Длинную бухту, вытянувшуюся с юго-запада на северо-восток, цесаревич нашел весьма красивой. Однако его глаза куда более радовали российские корабли, вставшие на рейд Нагасаки в связи с прибытием «Памяти Азова»; а собралась тут значительная часть Тихоокеанской эскадры, начиная с крейсеров «Владимир Мономах» и «Адмирал Нахимов» и заканчивая пароходами Добровольного флота. К кораблям уже устремились сотни японских лодчонок разного размера – местные жители везли товары на продажу.

Рядом с Николаем что-то лихорадочно записывал в блокнот князь Эспер Эсперович Ухтомский – поэт, журналист и изатель. Ухтомский собирался по возвращении издать печатный труд о плавании фрегата. Цесаревич и сам понемногу заносил в дневник впечатления от путешествия, а их хватало. Чего стоила хотя бы встреча в греческом Пирее с дорогой крестной – королевой эллинов Ольгой, прибывшей на корабль с королем Георгом. Тогда в число офицеров фрегата был включен принц Георгий Греческий, который стал Николаю верным товарищем и конфидентом во всех затеях, порой весьма авантюрных.

В Египте они взбирались на пирамиды фараонов – весьма утомительное и скучное занятие, кстати сказать. Фараоны

строили долговечно, но некрасиво и бессмысленно, то ли дело Исаакиевский собор, к примеру.

К тому же именно из-за египетских похождений пришлось отправить домой Жоржа – так цесаревич звал своего брата, великого князя Георгия Александровича. Жорж был сам виноват: вначале закрутил амор с красавицей итальянкой и катал ее по рейду на шустром паровом катере, отчего братца и продуло. А после поездки к пирамидам он еще и поспал на сквозняке у окна... Потому в Индии охотиться на слонов и аллигаторов пришлось уже без захворавшего Жоржа, который уплыл домой на «Адмирале Корнилове»¹.

А жаль, ведь Жорж так много пропустил! Представления с цейлонскими слонами в Коломбо, еще одна охота на крокодилов, теперь уже в голландской Батавии, пересечение экватора, когда всех новичков насилино брили и купали в парусиновом бассейне... Правда, цесаревичу и принцу Георгию Греческому (которого Николай называл Джорджи, почти как брата) окунуться в бассейн не пришлось, хотя адмирал Дубасов очень хитро на них смотрел, и Николай уже испугался, что сей участии и ему не избежать.

Да, путешествие выдалось крайне веселым. А пребывание в Японии обещало быть еще веселее – по крайней мере так надеялся цесаревич, недавно дочитавший весьма пикантный роман Пьера Лоти «Мадам Хризантема» о прелестях японского «временного брака». О них же не раз говорили и офицеры с «Памяти Азова» и «Мономаха», даже командир фрегата, капитан первого ранга Николай Николаевич Ломен на несколько смущенные вопросы цесаревича отвечал с неизменной улыбкой знатока. Советов, впрочем, напрямую не давал...

¹ Тело Георгия Александровича было обнаружено на окраине грузинского поселка Абастуман, где он лежал, в 1899 году не менее чем через несколько часов после наступления смерти. Официальным расследованием так и не было установлено, при каких обстоятельствах наступила смерть и как он провел последние часы своей жизни, что было весьма необычно, учитывая титул и статус покойного. Есть любопытная информация, что именно за причастность к убийству Георгия Александровича большевиками (!) в 1918 году был казнен князь Багратион-Мухранский, наследник грузинских царей.

– Нико, – сказал подошедший принц Георгий, – я только что говорил с лейтенантом Ивановым-двенадцатым. Не поверишь, он тоже собирается заключить брак по контракту. Вот флотские офицеры... Их, по-моему, уже человек сто пятьдесят таковых.

– Что можно флотскому лейтенанту, не всегда разрешено наследнику престола, – ответил Николай. – Еще и Страстная неделя на носу...

Принц засмеялся:

– Нико, уволь! Ты не у своей крестной. Никто ничего и не узнает.

– Легко говорить. Ты не представляешь, Джорджи, сколько здесь ушей и глаз. Потом это просочится в печать, и папенька устроит мне такое... Полагаю, тебе тоже достанется на орехи.

– Как это говорится у вас? Видит око, да зуб неймет? – уточнил принц и еще пуще рассмеялся. К нему присоединился и цесаревич, отчего князь Ухтомский с интересом покосился на веселящихся молодых людей, не переставая между тем писать в блокнот.

– Ладно, поживем – увидим, – заключил принц, положив руку на плечо цесаревичу. – Возможно, и насчет Страстной недели что-нибудь придумаем.

В самом деле, с местными «мадам Хризантемами» ничего не вышло – это оказалось бы совсем из рук вон, и Георгию пришлось двоюродного брата поддержать, о чем оба весьма горевали.

В остальном же Николай старался ни в чем себе не отказывать. Он вначале с отвращением, а потом с удовольствием поедал японские блюда из сырой рыбы и морских тварей, квашеного риса, из водорослей, пахнущих йодом... Посещал чайные домики, неожиданно обнаружив, что японские гейши – совсем не то, что он полагал ранее. Пил саке и скучал по шампанскому, говоря принцу Георгию:

– Эх, Джорджи, вот погоди, вернемся домой, свожу я тебя на учения в Красное Село. Знаешь, что такое пить «до волков»?

– Не знаю, – улыбался грек.

– Представь: раздеваемся мы догола и выскакиваем таким манером на мороз, а там уже буфетчик заготовил нам лохань с шампанским!

– Но оно ведь, полагаю, замерзнет?

– Не успевает, Джорджи, не успевает замерзнуть! Господа гвардейцы быстро хлебают его прямо из лохани, да притом еще и воют по-волчьи.

– Это несколько дикий обычай, – удивился принц. – Но мне нравится!

– Гвардия! – с непонятной греку гордостью сказал цесаревич. – Да не видал ты еще, как «локтями» пьют или «лестничей»! Не то, что этот... чай.

И он с отвращением осушил глиняный кувшинчик саке.

– Кампай! – радостно воскликнул принц.

* * *

Цуда Сандзо тоже пил саке. Но делал он это уже в другой день, притом грустно, сидя на большом круглом камне у обочины лесной тропинки к городу Оцу. С собой у немолодого уже полицейского было несколько кусочков тофу, перышки зеленого лука и колобок риса. Тем не менее есть ему не хотелось, поэтому Цуда задумчиво прихлебывал напиток, а рисовый колобок катал между пальцами свободной руки.

Русские корабли пришли в бухту Нагасаки и стояли там, словно дохлые черепахи, всплывшие на поверхность. Люди вокруг радовались, и Цуда сам читал в «Нити нити симбун»: «В Европе Россию можно сравнить с рыкающим львом или разгневанным слоном, тогда как на Востоке она подобна ручной овечке или спящей кошке... Те, которые думают, что

Россия способна кусаться в Азии, как ядовитая змея, похожи на человека, боящегося тигровой шкуры потому только, что тигр – очень свирепое животное».

Однако Цуда не считал Россию ручной овечкой, хотя и не говорил этого вслух, боясь показаться глупым. Собственно, и говорить было некому: родных и друзей у Сандзо почти не осталось, и единственный, с кем он беседовал за последний день, был один молодой лодочник. Лодочник и сказал, что русские приплыли не просто так – они хотят обмануть императора и в трюмах своих огромных кораблей привезли мятежника Сайго Такамори².

Цуда прекрасно знал, кто таков мятежник Такамори. Служа в армии, он сражался против него и даже был легко ранен. А вот Такамори вроде бы погиб, получив тяжелую рану и, чтобы не достаться живым неприятелям, попросив одного из лейтенантов отрубить ему голову.

Но, если человек поднял мятеж, значит, у него нет самурайской чести.

А раз у него нет самурайской чести, что может помешать такому человеку притвориться убитым, сбежать за море, а после вернуться, спрятавшись на русском корабле, и поднять еще один мятеж при помощи иноземцев?

Ничего. Так сказал и лодочник. Эти слова запали глубоко в душу Цуда Сандзо, и поэтому он сидел, задумавшись и отпивая маленькими глотками холодный саке.

– Здравствуй, Цуда, – сказал кто-то мягким, вкрадчивым голосом.

Это оказался старик в золотанной одежонке, совсем стоптанных сандалиях-гэта, соломенном плаще. Голова его была повязана запачканным платком, а маленькая бородка дрожала от холода.

² Сайго Такамори – деятель революции 1867-68 гг. в Японии. В 1877 году возглавил мятеж самураев, который был подавлен. Был убит своим адъютантом в том же году, так что слухи о его возможном возвращении в Японию были абсолютно беспочвенными.

– Здравствуй, почтенный, – учтиво сказал Цуда. – Откуда ты знаешь мое имя и не хочешь ли поесть и выпить глоток саке? Правда, мне не на чем его разогреть.

– В холодную погоду даже холодное саке согревает...

Старик благодарно принял напиток и плотнее укутался в свой ветхий плащ.

– Так откуда ты знаешь меня, почтенный? – снова спросил Цуда. – Или ты не хочешь сказать? Или не можешь?

– Я знал твоих родителей, – ответил старик. – Ведь это они служили лекарями у князей Ига?

– Служили. Но...

– А ты прославился вместе с другими в сражениях с Такамори, предавшим микадо.

– Я не осмелился бы говорить так, – скромно сказал Цуда, хотя ему, несомненно, были приятны слова старика.

Совсем скоро они уже вдвоем допили остатки саке, доев и рис, и перышки лука, и тофу. На вопрос старика о том, что нового слышно в Оцу, полицейский рассказал все, что знал. Хотя новости в Оцу ожидались общеизвестные: приезд русского следника, который должен встретиться там с принцем Арисугавой. Цуда знал об этом особенно много, потому что ему, в числе других стражей порядка, было приказано охранять проезд гостя по улочкам города.

– А ты слышал, что говорят о том, кто приехал с русскими?
– спросил старик.

– Ты говоришь о мятежнике Такамори?!

После этих слов Цуда удивился сам себе: не так уж много он выпил саке, чтобы язык сделался таким болтливым. Разговор у них получается плохой, совсем не нужный... Этого старика он видит в первый раз; что, если старик пойдет отсюда к губернатору и отплатит доносом за добро?

Старика неплохо бы убить, решил Цуда, и еще более удивился, когда старик спокойно сказал:

– Не думай об этом, самурай. Сейчас я расскажу тебе все, и ты поймешь.

* * *

Цесаревич стоял у фальшборта и курил. Настроение у него было неважное, хотя официальные мероприятия и церемонии он вместе с принцем Георгием удачно разбавлял увеселительными: катался на рикше, покупал сувениры, посещал уже ставшие привычными чайные домики, записав затем в дневник: «Обитательницы чайных домиков – парчовые куклы в затканных золотом кимоно. Японская эротика утонченнее и чувственнее грубых предложений любви на европейских улицах».

А еще он сделал себе татуировку. Вообще-то в Японии это искусство было запрещено уже довольно давно, да и делали татуировки только люди низкородные, более того, ими даже клеймили преступников. Но Николай знал, что английские принцы Джордж и Альберт уже сделали себе татуировки во время визита в Йокогаму, поэтому не мог удержаться.

Разумеется, не смог не последовать примеру двоюродного брата и принц Георг. Поэтому на «Память Азова» тайным образом провели двух мастеров татуировки, и у цесаревича на правой руке появилось цветное изображение дракона с черным телом, желтыми рожками, красным брюхом и зелеными лапами.

Свежая татуировка болела – руку жгло, словно огнем, и доктор Рамбах отчитал Николая, сказав, что так можно остаться и вовсе одноруким. Однако угнетало цесаревича не это.

Визит на русское кладбище в Инаса не обещал ничего печального, кроме разве что скорбного зрелища могил своих соотечественников на чужбине. Пока искали старичка –хранителя кладбища с ключами от ворот, Николай попросту молодецки перелез через них. И лучше бы старичка не находили, потому что

он посоветовал Николаю во время визита в Киото встретиться с тамошним отшельником, которому ведомо очень многое.

Совет чрезвычайно заинтересовал цесаревича. Он запомнил его и после официальных мероприятий – а встреча его жителями Киото была весьма радушной и красочной, как, впрочем, везде. Нашлось время для забав самого разного рода: в дневнике появилась запись: «Глаза просто разбегаются, такие чудеса видели мы. Видели стрельбу из лука и скачки в старинных костюмах... Были в форте-дворце Сиогуна... В девять отправились с Джорджи в чайный домик. Джорджи танцевал, вызывая визги смеха у гейш...»

Но затем, когда «визги смеха» прискучили Николаю, он попросил маркиза Ито сопроводить его к отшельнику и выступить в качестве переводчика. Маркиз, пожав плечами, согласился, но витиевато заметил, что «отшельник Теракуто – человек замкнутый, но, если Царственный путник пожелает его видеть, он к нему выйдет, если на то будет благословение Неба».

В одну из рощ вблизи Киото, где жил монах, вместе с цесаревичем и маркизом Ито отправился принц Георгий. Одетые в штатское, они добрались туда незамеченными. Долго искать отшельника не пришлось – он сидел под деревом и, казалось, ждал чего-то, уставившись в спускающиеся сумерки. Уже наклонившись к престарелому монаху поближе, Николай обнаружил, что тот совершенно слеп – глаза Теракуто закрывала плотная мутная пелена.

А потом монах заговорил. Речь его была не слишком долгой, но Николаю хватило. Цесаревич видел, как меняется в лице маркиз-переводчик, повторяя вслед за отшельником:

– Опасность витает над твоей головой, но смерть отступит и трость будет сильнее мечи... И трость засияет блеском. Два венца суждены тебе: земной и небесный. Играют самоцветные камни на короне твоей, но слава мира проходит, и померкнут камни на земном венце, сияние же венца небесного

пребудет вовеки. Великие скорби и потрясения ждут тебя и страну твою. На краю бездны цветут красивые цветы, но яд их тлетворен: дети рвутся к цветам и падают в бездну, если не слушают отца. Все будут против тебя... Ты принесешь жертву за весь свой народ, как искупитель за его безрассудства³...

Монах замолчал.

Над головой неприятно кричали вечерние птицы, а Николай стоял, оцепенев.

– Послушайте, – нерешительно начал он, но Теракуто сделал странный жест, словно отталкивая от себя что-то, медленно повернулся и пошел среди деревьев, находя дорогу, уверенно, как зрячий. Цесаревич сделал шаг вслед, но Ито деликатно придержал его за локоть и сказал:

– Видимо, он сказал все, что считал нужным.

– Чушь какая-то, Ники, – убежденно заявил Георгий. – Трость, меч... Пойдем-ка лучше выпьем шампанского с феминами. Может, тут есть ресторанчик наподобие «Волги» в Нагасаки.

Но ресторанчик искать не стали, а настроение у Николая по-прежнему оставалось премерзостным. Он бросил в воду бухты окурок, взглянул на береговые огоньки – откуда-то издалека еле слышно доносилась писклявая японская музыка.

Подошел принц Георгий, навалился всем своим огромным крепким телом на фальшборт и поинтересовался, благоухая коньяком:

– Как твой сплин, Ники?

– Отстань, Джорджи.

– Этот гнусный старикашка наговорил тебе глупостей, а ты забиваешь ими голову, воспринимая всерьез. Вообще все эти восточные штучки, знаешь ли, никогда мне не нравились. Я еще понимаю – гейши, танец живота... Впрочем, танец живота – это уже не совсем Япония... И даже совсем не Япония... Идем лучше напьемся, все больше tolku выйдет.

³ Пророчество отшельника дословно записано в дневниках маркиза Ито.

– Отстань, Джорджи, – повторил цесаревич. Георгий хмыкнул, проворчал себе под нос что-то по-гречески и в самом деле ушел. А Николай остался стоять, вглядываясь в мрачную воду и повторяя шепотом:

– На краю бездны цветут красивые цветы, но яд их тлетворен...

* * *

– ...Жизнь подобна сновидению. Мы живем в мимолетном, переходящем мире. Даже если ты богат и получаешь удовольствие от жизни, ты напоминаешь человека, которому снится, что он нашел золото. Такой человек радуется своей находке, не подозревая, что видит всего лишь сон...

Слова старика в соломенном плаще вливались в уши Цуда, словно ручей вливается в реку. Полицейский даже не замечал, что стало совсем темно, а он всегда побаивался темноты, с детства помня, что все злые существа скрываются именно там, где нет света.

– ...Стремиться к славе нехорошо. В идеале следует снискать себе славу, не прилагая к этому усилий. Но все же лучше прославиться, прилагая для этого усилия, чем не прославиться вообще...

– Я не искал славы, когда сражался с мятежниками при Кумамото и Кагосиме, – нашел в себе силы сказать Цуда.

– А прав ли ты был? Все ли помнят теперь о тех, кто выжил и кто погиб? Помнит ли об этом сам микадо?! Люди слабы памятью, особенно на добрые дела, они привыкли помнить лишь злые. А сейчас вернется Такамори, русские помогут ему, и ты станешь преступником вместо героя. Жители Оцу станут плевать, увидев твои награды.

Зря я не убил старика сразу, подумал Цуда. Теперь мне уже не хочется этого делать...

– ...Тот, кто бегает по лесу, стараясь насобирать побольше орешков или грибов, не соберет их много. Тот же, кто не суетится, насобирает больше. Желающий многоного получит мало, а тот, кто готов довольствоваться малым, получит много... – журчал стариk. Внезапно он остановился и поднял тонкий грязный палец, почему-то отчетливо видный в сгустившейся темноте.

– Слышишь, Цуда? Кто-то идет.

– Путник, – развел руками полицейский.

– А может, это демон Они с красной кожей? Он ищет, кого ударить своей палицей с шипами и сожрать или утащить к себе в логово, в Дзигоку? Пойди и проверь, у тебя же есть меч, Цуда!

Полицейский словно только сейчас вспомнил, что у него в самом деле есть сабля, полагающаяся по роду службы. Это было не слишком удобное оружие в отличие от самурайского меча, но, чтобы отнять у кого-то жизнь, вполне годилось. Цуда поднялся и пошел вперед, стараясь не выходить на тропинку. Стариk неслышно следовал за ним, бормоча едва слышно:

– Люди видят вещи, когда они появляются, и говорят, что они существуют. С другой стороны, когда тело исчезает после смерти, они говорят, что его больше нет. Люди видят живых и не видят умерших. При этом они верят, что все либо существует, либо нет. Даже трехлетний ребенок может это сказать. Люди не знают, что перед рождением человека и после его смерти он пребывает в бесконечности. Однако они часто делают умный вид, словно понимают это. В действительности же они ничем не отличаются от трехлетних детей.

– Это же Каору, водонос! – воскликнул Цуда, останавливаясь и опуская саблю.

В самом деле, по тропинке шел, напевая, водонос Каору. Услыхав слова полицейского и увидев его фигуру в кустарнике подле тропы, он остановился и принял всматриваться, надеясь, что это добрый человек, а не разбойник, раз уж назвал его по имени.

– Кто там? Может, ты хочешь немного воды? – робко спросил Каору.

– Это Они, демон, – шепнул стариk полицейскому. – Скорее убей его. Потом я расскажу тебе все остальное. Не бойся, я не оставлю тебя.

...Сейчас Цуда вспоминал все это, стоя на своем посту – на холме Миюкияма возле выполненного в виде орудийной установки памятника воинам, погибшим во время восстания мятежников. Он хорошо помнил, как одним ударом разрубил несчастного водоноса, вовремя остановив руку – затем, чтобы тело не распалось на две половины.

Помнил, как оттащил мертвеца к озеру Бива, привязал к его ногам большой камень (веревку ему дал стариk) и бросил Каору в воду.

Помнил, как стариk шелестел:

– Ты полировал деревянную палочку, Цуда? Если во время полировки слишком сильно на нее нажать, работу можно испортить. Когда же ты не усердствуешь, не жмешь слишком сильно, работа идет лучше. Используя силу, ты лишь придаешь блеск, но не устраняешь неровности. Потому полировать надо легко, без нажима. Этому принципу нужно следовать во всем, Цуда.

– Они едут! – крикнул лейтенант Сохо. В самом деле, вдалеке показалась процессия, которую жители города приветствовали, размахивая флагами. Коляски с принцем Арисугавой и его гостями были новые, специально присланные из Токио, и каждую из них тащили по двое рикш – такого Цуда еще никогда не видел. Зато он знал, что русские только что наслаждались пейзажами озера Бива, в глубинах которого рыбы и крабы грызли сейчас труп несчастного водоноса. При очередном воспоминании о славном парне Каору полицейский до хруста в костях сжал кулак на сабельной рукояти.

«Используя силу, ты лишь придаешь блеск...»

Неожиданно в толпе людей, машущих флагами на проти-

воположной стороне улицы, Цуда заметил старика. Тот ласково улыбался ему и покрепче стягивал на груди свой ветхий соломенный плащ.

«Не бойся, я не оставлю тебя...»

* * *

Такой способ передвижения цесаревичу нравился, тем более конный экипаж все равно не уместился бы на узенькой улочке Оцу. Про себя Николай подивился глупости японцев – а если нужно везти что-то тяжелое? – и оглянулся. Ехавший в следующей коляске принц Георгий помахал ему бамбуковой палкой, которую только сегодня утром купил на базарчике у дома мэра Оцу.

Николай помахал в ответ рукою и поправил котелок.

Мимо проплывали ликующие лица горожан и бесстрастные – полицейских, следящих за порядком. Этикет запрещал им поворачиваться к русскому наследнику спиной, потому наблюдать за толпой было делом крайне сложным. Никто не должен был находиться на вторых этажах зданий, это тоже запрещалось этикетом; все обязаны были снять головные уборы и закрыть зонты. Николай увидел, как плюшевый старикашка в плаще из соломы запоздало стащил с головы платок, и подумал, что за это опоздание вполне могут наказать. Если заметят... Впрочем, полицейский как раз смотрел на цесаревича, и Николай едва сдержал совершенно неуместное желание подмигнуть везучему старичку.

Через мгновение цесаревичу было уже не до этого.

* * *

«Если во время полировки слишком сильно на нее нажать, работу можно испортить...»

Цуда Сандзо решительно воздел над головой саблю и сделал

шаг вперед. Вряд ли кто-то из стоявших рядом увидел в этом движении угрозу заморскому гостю – скорее, они подумали, что полицейский таким образом приветствует процессию. Но Цуда бросился к приблизившимся коляскам, лихорадочно соображая, кто же из сидящих там – сын русского царя. Может быть, вон тот здоровяк с тросточкой? Или этот, с усиками, в смешной европейской шляпе?! Раздумывать было некогда, и полицейский свернулся к ближнему из русских – тому, который с усиками. Он надеялся, что не ошибается.

* * *

Николай не успел отвести взгляда от приветливо улыбающегося старичка, как почувствовал сильный удар по голове. Первой мыслью было, что его задела низко свесившаяся ветвь одного из тополей, которые в большом количестве росли по краям дороги, но тут же он увидел перекошенное лицо японского полицейского, замахнувшегося саблей, рукоять которой держал обеими руками.

– Что?! Что тебе?! – закричал цесаревич, чувствуя, как по щеке сбегают горячие струи. Полицейский, ясное дело, не отвечал, да и не до бесед теперь было. Потому Николай выскочил из раскаивающейся коляски и, зажав рукою рану и успешно уйдя от очередного удара сабли, помчался по улице. Вокруг с воплями разбегались в разные стороны перепуганные японцы, включая и полицейских. Позади отчаянно ругался матом по-русски принц Георгий.

Николай прибавил скорость и нашел в себе силы оглянуться. Чертов японец несся следом, размахивая своим жутким оружием, но его – о, радость! – настигал Георгий. В несколько прыжков догнав злоумышленника, принц огrel его своей бамбуковой тростью, и японец пошатнулся. Воспользовавшись этим, на преступного полицейского набросился один из

рикш, подхватил неожиданно оброненную им саблю и ударил ее по спине. Злодей упал, разбросав руки в стороны.

Затем окровавленного пленника потащили куда-то за ноги, но, что с ним сталоось дальше, Николай уже не увидел: добрый доктор Рамбах появился откуда-то со своим чемоданчиком и уже причитал над раной.

— Что там? — спросил Николай.

— Все хорошо, все хорошо, — бормотал доктор, останавливая кровотечение. Вокруг толпились свитские, полицейские, простые японцы. Кто-то плакал, кто-то, как князь Барятинский, испуганно успокаивал остальных, верный себе Эспер Ухтомский строчил в блокнот.

«Поди, этому было бы интересно, чтобы меня убили: то-то вышел бы финал у его книги о плавании «Азова»!» — подумал Николай и улыбнулся.

* * *

«Я нисколько не сержусь на добрых японцев за отвратительный поступок одного фанатика. Мне так же, как прежде, любы их образцовый порядок и чистота, и, должен сознаться, продолжая засматриваться на гейш, которых издали вижу на улице».

Сделав очередную запись в дневнике, Николай потрогал повязку. Нужно сказать, сейчас рана болела куда меньше, чем свежая татуировка, но то и дело кружилась голова. Впрочем, доктор Рамбах объяснил это легким сотрясением мозга и не уставал дивиться тому, что удар саблей случился так счастливо и не нанес тяжелых повреждений. Тем не менее решено было тотчас возвращаться домой.

Разумеется, тому предшествовали многие события, включая визит в Киото самого японского императора Мэйдзи, прибывшего на поезд. Император посетил Николая в гостинице, а затем и на фрегате «Память Азова». Барятинский

сообщил цесаревичу, что японские министры не велели императору посещать корабль: дескать, русские могут его похитить, но Мэйдзи не побоялся. Встречи с ним были весьма приятными, но навестить дворец в Токио Николай все же отказался. Только потом он узнал, что японка Юко Хатакэяма заколола себя ножом перед зданием мэрии Киото, не выдержав национального позора.

– Вишь, дура, – констатировал это печальное происшествие принц Георгий. – А вот с тростью занятое получилось.

– О чём ты, Джорджи? – спросил Николай.

– Ну как же! Помнишь того старикашку?

– Какого старикашку?

Перед цесаревичем тут же предстала улица в Оцу, тенистые тополя и испуганный старик, торопливо сдирающий с плешивой головы замызганный платок... Впрочем, полноте, испуганный ли?! Он так странно смотрел... улыбался...

– Да я про отшельника, Ники, или ты забыл?

– А... В самом деле... «Трость будет сильнее меча».

– Вот она, – сказал принц, подбросив в руке трость. – Хорошие трости япошки делают, так треснул этого мерзавца, а ей хоть бы что. Кстати, что там с ним сделали? Надеюсь, уже повесили?

Но Цуда Сандзо не повесили.

18 мая Николаю Александровичу исполнилось двадцать три года, а спустя неделю бывший полицейский Цуда Сандзо был приговорен на закрытом судебном процессе к пожизненному заключению на Хоккайдо, откуда он не должен был вернуться.

– Тот, кто бегает по лесу, стараясь насобирать побольше орешков или грибов, не соберет их много. Тот же, кто не суетится, насобирает больше, – шептал Цуда, не слушая приговора.

А тело веселого водоноса, обглоданное и высосанное, к тому времени уже почти бесследно растворилось в прохладной воде озера Бива.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сверчок на Хоккайдо

*Сверчок не смолкает
Под половицей в морозной ночи.
Веет стужей циновка.
Не скинув одежду, прилягу.
Ужели мне спать одному?*

Гокёгокусэссё-но саки-но Дайдзёдайдзин

Тюрьма Абасири на острове Хоккайдо была поистине страшным местом, и полицейский Цуда Сандзо об этом знал. Впрочем, теперь он уже не был полицейским – скорее позором Японии, хотя обращались с ним хорошо и даже бережно.

В отличие от всех островов Японии, Хоккайдо был расположен в зоне северных ветров. Зимой температура здесь падала до минус тридцати-сорока градусов, свирепствовали ужасные метели, а камеры, на полу которых не было даже циновок, кишили блохами. Заключенные чаще всего умирали от воспаления легких, но Цуда старался не задумываться об этом – он даже не знал, сможет ли дожить до зимы.

Иногда он думал, что следует покончить с собой, но не знал, как это сделать, а главное – не представлял зачем. Умирать Цуда не хотелось, и он жалел, что его не убили тогда, на улице Оцу. Если бы тот огромный русский посильнее ударил его тростью по голове, сейчас не приходилось бы кормить собой полчища блох и размышлять о непонятном...

Заскрипел замок, и в камеру вошел надзиратель по имени

Хотака. Хотака был откуда-то с юга, чуть ли не с Окинавы. Кри-воногий, покрытый прыщами и воняющий потом, пожилой Хотака был добрым человеком и изредка даже разговаривал с узником, что запрещалось тюремными правилами. Совсем по-другому относился к Цуда второй надзиратель, Фунакоси. Фунакоси был младше Хотаки лет на тридцать и ненавидел заключенного – принося ему яйца, он иногда нарочно ронял их и разбивал, чтобы Цуда ел их прямо с пола, и точно так же проливал молоко.

К слову сказать, яйца и молоко Цуда получал ежедневно и не удивлялся этому, пока старый Хотака не разъяснил, что вообще-то в Абасири так не кормят.

– На кормежку заключенного выделяется в день один сэн¹, – говорил надзиратель, качая головой, – а одно яйцо стоит три сэна. Стакан молока тоже стоит три сэна¹.

– Но почему меня так кормят? – осторожно спросил Цуда.

– Это надо бы спросить у начальника тюрьмы, господина Итосу. Без его ведома такие вопросы не решаются. Вот только я не возьмусь спрашивать, да и никто не возьмется. И тебе-то что? Ешь яйца, пей молоко и радуйся.

Но радоваться Цуда не мог и не хотел. Сидя в сырой камере, он часами смотрел на стену. Других заключенных выводили на работы – они валили лес, ремонтировали дорогу, работали на огородах. Цуда скучал, часами глядя в маленькое оконце под самым потолком. В окошко было видно только небо – иногда голубое, иногда серое. Там даже не было птиц.

* * *

Так Цуда провел две недели, а может, и больше – после первой он перестал считать дни. Прекратил делать гимнастику, помногу спал, видя во сне странные и неприличные

¹ Сэн – одна сотая японской иены, мелкая монета.

вещи. И кто знает, что случилось бы с бывшим полицейским, не навести его однажды поздним вечером неожиданный гость.

Старик вошел в камеру и остановился. Цуда внимательно смотрел на дверь, ожидая, что вслед за гостем войдет кто-либо из надзирателей, но никто не появлялся.

– Здравствуй, Цуда.

– Здравствуй, почтенный, – ответил Цуда. – Почему ты не назовешь мне своего имени?

– А зачем его знать? Иногда мне кажется, что я и сам его забыл... Пустое; давай лучше я угощу тебя едой, как ты угостили меня тогда на вечерней тропинке.

Сказав так, старик вынул из холщовой сумки небольшую циновку, постелил на пол и принялся выкладывать на нее снедь. Там были морские гребешки, рис, красные водоросли, куски жареной камбалы, кувшинчик с саке. Но сначала старик подал Цуда кусок сырого мяса и велел съесть.

Цуда послушно начал жевать. Мясо было мягким и походило на печень, а пахло водорослями.

– Что это? – спросил он, проглотив.

– Морской лев, – сказал старик. – Это очень полезно. Ешь, а я буду смотреть. И пей.

Цуда отхлебнул саке прямо из кувшинчика и потянулся за камбалой. Он не любил разговаривать за едой, молчал и старик. Насытившись (а ел он медленно, не жадно, соблюдая приличия), узник поблагодарил своего гостя и спросил:

– Но как же ты сюда попал? Ты, верно, знаком с господином Итосу? Потому меня и кормят не так, как других заключенных?

– Я не знаком с почтенным Итосу, и почему тебя хорошо кормят – не знаю. А пришел я сюда тайно, и точно так же тайно должен будешь ты отсюда выйти.

– Я?! Выйти?! – удивился Цуда. Он посмотрел на дверь, так и

оставшуюся приоткрытой. – Но охрана, надзиратели...

– Я же смог пройти. И даже принес тебе угощение, – сказал старики. – Если ты готов – поторопись. Господин Таканобу, великий художник из Киото, как-то сказал: «Если размышления делятся долго, результат будет плачевным». Но прежде возьми это.

Старик протягивал револьвер. Цуда даже не заметил, откуда тот его добыл.

– Это «Галан». В барабане шесть патронов, вот здесь, – старики подал тяжелый мешочек, – еще тридцать. Чтобы зарядить...

– Я видел такой, знаю, как заряжать, – перебил Цуда. Он тут же испугался, что поступил неучтиво, но старики лишь закивал головой. Цуда привязал мешочек к поясу.

– А вот нож, – продолжал старики. Нож оказался небольшим и обоюдоострым кинжалом, рукоять которого удобно легла в ладонь Цуда. – Но и это не все. Теперь – главное.

Главным оказался металлический сверчок величиной чуть больше настоящего, живого. Цуда внимательно рассмотрел его и спросил:

– Зачем он мне?

– Никогда не спрашивай, зачем тебе дана та или иная вещь. Предназначение одной поймешь сам, предназначение другой она подскажет тебе, когда придет время. Храни его и не теряй. Впрочем, потерять сверчка ты не сумеешь, даже если захочешь. Он будет с тобой всегда.

Бывший полицейский пожал плечами и убрал сверчка в мешочек с патронами. Он еле слышно звякнул о латунь гильз и упокоился там.

– А вот деньги, – подал старики еще один мешочек. – Здесь достаточно, чтобы купить билет на корабль, отправляющийся в Россию.

– Но я не хочу в Россию, – возразил Цуда, не решаясь взять деньги.

– Слушай меня, – мягко сказал стариk. – Слушай меня, самурай. Все мы желаем жить, и поэтому неудивительно, что каждый пытается найти оправдание, чтобы не умирать. Но, если человек не достиг цели и продолжает жить, он проявляет малодушие. Он поступает недостойно. Если же он не достиг цели и умер, это действительно фанатизм и собачья смерть. Но в этом нет ничего постыдного. Такая смерть есть Путь Самурая. Если каждое утро и каждый вечер ты будешь готовить себя к смерти и сможешь жить так, словно твое тело уже умерло, ты станешь подлинным самураем.

– Ты меня не понял, стариk! Я не боюсь смерти! – повысил голос Цуда. – Я просто не хочу в Россию! Я ненавижу эту страну, которая всегда желала моему народу зла.

– Поэтому ты и поедешь туда.

Цуда вздохнул, протянул руку и взял мешочек с деньгами. Он оказался тяжелее, чем тот, что с патронами.

– А теперь иди, – сказал стариk. – И помни, что последователь нэмбуцу повторяет имя Будды на каждом вдохе и на каждом выдохе и никогда не забывает о нем. Точно так же слуга должен думать о своем хозяине. Никогда не забывать хозяина – вот что главное для слуги.

– Но... ворота? Они же закрыты?

– Помни о сверчке, самурай, – улыбнувшись, промолвил стариk. – Всегда помни о сверчке.

* * *

В узком коридорчике, на полу, присыпанном сенной трухой, лежал мертвый надзиратель Хотака. Голова бедного надзирателя была свернута набок, изо рта и ушей огромной лужей натекла кровь, в которой кишили блохи. В камерах еле слышно шумели другие узники, которые понимали: что-то происходит, но что именно – не могли даже догадываться.

Цуда осторожно пробрался мимо трупа, стараясь не наступить в кровь. Револьвер он сжимал в руке, будучи готов применить оружие в любой момент. Пару раз он оглянулся – не идет ли следом старик, но того не было видно. Цуда даже не был уверен, застанет ли старика в своей камере, если вдруг вернется обратно – да и человек ли он вообще?!

Снаружи было уже совсем темно, сторожа негромко перекрикивались между собою, и Цуда скользнул вдоль стены в направлении ворот. Разумеется, ворота были закрыты, но у Цуда в мозгу вертелись слова старика: «Помни о сверчке, самурай! Всегда помни о сверчке!» Поэтому бывший полицейский совершенно не удивился, когда увидел возле ворот молодого Фунакоси, спешившего куда-то со светильником в руках.

Цуда ударил его ножом в печень, когда Фунакоси проходил мимо. Надзиратель слабо вскрикнул, Цуда ударил его еще раз – под ложечку, оттащил к стене и снял с пояса связку ключей. Один из них должен был подойти к воротному замку...

Так и произошло. Приоткрыв ворота, Цуда покинул свое уилище и побежал по недавно выстроенной и отремонтированной заключенными дороге на север. Он еще не знал, куда пойдет. В северных лесах Хоккайдо есть много странного: его могли растерзать хищные звери, могли убить живущие здесь охотники-айны, дикие и злобные варвары, поклоняющиеся медведю... Могли, в конце концов, завести в болота и чащи злые духи. Но Цуда смеялся, потому что чувствовал себя сильнее любого зверя, сильнее глупого айна с деревянным копьем, сильнее злого духа. Что там, он сам ощущал себя злым духом.

Поэтому Цуда смеялся, когда пробирался сквозь заросли бамбука, когда по пояс провалился в холодную трясину и с трудом выбрался. Смеялся он, когда уже утром увидел в долине небольшую деревеньку и услыхал хрюканье свиней в загонах.

Он был свободен.
В мешочек побрякивали галановские патроны и маленький металлический сверчок.

* * *

Начальник тюрьмы Абасири господин Итосу был взвешен, однако внешне этого не показывал, чтобы не упасть в глазах подчиненных.

– Как были убиты Хотака и Фунакоси?! – спросил он у старшего надзирателя. Тот развел руками:

– Их зарезали. У Хотаки перерезано горло, а Фунакоси ударили ножом в живот.

– И никто ничего не видел и не слышал?

– Никто ничего не видел и не слышал, господин… – горестно повторил вслед за начальником старший надзиратель. Он боялся, что ему теперь придется сделать харакири, но господин Итосу рассуждал совершенно иным образом.

– Послушай, Харуки, ты умный человек, – вкрадчиво сказал он. – Как ты думаешь, этот сбежавший узник, этот подлец, опозоривший самого Микадо, нужен кому-нибудь?

– Я думаю, нет, – сказал старший надзиратель. – Однако было распоряжение хорошо его кормить. Вдруг кто-то поинтересуется его судьбой?

– Возможно, возможно… Но все люди смертны, не так ли?

Старший надзиратель внимательно смотрел на начальника, прикидывая, к чему он клонит.

– Наши заключенные часто умирают, простудив легкие. Мороз, северный ветер, сырость… По-моему, один недавно как раз оставил этот мир?

– Да, это Наохиро, вор из Хиросимы. Он еще лежит в мертвецкой, господин.

– Так вот, мой дорогой Харуки, в мертвецкой лежит Цуда

Сандзо, бывший полицейский из Оцу, который опозорил Ми-кадо и хотел убить русского наследника. Он умер от воспаления легких, и мы должны похоронить его как можно скорее. Вдруг это не воспаление легких, а заразная болезнь?

— Кажется, я понял, господин, — поклонился старший надзиратель. Нет, думал он, сэппуку делать не придется. А Итосу — мудрейший человек. В самом деле, отчего бы этому негодяю не умереть? А вор Наохиро — тот сбежал, но что страшного в том, что сбежал какой-то вор? Мало ли их?

— Поговори с остальными надзирателями, объясни им, что произошло, — велел тем временем господин Итосу. — Вот деньги, — он бросил на столик несколько монет, — хорошенко угости их саке. Скажи, что я не гневаюсь за то, что вор Наохиро сумел убежать. Но впредь пусть будут внимательнее. А отчет о происшествии я напишу и отправлю сам.

— Хорошо, господин!

Старший надзиратель аккуратно собрал монеты и, кланяясь, вышел. Господин Итосу улыбнулся сам себе и подошел к окну, за которым ярко сияло восходящее солнце.

* * *

Спустя восемь дней после этого события немолодой уже японец, одетый в европейское платье, поднялся по трапу небольшого каботажного парохода «Сикоку-Мару», отправлявшегося во Владивосток. В одной руке он нес клетчатый саквояж, а другой то и дело поправлял на голове котелок, к которому явно был непривычен.

Маленькая тесная каюта напоминала гроб. Цуда поставил саквояж на жесткую узкую койку и тотчас вышел обратно на палубу. Бухта Нагасаки выглядела мрачной — над ней низко висели тучи, накрапывал мелкий дождик, и на пристани было меньше людей, чем обычно.

Рядом с Цуда оперся о фальшборт низенький человечек в длинном пальто. Он что-то сказал по-русски, приветливо улыбаясь, но Цуда покачал головой.

— Я спросил, в первый ли раз вы плывете в Россию, — произнес низенький человечек уже по-японски. — Впрочем, уже понял, что в первый. Коммерция, вероятно?

— Да, кое-какие коммерческие дела, — уклончиво отвечал Цуда.

— Вы, верно, думаете, что вашего брата у нас недолюбливают после истории с цесаревичем Николаем? Уверяю, это не так. Есть русская пословица, она гласит: «В семье не без урода». Вот и этот... Тацу? Тодзу? В общем, чокнутый полицейский со своей саблей, он и есть всего лишь урод. А с японцами у русских всегда будут добрые отношения, поверьте. Кстати, если нужна какая-то помощь, я к вашим услугам. Моя фамилия Квашнин, Петр Григорьевич. Тоже, знаете ли, коммерсант. Во Владивостоке найти меня несложно, у любого спросите, хе-хе...

Цуда учтиво поклонился.

— А не могли бы вы помочь мне прямо сейчас? — спросил он.

— Разумеется, разумеется... Но чем?

— Как видите, я совершенно не знаю русского языка. А в Россию, как мне кажется, я отправляюсь весьма надолго... К чему терять время в этом скучном плавании? Может быть, вы дадите мне несколько уроков? По-японски-то вы говорите замечательно.

— Отчего бы и нет, — засмеялся Квашнин. — Погодите, вот отплывем, перекусим, выпьем за начало путешествия, да и сядем учиться.

Цуда еще раз учтиво поклонился. Квашнин тут же куда-то убежал, сказавши: «Ну, увидимся!» — и бывший полицейский снова стал смотреть на причал Нагасаки, на серые портовые склады и на провожающих «Сикоку-Мару», которые стояли на берегу небольшой печальной группкой.

Среди прочих Цуда не сразу увидел стариичка в соломенном плаще, с нелепой повязкой на голове. Стариичок махал ему рукой и улыбался.

Маленький металлический сверчок зашевелился среди галановских патронов на дне саквояжа. Он плыл в новую, чужую страну. Плыл, как и полагал Цуда Сандзо, весьма недолго...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мунан

*Какие неопытные у вас министры...
У нас бы никто не побеспокоил бодыхана.
Убрали бы мертвцевов – и все.*

Чрезвычайный посол Китая в России Ли Хун-Чжан
о Ходынской трагедии

«До сих пор все шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился великий грех. Толпа, ночевавшая на Ходынском поле, в ожидании начала раздачи обеда и кружки, наперла на постройки, и тут произошла страшная давка, причем, ужасно прибавить, потоптано около 1300 человек!! Я об этом узнал в 10 1/2 ч. перед докладом Ванновского; отвратительное впечатление осталось от этого известия».

Николай сделал эту запись в своем дневнике, встал и потер виски. Голова болела, выписанные врачами порошки не помогали, и царь, открыв шкафчик, налил в рюмку коньяку. Выпил, вздохнул, налил еще и вернулся к столу.

С Ходынкой в самом деле получилось нехорошо, и газетные щелкоперы тут же бросились расписывать катастрофу. Может, в самом деле не стоило продолжать гуляний? А ведь все так хорошо начиналось, видит бог...

* * *

Народный праздник на Ходынке обещал быть поистине великолепным, и Жадамба Джамбалдорж ощущал это в движе-

нии людей, стекавшихся со всех сторон посмотреть увеселения – «электрический пароход, управляемый крысами», «ежа, стреляющего из пушки», и «поездку козла на волке», которые обещал показывать клоун Дуров, а главное – получить подарки.

Сейчас было уже около девяти утра, но многие ждали здесь со вчерашнего вечера, разведя костры и греясь подле них. Говорили, что несколько человек ночью умерли по разным причинам, но таких грустных новостей в этот веселый день никто слушать не желал. Умерли и умерли – и упокой господь. А тут – праздник у людей.

Два молодых парня в нарядных рубахах и новеньких пиджаках остановились рядом с Жадамбой и переговаривались вполголоса, полагая, видимо, что он не знает русского языка.

– Смотри, смотри, и китаец приехал. Поди, у них в Китае такого не увидишь.

– Может, и увидишь, – лениво отвечал второй. – В Китае, говорят, чего только нету. Слыхивал, огнем плюются и жаб едят.

– Жабу большого ума сожрать не надобно. Ты Ваське Косорылому поставь полутоф, он тебе всех лягушек в округе за это поест. На закуску, ахахахаха!!!

Парни засмеялись, окликнули Жадамбу:

– Поди, ходя¹, тоже царского подарка захотел? Царь добрый, он всем подарков даст!

– Спасиба, господина! – закивал Жадамба с улыбкой, зная, что такое поведение в общении с русскими никогда не повредит. – Спасиба!

– Видал, ходя-то кумекает немного по-нашенски, – толкнул второй приятеля локтем. – Улыбается.

– А глаза косые, да еще и разные. Моя бабка, помню, говорила: у кого глаза разного цвета, в том бес сидит. Тьфу, тьфу, – парень принял креститься.

¹ Ходя – пренебрежительное название китайцев, бытовавшее в России в конце XIX – начале XX века.

– Дура бабка твоя. А китаец – он тоже почти как человек. Вон, радуется... Голодный, поди. На-ка тебе вот семечек, – сказал второй и втиснул в руку Жадамбы бумажный кулечек с жареным подсолнечным семенем.

– Спасиба, господина! – Жадамба закивал с удвоенной силой. – Спасиба, русика господина!

– Поешь, пока подарок-то дадут. Мы, брат, добрые, – заулыбался второй и, облапив товарища за плечи, потащил вглубь людского потока.

Цуда Сандзо (а это был, конечно же, он) спрятал семечки в карман. Бывший полицейский никогда не отказывался от дармовой еды, не собирался он отказываться и от обещанного царского подарка.

Он сам не знал, зачем пришел сегодня на Ходынку. К жизни в России Цуда успел привыкнуть, русский выучил с помощью Квашнина, который пособил ему и с жилищем, и с работой на первое время. Жилище было, разумеется, холодной конуркой без единого окна, но Цуда не жаловался, памятуя, что жилищем самурая может быть даже дырявый плащ. Квашнину тихий японец быстро наскучил, да и сам он куда-то уехал – вроде бы на воды, с тех пор Цуда его не видел.

Это стало поводом сменить имя и фамилию, а также национальность – тогда бывший полицейский и стал монголом Жадамбой Джамбалдоржом. Монголов в Москве было не то чтобы много, трогать его никто не трогал; питался Цуда скучно, работал много, берясь за любой черный труд, и почти привык к размеренному времяпрепровождению, пока не ожил сверчок.

Цуда частенько вынимал металлическую фигурку из мешочка. Это был тот самый холщовый мешочек из-под патронов, который дал ему старик в тюрьме на Хоккайдо. Патронов и револьвера уже не было, Цуда продал их, когда сильно нуждался, а потом, накопив денег, без особого труда купил себе небольшой «бульдог», который и хранил дома, в тайнике.

Поглаживая сверчка по скользкой металлической спинке, Цуда слушал, как шумит за тонкой дощатой стеной русский ветер, шумит точно так же, как шумел ветер в Оцу. И вот сегодня утром сверчок еле слышно завибрировал. Сжал фигурку в кулаке, Цуда подержал ее так, пока не понял, что это ему не кажется. А потом сразу же осознал, куда ему нужно идти. Зачем – он не ведал, но собрался и пошел, прекрасно зная, что у русских сегодня праздник. В конце концов, отчего бы ему и не посмотреть на веселье? Уж слишком скучной была жизнь Цуда в последние годы здесь, в России.

Царский подарок, который ожидали получить собравшиеся, был достаточно скучен: сайка, полфунта не слишком свежей колбасы, три четверти фунта сластей и орехов, вяземский пряник и «коронационная» кружка ценой в пятнадцать копеек, и все это увязано в платочек, на котором изображен Кремль. Однако в народе врали друг другу, что в каких-то узелках спрятаны золотые червонцы, в других – билеты выигрышного займа или серебряные часы.

Цуда вспомнил о подслушанном еще с утра у телег разговоре об этом и, повинувшись неожиданному наитию, крикнул, стараясь правильно выговаривать русские слова:

– Червонцы в подарках! Затем и не пускают нас – сами делят!

Поэтому полумиллионная толпа сразу же пришла в беспорядочное движение, когда кто-то хрюпlo заорал:

– Братцы, да они ж там своим сейчас все царские гостиныци то раздадут!

– Верно! А царя омманут, что всем досталось!

И Цуда завертело среди толкающихся локтей, пыхтящих ртов, топчущихся по ногам сапог. Самурай напряг мышцы, стараясь удержаться «на плаву». Это ему удалось, и толпа, сметая на своем пути скучные полицейские заслоны, понесла его к деревянным баракам-буфетам, в которых и

раздавали вожделенные подарки. Тех, кто падал, толпа затаптывала, не обращая внимания на крики и вопли умирающих. Буфетчик, застывший с кучей подарков в руках, с ужасом смотрел, как из толпы, которой удалось пробраться вовнутрь площади, через проходы выбегали люди в растрепанном виде, в разорванном платье, с дикими глазами, мокрые, с непокрытыми всклокоченными волосами и со стонами прямо ложились, падали на землю. Многие были в крови, некоторые кричали, что у них сломаны ребра.

Цуда споткнулся о мертвеца, поскользнулся на крови и внутренностях, потом оказался лицом к лицу с мертвой девушкой, которую толпа несла за собою. Оттолкнув ее, бывший полицейский подавил в себе панику и начал пробиваться к краю.

* * *

– Как выглядят розы? – с тревогой осведомился французский посол граф де Монтебелло. Секретарь учтиво наклонил голову:

– С розами все в порядке, их беспрестанно опрыскивают водою.

– Смотрите же, Гастон, не хватало, чтобы лепестки начали опадать...

Граф вздохнул: нет ничего хлопотнее, чем устраивать приемы для высоких особ. Третий помощник пятого повара пересолит главное блюдо, а отдувается всегда посол... В Париже не станут разбирать. Но на сей раз вроде бы все складывалось самым благоприятным образом: и специально привезенные со Средиземноморья розы – целый железнодорожный вагон! – и многочисленные деликатесы, среди которых также специально прибывшие из Франции морские языки во льду.

И в этот самый момент дверь распахнулась. В кабинет са-

мым неприличным образом ворвался обычно спокойный камердинер графа.

— Вы слышали?! — воскликнул он. — Кровавая трагедия на празднике по случаю коронации! Тысячи погибших! Это ужасно!

— Похоже, бал отменяется, Гастон, — сухо сказал граф де Монтебелло и пошел телефонировать московскому генерал-губернатору.

У генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, хватало своих забот: только что в приемной пытался застрелиться обер-полицмейстер Власовский. Доложив, что все в порядке и погибло всего сто человек, обер-полицмейстер сунул было к виску револьвер, но его помощник, явно действовавший поговору, оттолкнул руку. Пуля ушла в стену, повредив штукатурку и лепнину, а хитрого Власовского великий князь положил себе обязательно уволить чуть погодя².

С французским послом Сергей Александрович переговорил, но ничего толком сказать не сумел. Потому Монтебелло съездил на Ходынское поле сам и поразился увиденному. Земля была сплошь вытоптана, пропитана кровью, везде валялось какое-то окровавленное тряпье — куски разорванной одежды, а сотни трупов уже были сложены городовыми на телеги. Прижимая к губам надушенный платочек, граф поспешно покинул ужасную гекатомбу и заторопился к обер-церемониймейстеру коронации графу Палену.

Пален выглядел убитым.

— Я беседовал с государем, — сказал он, разводя руками. — Государь плакал. Он не сказал мне своего решения, но я заранее в нем не сомневаюсь: все празднества будут отменены и объявлен траур.

Сказавши так, Пален сам принял утират слезы. Утешив

² По официальным данным, на Ходынском поле (и вскоре после инцидента) погибло 1360 человек, еще несколько сот получилиувечья. Императорская семья пожертвовала в пользу пострадавших 90 тысяч рублей. Московский обер-полицмейстер Власовский действительно был наказан — снят с занимаемой должности вместе с помощником. Великий же князь Сергей Александрович получил в народе прозвище «князь Ходынский».

плачущего старика, Монтебелло вернулся к себе и тотчас вел отменить все приготовления к балу, а сам уселся писать в Париж срочное донесение. Граф был уже на середине, стараясь официальным образом описать увиденные им жутчайшие вещи, когда вошел секретарь и сказал:

– К вам адъютант от великого князя Сергея Александровича.

Появившийся в кабинете офицер произнес слова, от которых у графа все похолодело внутри:

– Государь передумал. Никакого траура не будет, все намеченные празднества, включая бал во французском посольстве, состоятся.

* * *

Цуда сидел на бугорке и перематывал ногу куском материи, оторванной от рубашки: кто-то в толпе нанес ему глубокую ссадину чуть выше щиколотки. Рядом охал и постывал пожилой человек с рыжей бородкой, оглаживая себя по бокам.

– Ребра, ребрышки мои поломали, все как одно, пережали, перемяли... – горевал он, то ли обращаясь к Цуда, то ли сам себе печался. – Наказание какое, господи... Хорошо, жив остался, да еще бог его ведает, что дальше выйдет...

Цуда равнодушно затянул узел покрепче и поднялся. Мимо него русские полицейские продолжали таскать тела, на ходу успевая проверять у них карманы. Возможно, они искали документы, а может, и деньги, которые мертвцам были уже ни к чему. Цуда полицейских не осуждал.

Он хотел было поднять валявшийся на земле кулек, сплошь покрытый кровавыми пятнами, но потом лишь толкнул ногой.

– Это подарок русского государя, самурай. Возьми его, – раздался голос позади. Говорили по-японски. Цуда обернулся и с

изумлением, которое поспешил скрыть, увидел своего старого знакомого – старика.

– Возьми-возьми, – с улыбкой велел старики. – Ты многое узнаешь о русских и об их государе.

Цуда послушно нагнулся и поднял сверток.

– Ты не испугался увиденного сегодня? – спросил старики. Он был одет в русское платье, и только глаза выдавали в нем азиата. Встретив на улице, Цуда вряд ли признал бы его.

– Не испугался. Я был солдатом, я привык к крови и трупам. Я не привык к глупости.

– Верно, самурай. Правильно поступает тот, кто относится к миру, словно к сновидению. Когда тебе снится кошмар, ты просыпаешься и говоришь себе, что это был всего лишь сон. Говорят, что наш мир ничем не отличается от такого сна.

– Идем со мной, – продолжал старики, – мы давно не виделись, нам нужно поговорить. Пусть русский царь празднует свой кровавый праздник, главное уже случилось.

Они ушли, исчезнув за телегами, полными трупов. И вовремя, потому что давешний рыжебородый уже звал городовых и объяснял им:

– Вот тут сидели, я слышу – говорят не по-нашему, и глаза косые, что у бесов... Не иначе, они это и учинили! Только что тут были, убегли, видать...

Но рыжебородого никто слушать не стал: у городовых было полно иных забот, вот-вот на Ходынку должен был приехать государь, в прибытии которого даже они сомневались до последнего момента. Торопливо убирались рваные тряпки, ремонтировались поломанные толпой буфеты, кровавые пятна засыпались песком, а сами мертвцы, которых не успели вывезти, были по приказу все того же ушлого обер-полицмейстера Власовского сложены в ров и накрыты там дерюгой.

* * *

Николай, не торопясь, выпил коньяк и продолжил запись в дневнике: «Аликс и я отправились на Ходынку на присутствие при этом печальном «народном празднике». Собственно там ничего не было; смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка все время играла гимн и «Славься». Пробежал глазами, встал и пошел к шкафчику.

Он в самом деле не видел с площадки императорского павильона ничего особенного. Люди, люди, сплошные людские головы и плечи, сотни тысяч глаз, смотревших на него с обожанием. Лишь по пути на Ходынку, еще на Тверской, ему встретился воз с покойниками. Верно, возницу теперь накажут. Ну да и черт же с ним, нашел тоже, где ездить...

Николай задумчиво поболтал коньяк в хрустальном графине, но решительно вернул его на место, захлопнув дверцу шкафчика. Он вспомнил первый тур вальса с графиней Монтибелло, пока сам граф вел императрицу. «Графин, графиня... смешно». Николай хихикнул, и смешок отдался в висках мгновенным выстрелом боли.

* * *

Когда в посольстве Франции играл оркестр, самодержец вальсировал с супругой посланника, а гости алкали свежих устерсов, бывший японский полицейский Цуда и таинственный старик сидели в небольшой рощице и беседовали.

– Смотри, что русский царь подарил своим подданным в день коронации. Булка, пряник, кусок колбасы, грошевые орехи и кружка. Завтрак рикши и посуда, чтобы запить все водою из ручья. И ради этого они убивали друг друга. Это тот царь, который заслуживает этого народа, и тот народ,

который заслуживает такого царя, – говорил старик.

Цуда взвесил на ладони колбасу.

– Не ешь ее, на ней кровь, – сказал старик.

– Ее и не так уж много, – сказал Цуда и выбросил подарок в кусты вместе с платком.

– Русский царь глуп. Он нигде не бывает один. Чтобы успешно вершить свои дела, владыка, его советники и старейшины должны держаться отстраненно. Ведь, если за человеком постоянно ходит целая свита подчиненных, ему трудно выполнять свои обязанности. Об этом нужно помнить.

Старик почесался.

– Ты увидишь, Цуда, за сегодняшнее никто даже не будет наказан. Русские словно созданы для таких безумств: они будут стоять по колено в собственном мясе и собственной крови, но не заметят этого, или не захотят замечать этого, или будут винить в этом кого угодно, но только не себя. Теперь ты понимаешь, зачем я хотел, чтобы ты приехал в Россию?

– Нет, господин, – признался Цуда.

– Через беды России решаются судьбы мира. Чем больше будет этих бед, тем больше поворотов судеб.

– Я все равно не понимаю, причем тут я...

– Есть люди, которым нужны эти беды, а следовательно, и повороты.

– Ты один из них?! – спросил Цуда, охваченный восторгом.

– Ты сам уже понял это. Хочешь, я расскажу тебе маленькую притчу?

– Расскажи, господин... – кивнул Цуда.

– Послушай историю о Гуду. Он был учителем императора своего времени. Несмотря на это, он часто путешествовал один под видом странствующего нищего.

Однажды, когда он шел в Эдо, то подошел к маленькой деревеньке под названием Такенака. Вечерело, шел сильный дождь. Гуду совершенно промок, его соломенные сандалии

развалился. В окне дома неподалеку он заметил четыре или пять пар сандалий и решил купить сухую пару.

Женщина, которая вынесла ему сандалии, увидев, что он совсем промок, пригласила его переночевать в доме. Гуду принял приглашение и поблагодарил ее. Он вошел и прочитал сутру перед семейной святыней. Затем представился матери женщины и ее детям. Увидев, что вся семья находится в подавленном состоянии, Гуду спросил, что случилось.

«Мой муж – игрок и пьяница, – сказала хозяйка. – Стоит ему добраться до вина, как он напивается и скандалит. Когда он проигрывает, он занимает деньги. Иногда, когда он совершенно пьян, он и вовсе не приходит домой. Что я могу поделать?»

«Я хочу помочь тебе, – сказал Гуду. – Вот тебе немного денег. Купи мне бутыль хорошего вина и чего-нибудь поесть получше. После этого можешь уйти. Я буду заниматься медитацией перед святыней».

Когда муж вернулся домой около полуночи, совершенно пьяный, он заорал: «Эй, жена, я дома! Есть что-нибудь поесть?».

«У меня есть, – сказал Гуду. – В дороге меня захватил дождь, а твоя жена была так добра, что предложила мне переночевать здесь. Чтобы как-то отплатить за это, я купил вина и рыбы, так что можешь взять их».

Муж был в восторге. Он сразу выпил все вино и улегся на пол. Гуду сел возле него в медитации. Утром, когда мужчина проснулся, он забыл все, что случилось ночью. «Кто ты? Откуда ты?» – спросил он Гуду, который все еще сидел в медитации.

«Я – Гуду из Киото, иду в Эдо», – ответил учитель.

Человеку стало очень стыдно. Он стал бурно извиняться перед учителем самого императора. Гуду улыбнулся. «Все в твоей жизни изменчиво, – сказал он. – Жизнь коротка. Если

ты проведешь ее в игре и пьянстве, ты не успеешь ничего достичь, и твоя семья из-за этого пострадает».

«Ты прав, – признал муж. – Смогу ли отплатить тебе хоть когда нибудь за это удивительное учение? Позволь мне проводить тебя и хоть немного понести твои вещи».

«Если хочешь», – согласился Гуду.

Вдвоем они отправились в путь. После того как они прошли три мили, Гуду предложил ему вернуться. «Позволь мне пройти еще пять миль», – стал просить Гуду человек. Они продолжили путь.

«Ты можешь вернуться сейчас», – сказал Гуду.

«Еще десять миль», – ответил человек. «Возвращайся сейчас», – сказал Гуду, когда и десять миль были пройдены.

«Я буду идти с тобой всю жизнь», – ответил человек.

Современные учителя взяли эту историю из жизни последователя Гуду. Его имя Мунан – «Человек, который никогда не вернулся».

– Ты хочешь, чтобы и я стал человеком, который никогда не вернулся? – спросил Цуда.

Старик тихонько, дребезжаще засмеялся, словно свинцовая дробь раскатилась по каменным плитам монастыря.

– Я не стану давать тебе советов, у тебя есть сверчок, помни о нем. Сверчок научит, покажет путь, поможет сделать выбор.

– А ты, господин? Мы еще встретимся с тобой?

– Я не знаю этого сам, самурай. Но что-то мне подсказывает, что встретимся, и не раз. А сейчас вернись к себе домой, собери вещи и поезжай в Нижний Новгород. Сверчок подсказал бы тебе и это, но зачем ждать от него то, что и так могу сказать тебе я. Удачи тебе, самурай. И помни о сверчке.

Старик ласково улыбнулся – или это лишь показалось Цуда в сумерках, – поднялся, помахал в воздухе рукой и быстро пошел в сторону городских огоньков. Бывший полицейский по-

сидел еще немного, после чего поднялся и принял шарить в кустах. Найдя выброшенный сверток, он вынул из него кружку и пряник, а остальное замотал в платок и закинул подальше.

— Мунан, — тихо произнес Цуда. — Человек, который никогда не вернулся...

* * *

Владимир Георгиевич Шухов внимательно смотрел на вершину башни, сложив ладонь козырьком, чтобы не мешало солнце. Рабочий заканчивал монтировать сложную деталь конструкции, и Шухов даже прищелкнул языком: до чего толковый малый!

Бесстрашно лазавший на тридцатисемиметровой высоте рабочий был монголом, и Шухов удивлялся, как быстро освоился степной житель. А он-то не хотел его брат!

Собственно, башня была готова, но по какой-то причине лопнули несколько клепок, и пришлось поспешно ее ремонтировать, благо вот-вот должен был прибыть государь.

А происходило дело на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде спустя пару месяцев после катастрофы на Ходынском поле. Владимир Георгиевич даже опасался, что в связи с такими печальными событиями выставку — а она открывалась в мае, через несколько дней после трехсотлетнего юбилея дома Романовых, — отменят, но нет. Да и отменять ее было бы нелепо: к открытию выставки в Нижнем Новгороде былпущен первый в России электрический трамвай, фуникулеры, отстроили драматический театр, окружной суд, биржу... Куда ж это все, спрашивается?

Сам Шухов представлял первую в мире гиперболоидную сетчатую башню³ и первые же в мире стальные сетчатые ви-

³ Одна из шуховских башен и сейчас располагается в Москве на улице Шаболовка, оттуда много лет велись радио- и телетрансляции. Признана международными экспертами одним из высших достижений инженерного искусства, однако до сих пор ни разу не реставрировалась.

сячие перекрытия-оболочки, включая уникальную ротонду. Да и вообще здесь показывали множество интересностей, и в том числе первый в мире грозоотметчик конструкции Попова и первый русский автомобиль конструкции Яковлева и Фрезе... Но Владимира Георгиевича более всего волновала башня.

Рабочий ловко спустился по металлической паутинке и подбежал к Шухову.

– Все хорошо, господина, – сказал он, кланяясь. – Все подепар.

Видимо, русскому языку монгола учил какой-то японец, потому что он постоянно вставлял «р» вместо «л», как обычно японцы и делают.

– Молодец, Жадамба, – похвалил инженер. – Быстро справился. Не страшно там, наверху?

– Зачем страшно? Не страшно.

– Держи, – Шухов сунул рабочему несколько серебряных монет, которые тот с благодарностью принял. – Скоро сам государь-император придет смотреть твою работу!

– Русика царика хороso! – закивал монгол, улыбаясь.

«Русика царика» появился довольно скоро, и, чему Шухов был рад, уделил внимание его постройке. Свита осталась чуть в стороне, а император с супругой Александрой Федоровной подошел к подножию башни, где стоял сам Шухов. Инженер обратил внимание, что лицо императора было усталым, а глаза – пустыми. Зато у императрицы они горели нездоровым блеском, и Шухов подумал, что это, должно быть, весьма опасная женщина. Он старался не вникать в слухи и сплетни о бывшей гессенской принцессе, но знал, что многие отзываются о ней далеко не лучшим образом.

– Разрешите приветствовать, ваше величество, – поклонился инженер. – Шухов, к вашим услугам.

– Шухов?! – царь наморщил лоб. – Шухов, Шухов... Фирма

«Бари», не так ли? Железнодорожные мосты, потом вы в Верхних торговых рядах еще что-то этакое сочинили...

– Все верно, ваше величество, – отвечал Шухов, несколько обиженный словами «что-то этакое сочинили». «Что-то этакое» было уникальными арочными конструкциями, несущими стеклянные своды.

– Идем отсюда, Ники. Это же неинтересно, – с жестким акцентом сказала императрица, дергая Николая за рукав. Тот покачал головой и спросил:

– А что же тут у вас за Вавилонская башня?

– Извольте видеть, ваше величество, не Вавилонская, а водонапорная. Вот наверху и бак вместимостью сто четырнадцать тысяч литров, служит ныне для снабжения водой всей территории выставки. На баке – площадка для обозрения, если угодно, можно подняться на нее по винтовой лестнице внутри башни.

– Это неинтересно, Ники, – сказала императрица. – Идем дальше.

– Нет, подниматься мы не станем, но интересно, весьма интересно... И куда же вы ее потом? Вещь, насколько я понимаю, полезная.

– Уже изъялено желание купить. Помещик Нечаев-Мальцев, из Полибино под Липецком. У себя собирается установить для подачи воды в поместье.

– Разумно, разумно... Что ж, порадован. Трудитесь на благо Отечества, всегда буду рад посодействовать.

– Благодарю, ваше величество, – снова поклонился Шухов. Он не надеялся, что встреча будет долгой, но и не думал, что столь молниеносной. Впрочем, государь один, а выставка огромна, и ему желательно все осмотреть...

Императрица потянула Николая за рукав, но тот все еще оставался на месте.

– А это что за человек? – спросил он, указывая куда-то за опоры башни.

Шухов оглянулся и похолодел. В тени спокойно восседал монгол Жадамба, который отхлебывал что-то из кружки и, кажется, кашал притом печатный тульский пряник. Чертов монгол, только и успел подумать инженер, как государь произнес вполголоса:

– Господин инженер, распорядитесь, чтобы этого человека вечером привели ко мне. Я хочу поговорить с обычным тружеником; это же ваш рабочий, верно?

– Да-да, – быстро согласился Шухов. – Что любопытно, монгол. А высоты совершенно не боится. Сам постоянно сему удивляюсь.

– Вот видите. Древний народ, хранящий много мудрости... Я думаю, вам легко объяснят, где меня искать. Я хочу поговорить с ним наедине.

Шухов еще раз поклонился, недоумевая, что приглянулось царю в довольно аккуратном, но все же грязном и несимпатичном монголе, жующем какую-то заплесневелую корку, даже не глядя на государя и его свиту.

Николай тем временем коротко отдал честь и проследовал дальше. Шухов успел лишь услыхать обрывок фразы государыни:

– Фи, Ники... этот смерд...

Инженер искренне надеялся, что это, дай бог, было сказано не о нем.

* * *

Цуда провели к русскому царю уже после полуночи, и принявший его у инженера Шухова молчаливый офицер оставил их наедине. Японца, а ныне монгола, даже не обыскали, чтоказалось весьма странным. Неужели к русскому царю вот так легко попасть?!

Бывший полицейский стоял перед Николаем. Он мог бы убить его голыми руками и несколькими способами, но лишь молча

смотрел то на бородку, то на подрагивающий носок сапога (царь закинул ногу на ногу, сидя в кресле), то на блестящие погоны...

– Садись, – велел наконец царь сварливым тоном. – Ты говоришь по-русски?

– Говорю, – кивнул Цуда и сел в другое кресло. – Не очень хорошо еще, но говорю.

– А ведь я помню тебя. Мне говорили, что ты умер в тюрьме. Получается, меня обманули?

– Нет, – пожал плечами Цуда. – Это я обманул их.

– Зачем ты хотел меня убить? Ты работаешь на японскую разведку?

Цуда быстро улыбнулся.

– Чтобы убить кого-то, обязательно нужно работать на разведку? Нет, я просто исполнял предназначение.

– Но я жив.

– Значит, таким было предназначение, – просто ответил японец.

Царь помолчал. Он выглядел несколько растерянным. Наверное, такой большой и важный человек не умеет сам думать и решать, подумал Цуда. Даже Микадо, наверное, не умеет. Иначе зачем им собирать вокруг себя тысячи секретарей, советников, министров и генералов? Мудрому человеку нужен только писец – записывать то, что он скажет. А глупцам нужны другие глупцы, чтобы советоваться с ними о том, как повелевать еще более ничтожными глупцами...

– Водку пьешь? – спросил царь.

Цуда покачал головой.

– А я вот, видишь, пью ее, паршивку, – сказал царь. Он взял со стола бутылку и налил себе рюмку. Выпил, ничем не закусив, пожаловался:

– Голова болит... Этот чертов Рамбах выписывает мне свои порошки, а толку никакого... А знаешь, почему болит?! Потому что ты, дурак, меня по голове стукнул своей саблей!

– Я не дурак, – возразил японец. – Дураками следует называть тех, кто проводит большую часть времени, сидя с друзьями и знакомыми и обсуждая недостатки управления у своего господина, указывая на ошибки советников и доверенных лиц и, конечно, не скрывая неправильных действий своих товарищ, в то же самое время подчеркивая свое собственное превосходство. Точно таков же твой лекарь, если он не умеет тебя излечить.

Царь махнул рукой и выпил еще немного водки. Он вел себя, как носильщик, зашедший с холода в теплый чайный домик. Русские очень странные, в который раз подумал бывший полицейский, раз у них такой царь. Такие люди не могут быть царями, и уж подавно – в таких больших странах...

– Где кружку-то взял? – спросил царь. – Я видел, жрал сегодня из нее что-то.

– Ходынка, – ответил Цуда. – Я там был, хотел твоего подарка. Кто-то бросил, я поднял. Оставил на память. Очень страшно было.

– Дай-ка ее сюда, – попросил царь, словно был уверен, что кружка с собой. Она и была у Цуда с собой, в небольшой сумочке, где лежали разные необходимые вещицы. Цуда спокойно извлек кружку и подал царю. Тот налил в нее водки почти до краев и сунул обратно:

– Пей! Видел я, как ваши пили в Нагасаки. Пей, говорю; когда еще придется с государем пить?!

Цуда пожал плечами, взял кружку и медленно выпил. Русскую водку он не любил, по сравнению с саке она была крепкой и невкусной, но пить ее вполне мог. Спиртное часто согревало его в холодные ночи, но оно же вызывало аппетит, а стало быть, несло ненужные расходы. Поэтому Цуда старался его избегать без особой нужды.

– Видишь, врал, – удовлетворенно произнес царь. – Все вы не пьете... А теперь рассказывай дальше – зачем в Россию при-

был, что делать хочешь. Ведь не зря попался мне. Сидел под этой... колокольней...

Цуда понял, что царь Николай изрядно пьян. Это явствовало и из того, что он не ждал ответа, а продолжал, повысив голос:

– Э-э, да я знаю!!! Убить меня пришел, наконец? И убивай. Убивай, коли хочешь. Так даже лучше – от руки чужеземца. Не то что Петра Третьего Федоровича – вилкой истыкали... или Павла шарфом...

Японец не знал, о чем говорит царь, но понял, что его предки редко уходили из жизни по своей воле. Тикали часы. В дверь просунулся – верно, на шум – какой-то человек с недовольным лицом, но Николай прогнал его движением руки.

– Ну?! Будешь убивать? – спросил Николай. – Или тебя велю убить. Вон полторы тысячи закопали, и ничего. Благолепие... А тут – какой-то японец... или ты монгол?

Цуда молчал.

– Мудрая нация – монголы. Но потеряли свое, потому что насобирали – не удержать... Ты скажи-ка, монгол, если уж убивать не станешь, что дальше-то делать? Может, это предначертание, как ты говоришь? Коронация к чертям, французишка этот, Монтибелло, на меня гадом ледяным смотрел... Может, господь меня оставил, а? Может такое быть, монгол? Может, мне отречься?

– О чем бы ни шла речь, всегда можно добиться своего. Если ты проявишь решимость, одного твоего слова будет достаточно, чтобы сотрясать небо и землю. Но щедрый человек не проявляет решимости, и поэтому, сколько бы он ни старался, земля и небо не повинуются его воле.

Цуда не знал, откуда эти мудрые слова, его губы словно сами их произносили. А в мешочке подрагивал, позвякивал металлический сверчок; значит, слова эти были правильными и говорил он их вовремя.

– А в чем решимость, монгол? Э-э... Молчишь! Вот! И от-

речься – решимость, и без отречения тоже... Видал миндал?! – Николай развел руками, снова потянулся к бутылке с водкой, потом махнул рукой и перевернул свою рюмку вверх доньшком. – Вот, решил. Сотряслось небо, поди?

– Не стоит отрекаться. Пусть все следует своим путем. Прости за то, что хотел тебя убить. Так было нужно, – сказал Цуда как можно учтивее. Царь, поморгав, уставился на него и сидел так довольно долго, чуть покачиваясь.

– Иди, – сказал он наконец. – Иди, а я Аликс... обрадую. Тото рада будет... Я ведь уже почти решил, знаешь? Решил – в монастырь. Или как брат Жорж – подохнуть в Абастумане, в канаве. Такова планида – и ладно! А ты – «не стоит»... И пусть. Пусть все следует. Иди, монгол.

И, подхватив со стола опустевшую кружку с Ходынки, Николай Второй Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода низовских земли, Черниговский, Рязанский, Полotsкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всяя северныя страны Повелитель; и Государь Иверский, Карталинская и Кабардинская земли и области Арменская; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель, Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голштейнский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая, пьяно пошатываясь, вышел вон.

Через минуту из двери, где он скрылся, появился толстый военный – другой, не тот, что привел Цуда, – и сказал, тряся рукою в белой перчатке:

– Ты молчи, что тут видел и слышал! Ясно? Во-первых, все равно никто не поверит, во-вторых, мы тебе тогда – во!

И военный показал кулаками, как Цуда открутят голову.

– Харасо, васа сиятерьства. Харасо.

– Тьфу ты, он еще и по-нашему ни бельмеса, – сплюнул толстый. – Государь если напьется, то уж учудит так учудит... Понесен вон отсюда.

И добавил матерно, но Цуда не обиделся, ибо помнил: зависть, гнев и глупость – пороки, которые легко заметить. Если в мире случается что-то плохое, присмотрись, и ты увидишь, что там не обошлось без этих трех пороков.

Потому он просто ушел.

* * *

«Спали отлично; встали в 8 1/2 и после кофе пошли гулять в сад. В 11 ч. был смотр на дворцовой площадке четырем батальонам 54-й резервной бригады. Солнце жарило со всей мочи; завтракали с военным начальством.

В 2 часа посетили дворянское собрание, где были отлично принятые, но потели ужасно. Оттуда заехали в здешний вдовий дом, вернулись домой, переоделись и отправились на выставку. Продолжали осмотр, пили чай в павильоне и слушали хор Славянского. Приехали домой в 6 1/4, а в 7 ч. уже начался большой обед на 130 чел. Разговаривали и курили в саду. В 9 ч. поехали в театр, где давали разные вещи и оперы и пьесы. Театр новый, красивый. Вернулись домой в 11 3/4 ч.», – записал Николай в своем дневнике рано утром.

О визите японца он не упомянул ни одним словом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Молчаливые

*Над пучиной емля угол,
Толп безумных полон бок,
И по волнам кос и смугл
Шел японской роты бог.*

Велимир Хлебников.
«Были вещи слишком сини»

Порт-Артур перешел под российскую юрисдикцию еще в 1898 году, и за шесть лет администраторы и чиновники империи честно постарались переделать его на русский лад. Получилось, однако, удивительно: портовый поселок, построенный в китайском стиле, где и обитали преимущественно китайцы, превратился в довольно диковинную смесь туземной и российской архитектуры, разделившись к тому же на Старый и Новый город.

В Старом городе – бывшем китайском поселке – находились: дворец наместника, штаб укрепленного района и крепости, казармы, почта и телеграф, а также железнодорожная станция.

Застройка Нового города велась по американскому образцу: широкие прямые улицы с мостовыми и тротуарами, с площадями, парками и бульварами, с канализацией, водоснабжением и электрическими линиями. Зато с военно-морской базой все было совсем не так радужно: Николай из-за отсутствия средств, которых не хватало на оборону, но хватало на пиры и выезды, принял решение разделить работы на два этапа. Первый начался только в 1902 году,

и за два года не удалось даже полностью углубить гавань Порт-Артура, не говоря уже о полном оснащении береговых батарей.

К началу 1904 года в Порт-Артуре жило более пятидесяти тысяч человек, из них больше половины – китайцев, около пятнадцати тысяч русских, а также семьсот японцев, из которых все, кроме грудных детей, работали на японскую разведку. Именно с одним из таких агентов и должен был сейчас встретиться Цуда Сандзо, приехавший в Порт-Артур под видом все того же Жадамбы Джамбалдоржа. Прибыл он сюда совершенно легально как один из рабочих фирмы «Бари», находившийся на хорошем счету у Шухова, но по прибытии «потерялся», полагая, что особенно искать его не будут – мало ли кому нужен монгол, пропавший, наверное, спящим в одном из вертепов Старого города.

Найти агента было несложно – парикмахерскую «Куафер Жан» Цуда показал первый же прохожий. Цуда поблагодарил и зашагал в гору, к яркой вывеске, изображавшей европейского вида брюнета с усами, щелкающего в воздухе огромными ножницами.

Именно ее увидел Цуда, когда сверчок велел ему ехать в Порт-Артур. Именно здесь находился человек, которому он должен сказать особые слова – их тоже нашептал сверчок...

В маленькой парикмахерской было пусто, только щелкала и попискивала в клеточке какая-то птица. Цуда аккуратно присел на табурет и принялся ждать. Наконец из-за перегородки вышел низенький японец с аккуратным пробором и тонкими усиками, совсем не похожий на красавца с вывески.

– Стричься угодно? – спросил он по-русски.
– Мне нужен господин Жан, – сказал Цуда.
– Это я. Так вам угодно стричься?
– Нет, мне угодно поговорить с вами, господин Жан.
– Пожалуйста, но я вас не знаю... – развел руками японец. – Что вы хотели мне сказать? У меня мало времени...

– Тот, кто сдержан в словах, принесет пользу в хорошие времена и сможет избежать наказания в плохие, – учтиво произнес Цуда. Куафер Жан тотчас же заулыбался и, подойдя к двери, запер ее изнутри. Затем в его руке неожиданно появился небольшой револьвер, глядящий прямо на бывшего полицейского.

– Кто вы такой? Откуда знаете пароль? – быстро спросил парикмахер, теперь уже по-японски.

– Пароль я знаю от известного и вам, и мне человека. Он предупреждал, что вы можете сомневаться. И велел показать вам это.

Сказав так, Цуда полез в мешочек, висящий на поясе. Маленький парикмахер напрягся, поднял револьвер так, чтобы он был направлен прямо в грудь Цуда. Но, увидев маленького металлического сверчка, тут же убрал оружие и сказал с облегчением:

– Вы не представляете, как тяжело работать. Русская контрразведка самым прихотливым образом сочетает невероятную проницательность с редким идиотизмом. Наши люди стригут супругу артурского коменданта генерала Стесселя, которая выбалтывает крайне любопытные вещи, – и ничего! А простых кули, которые садятся распить немного водки с матросами с миноносцев, регулярно арестовывают, и, как ни жаль, именно тех, кто работает на наш Генеральный штаб.

– Русские вообще странный народ. Я так и не смог к ним привыкнуть.

– Хотите есть с дороги? Может быть, выпить?

– Спасибо, я не голоден, – покачал головой Цуда. – Мне нужны жилье и работа. Я должен прожить в Порт-Артуре до определенного момента, который, честно говоря, и сам не знаю, когда наступит...

– Вам дадут знать, – с пониманием кивнул куафер. – Что ж, живите у меня. Будете подсобным рабочим, это не вызовет

особенных подозрений – у меня работал китаец, но недавно умер. Сожрал какую-то дрянь, китайцы только на это и способны... Но как мне вас называть?

– Сейчас я монгол Жадамба Джамбалдорж.

– Это удачная мысль. Ни китайское, ни японское население вами не заинтересуется. А я – капитан Сонохара. Что ж, отдохните, тем более вы с дороги, а потом я расскажу вам, что нужно будет делать по дому. Надеюсь, вы не боитесь грязной работы?

– Когда полыхает война, самурай днем и ночью должен находиться в лагере и на поле браны и может не иметь ни мгновения отдыха. Представители всех рангов должны работать вместе и настолько быстро и напряженно, насколько возможно, – отвечал Цуда.

Капитан Сонохара сложил руки перед грудью и поклонился.

* * *

Жизнь Цуда в Старом городе текла размеренно и спокойно. Он прибирался в парикмахерской, сортировал состриженные волосы, которые годились на изготовление париков, возился в маленьком огородике Сонохары-Жана, ходил с его поручениями на рынок. В целом они выглядели как господин и его слуга, и старались на всякий случай поддерживать эти же отношения даже тогда, когда поблизости не было посторонних.

Но так продолжалось недолго: до той самой поры, когда Цуда лег спать около полуночи, но едва закрыл глаза, как со стороны бухты раздались взрывы. Цуда тотчас же разбудил парикмахера, ложившегося спать много раньше.

– Слышите, капитан?! – спросил он. – Это война.

– По-моему, русские просто устроили какой-нибудь фейерверк или учебные стрельбы... – пробормотал Сонохара, одна-

ко выбрался из постели. Они вдвоем вышли на улицу, где уже собирались встревоженные пальбой люди. Слухи ходили самые разные – от нападения японцев до салюта в честь именин супруги коменданта Стесселя. Но несколькими минутами позже невесть откуда подтвердилась первая версия: японские миноносцы атаковали русские корабли, стоявшие на открытом рейде. Истинных потерь никто не знал, но эскадренные броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада» получили тяжелые повреждения от взрывов японских торпед и выбросились на мель, а к утру возле Порт-Артура уже находились основные силы флота японцев, возглавляемые вице-адмиралом Того.

После взаимной перестрелки русские корабли пошли на сближение с противником, но спустя сорок минут начали отход и укрылись в гавани.

Сонохара ликовал. Цуда не отказался выпить с ним немного саке, но не понимал, что же ему делать дальше – война началась, а он снова и снова занимался домашней работой. Сверчок молчал, хотя Цуда по несколько раз в день сжимал его в ладонях и ждал, что гладкий металл завибрирует. Капитан наблюдал за странной церемонией, но спросить о ней не решился, полагая, что этот предмет, к примеру, дорог его соратнику как память об ушедшем человеке.

* * *

«Утром у меня состоялось совещание по японскому вопросу; решено не начинать самим... Весь день находились в приподнятом настроении! В 8 час. поехали в театр... Вернувшись домой, получил от Алексеева телеграмму с известием, что этою ночью японские миноносцы произвели атаку на стоявших на внешнем рейде «Цесаревич», «Ретвизан» и «Палладу» и причинили им пробоины. Это без объявления войны. Го-

сподь да будет нам в помощь!» – записал в своем дневнике Николай Второй.

У царя снова отчаянно болела голова... К тому же ему порою чудился невероятный японец-монгол, о чем он весьма стеснялся говорить. Когда он вышел на внутренний двор, чтобы благословить выстроенный батальон его Первого Восточно-Сибирского стрелкового полка иконой святого Серафима, в ряду солдат привиделся ему узкоглазый убийца. Присмотревшись получше, Николай понял, что то был вовсе не он, но легче не стало.

А потом начались мелкие и крупные поражения.

* * *

Предначертание определилось в конце марта, когда война шла уже два месяца. Цуда, как всегда, отправился на рынок. Когда он выбирал овощи, кто-то мягко тронул его за плечо. Бывший полицейский обернулся – перед ним стоял старик. Одет он был точно так же, как в день их первой встречи: залатанная одежонка бедного крестьянина, стоптанные сандалии-гэта, соломенный плащик с дырами, старый платок на голове.

– Здравствуй, Цуда, – приветливо улыбаясь, сказал старик. Он грыз вялый ломтик прошлогодней редьки.

– Здравствуй, – сказал самурай. – Я знал, что увижу тебя.

– Ты мог меня и не увидеть, – возразил старик. – Верь сверчку. Сверчок подсказал бы тебе, но...

– ...Но зачем ждать от него то, что и так можешь сказать мне ты, – завершил Цуда фразу, которую старик уже говорил ему после Ходынки. Оба засмеялись.

– Идем к нам домой, – предложил Цуда, увлекая старика за собой, – тебе нужно поесть и согреться.

– У меня другие дела. Но все же отойдем вон туда, где нам не будут мешать.

Они вышли с рынка и остановились у полуразрушенного дома, который кто-то планировал перестроить, да бросил это занятие по случаю войны.

– В ночь на 31 марта ты поплыешь на большой корабль, броненосец «Петропавловск». Ты знаешь русского адмирала с огромной бородой?

– Макарова? Я слышал, что он очень мудрый человек.

– Поэтому его и нужно убить, Цуда. Знаешь, Такэда Сингэн однажды сказал: «Если бы нашелся человек, который смог бы убить господина Иэясу, я бы не замедлил отблагодарить его». Услышав это, один тринадцатилетний юноша поступил на службу к господину Иэясу. Однажды, когда мальчик увидел, что его хозяин отошел ко сну, он проник в покой Иэясу и ударили мечом по его постели. Господин Иэясу в это время молча читал сутру в соседней комнате. Услышав шум, он быстро схватил юношу. Тот честно сознался во всем, и тогда господин Иэясу молвил: «Когда я принимал тебя на службу, ты показался мне прекрасным слугой. Теперь я еще больше тронут твоими достоинствами».

Старик замолчал. Полагая, что история не закончена, Цуда поинтересовался:

– И что же, он убил его, господин?

– А? – старик встрепенулся. – Нет, он всего лишь отправил юношу обратно к Сингэну.

– Я не понял смысла притчи, – опечалился самурай. – Иэясу оценил то, что юноша исполнил, что хотел, пусть и неудачно? Или то, что юноша честно сознался?

Старик расплылся в хитрой улыбке.

– На то и притчи, Цуда, чтобы каждый истолковывал их в меру своей мудрости. Может, я сам толкую ее неверно, кто знает. Но вернемся к русскому кораблю, на котором командует человек с большой бородой. Ты умеешь плавать, Цуда?

– В детстве я неплохо ловил черепах.

– На этот раз черепаха окажется покрупнее, притом одетая в броню. Слушай меня внимательно: ты должен будешь поступить так...

* * *

Тридцатого марта 1904 года в доме Гумилевых был бал. Заперев дверь своей комнаты, восемнадцатилетний Коля Гумилев стоял перед зеркалом, стиснув кулаки, и мучился.

Коля родился в Кронштадте в штормовую весеннюю ночь 1886 года. И в этой тревожной страшной непогоде старая нянька из дома Гумилевых простым и добрым сердцем почуяла то, что оказалось невольным пророчеством: «У Колечки будет бурная жизнь».

Но никакой бури в своей жизни он не наблюдал. Гумилев искренне считал себя некрасивым, да он и был некрасив. Чепр, суженный кверху, как будто вытянутый щипцами акушера. Гумилев косил, чуть-чуть шепелявил, был слишком худ и неуклюж, с бледными губами и многочисленными следами юношеских прыщей на лице, и часто вот так по вечерам гипнотизировал себя, чтобы стать красавцем. Начитавшись Оскара Уайльда, Николай одно время носил цилиндр, завивал волосы, надевал на них сетку и иногда даже подкрашивал губы и глаза, но затем понял, что выглядит скорее смешным, нежели загадочно-отстраненным...

Тогда Гумилев твердо поверил, что силой воли может переделать свою внешность такими вот упражнениями у зеркала. Казалось, что с каждым днем он и в самом деле становится немного красивее, но сегодня был особенный день – к ним в гости, на бал, впервые приехала Анечка Горенко, с которой он познакомился в Рождественский сочельник... Прекрасная и стройная, с красивыми белыми руками, с густыми черными волосами и с огромными светлыми глазами, так странно выделявшимися на фоне черных волос...

На Рождество они просто пили чай с пряниками и болтали, но бал – это же бал!!! И с тех пор он столько думал об Анечке... Полноте, да нужен ли он ей?!

– Почему я такой урод? Безмолвный и бледный... – спросил у зеркала Николай. Зеркало ничего не отвечало; юноша звонко щелкнул по нему ногтем и махнул рукой:

– Будет что будет.

Он уже подошел к двери, чтобы отпереть ее и направиться к гостям, но остановился.

– Он был безмолвный и бледный, усталый от призрачных снов... Снов... Зов...

Не став отпирать дверь, Николай вернулся к столу и быстро, почти не отрываясь на раздумья, записал:

*Был праздник веселый и шумный,
Они повстречались раз...
Она была в неге безумной
С манящим мерцанием глаз.
А он был безмолвный и бледный,
Усталый от призрачных снов.
И он не услышал победный
Могучий и радостный зов.
Друг друга они не узнали
И мимо спокойно прошли,
Но звезды в лазури рыдали,
И где-то напевы звучали
О бледном обмане земли¹.*

Перечитав написанное, он удовлетворенно кивнул, быстро поправил пару описок и повторил:

– Вот теперь уж точно – будет что будет!

¹ Стихотворение Николая Гумилева, написано в 1904 году.

* * *

Тридцатого марта 1904 года с наступлением темноты миноносец «Страшный» вместе с другими кораблями отряда миноносцев вышел к островам Саншантоу. Этого требовал секретный пакет из штаба флота, и празднующие Пасху команды с трудом удалось собрать с берега. Разумеется, это не осталось без внимания японской разведки – капитан Сонохара прорвался к условному месту на прибрежной скале и дал специальным фонарем цепочку световых сигналов. Теперь адмирал Того знал о том, что русские миноносцы вышли в море. Но он не догадывался, что «Страшный», отбившись в дожде и тумане от своего отряда, наткнется на японские миноносцы, параллельным курсом идущие к Артуру.

Некоторое время команда «Страшного» и японцы принимали друг друга за своих, но затем с миноносца увидели японские крейсеры, шедшие к Артуру, и открыли огонь. Разумеется, бой был неравным: не дотянув нескольких миль до гавани, «Страшный» затонул, но перестрелку заметили с берега, и русская эскадра вышла в море навстречу кораблям Того.

Среди прочих двинулся в проход на внешний рейд и броненосец «Петропавловск», на борту которого находились командающий флотом вице-адмирал Степан Осипович Макаров, начштаба контр-адмирал Молас и прибывший в Порт-Артур несколько дней назад начальник военно-морского отдела штаба великий князь Кирилл Владимирович. Напросился в море и художник Верещагин, приехавший с великим князем делать батальные зарисовки.

Никто не знал, что ночью, пока капитан Сонохара сигналил со скалы, бывший полицейский Цуда Сандзо встретился на берегу с двумя молчаливыми людьми, приплывшими на маленькой лодчинке, сделанной из резины и надутой воздухом. Они говорили по-японски с непривычным акцентом и

коротко объяснили Цуда, как нужно пользоваться аппаратом для плавания под водою. Это оказалось довольно легко: взять в рот резиновую трубку с наконечником наподобие детской соски и дышать воздухом, накачанным в железный цилиндр – его привязали Цуда на спину. Один из молчаливых предложил японцу надеть на ноги резиновые тапки с длинными перепончатыми пальцами, как у утки или лягушки, но Цуда отказался – ему было неприятно, да и казалось, что такие глупые тапки только помешают плавать.

– Теперь главное, – сказал второй молчаливый, открывая небольшой ящик. – Это – мина. Ее ты должен прилепить к днищу корабля.

– Чем я должен ее прилепить? – уточнил Цуда.

– Мина магнитная, она будет держаться сама. С дыхательным прибором ты сможешь подплыть к кораблю так, что тебя никто не заметит, только держи направление. Ты умеешь пользоваться компасом?

– Умею, – сказал Цуда.

– А фонарем?

Цуда кивнул.

– Смотри, чтобы свет фонаря случайно не увидели с корабля. Пользуйся им реже.

– Хорошо, – сказал Цуда.

– Мину установишь там, где тебе будет удобнее. Это все, что ты должен сделать. Потом вернешься домой. Все, что мы тебе дали, утопи в море.

– Но это очень полезная вещь, – возразил Цуда, поглаживая железный цилиндр. – Если еще раз накачать туда воздуха, я могу...

– Все, что мы тебе дали, утопи в море, – блеклым голосом повторил молчаливый, и Цуда понял, что спорить с этими людьми не нужно.

– Но почему вы выбрали именно меня? – спросил он, не удержавшись. – Я не ныряльщик, не пловец...

– Когда нужно что-то быстро отрезать, мы берем тот нож, который лежит ближе, а не выбираем самый острый, – так же блекло сказал молчаливый, и Цуда сразу понял, что тот – мудрый человек.

Они вывезли его на милю от берега и помогли спуститься в воду, еще раз указав направление и повторив требование утопить такие ценные предметы. Цуда следовал советам исправно: сверялся с маленьким наручным компасом, изредка всплывая и осторожно осматриваясь, а фонариком не пользовался совсем, потому что в темноте видел неплохо. Однако он немного испугался, когда перед ним неожиданно выросла черная мрачная стена – уходящий в глубину борт броненосца, поросший водорослями и обсаженный морскими жителями.

Сделав несколько глубоких вдохов, Цуда успокоился и принял прилаживать мину. Она прилипла к металлу так, что не оторвать, но выглядела слишком маленькой, чтобы повредить такой огромный корабль, как «Петропавловск». Но молчаливые, наверное, знали лучше. Да и сам Цуда помнил из давних наставлений своего командира: «Оценивая вражеский замок на расстоянии, не следует забывать о словах: сквозь дым и туман все напоминает горы весной; после дождя все напоминает ясный день. Что-то не удается разглядеть даже в ясную погоду». Броненосец «Петропавловск» был вражеским замком, а иной вражеский замок можно взять, даже проникнув через небольшое отверстие для слива нечистот.

Как и было велено, японец утопил все доверенные ему вещи, еще раз пожалев о них, но не особенно сильно. На берег он вернулся изрядно уставшим, нашел припрятанную в камнях одежду и, осторожно выбравшись на дорогу, отправился домой, где сразу же крепко уснул.

* * *

Вице-адмирал Макаров был крайне недоволен тем, что эскадра задержалась с выходом в море. Однако вышедшие первыми крейсеры уже затеяли перестрелку с японцами, дал первый залп и адмиральский «Петропавловск». За ним подтягивались еще два броненосца, а «Севастополь» и «Полтава» все еще болтались на внутреннем рейде Порт-Артура.

Когда эскадра, наконец, собралась в нужном составе, то двинулась на сближение с японцами. Те поспешили отойти, заманивая русских к основным силам, чтобы отрезать их от Артура, но Макаров на эту удочку не клюнул. Эскадра легла на обратный курс, японцы стали отставать.

Пробили отбой. Макаров и великий князь Кирилл Владимирович стояли на мостице, обсуждая недавние события, и тут «Петропавловск» сотрясся от ужасного взрыва. Над огромным броненосцем вырос огромный столб дыма и пламени, в котором исчезла вся носовая часть до передней трубы. Затем сдетонировал боезапас, фок-мачта и труба рухнули на развороченный мостик. Резко накренившись на правый борт, «Петропавловск» стал стремительно уходить носом в воду, и взорвавшиеся внутри него котлы лишь ускорили гибель корабля, обошедшегося российской казне в девять с четвертью миллионов рублей.

Броненосец тонул, корма его задралась над поверхностью кипящего моря, обнажившиеся винты рассекали воздух, калеча и убивая тех немногих членов экипажа, кому удалось выбраться наверх и броситься в воду. Через две минуты после взрыва эскадренный броненосец «Петропавловск» скрылся под водой.

Шлюпки с других кораблей бросились подбирать немногих уцелевших. Спасти удалось восемьдесят человек, среди которых оказался великий князь Кирилл Владимирович. Вице-

адмирал Макаров погиб вместе со всем штабом и шестьюстами семьюдесятью членами экипажа «Петропавловска».

«Утром пришло тяжелое и невыразимо грустное известие о том, что при возвращении нашей эскадры к П.-Артуру брон. «Петропавловск» наткнулся на мину, взорвался и затонул, причем погибли – адм. Макаров, большинство офицеров и команды. Кирилл, легко раненый, Яковлев – командир, несколько офицеров и матросов – все раненые – были спасены.

Целый день не мог опомниться от этого ужасного несчастья. После завтрака Аликс легла в постель из-за простуды.

В 2 1/2 пошел на панихиду по графине А. А. Толстой, которая скончалась сегодня утром. Затем посетил т. Михень и д. Владимира. Обедал один и занимался.

Во всем да будет воля Божья, но о милости Господней к нам, грешным, мы должны просить», – записал император Николай Второй в своем дневнике.

* * *

Спящий Цуда крепко сжимал в кулаке металлического сверчка.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дельфины и скорпион

*У меня есть мечта, живущая при всей трудности ее выполнения.
Пройти с юга на север Данакильскую пустыню, лежащую между Абиссинией и
Красным морем, исследовать нижнее течение реки Гаваша,
узнать рассеянные там неизвестные загадочные племена.*

Николай Гумилев

Гумилев терпеть не мог дельфинов. Толстые и проворные, эти полурыбы-полулюди высакивали из мутных вод Баб-эль-Мандеба, словно дразня его, и приходилось отворачиваться, чтобы их не видеть; но не затыкать же уши, чтобы не слышать их насмешливые, резкие, отвратительные вопли?!

Дельфинов Гумилев не любил по вполне конкретной причине: они ассоциировались с расставанием. Николай помнил, как, получив письмо Анечки, поспешил вернуться из Парижа; как приехал в Евпаторию, где отдыхала Анечка, как сделал ей очередное предложение руки и сердца... Она не сразу дала согласие, но все шло к тому, что отказать не сможет. Светило яркое солнце, волны шипели в прибрежных камнях, играли крупным песком, и сердце Николая радовалось. И, заметив двух мертвых дельфинов, выброшенных водою на берег, он всего лишь придержал Анечку за локоть, чтобы увлечь в сторону от неприятного зрелища. Но она увернулась и подошла поближе, чтобы посмотреть на тела, которые еще не успело тронуть разложение. Дельфины ли тому были причиной или же нет, но после этого Анечка решительно сказала:

– Я отказываю вам. Мое сердце навсегда занято другим.

Иладно бы другим, но кем?! Кем?! Володенькой Голенищевым-

Кутузовым, студентишкой, репетитором, позорящим свой древний уважаемый род!

Гумилев терялся в догадках, почему именно трупы дельфинов стали тем страшным знаком, что не позволил Анечке Горенко принять его предложение. Но этих зверорыб он с тех пор ненавидел.

Слушая, как перекликаются негры-матросы, Николай открыл черепаховый портсигар и вынул папиросу. Сладкий дым успокоил его, да и дельфины куда-то исчезли. А ведь всего этого могло сейчас и не быть... Тогда, по возвращении из Евпатории, Гумилев решился на самоубийство, и слава богу, что стопы направили его в курортный Турвиль. В мутной Сене, по которой плыли среди гнилых барж мертвые крысы и фекалии, топиться было неприятно, недостойно поэта; то ли дело светлые волны Атлантики!

Гумилев бродил, как потерянный, среди турвильских скал, ища в себе сил войти в море и не выходить никогда. Видимо, он выглядел весьма подозрительно – иначе как объяснить то, что местные жители приняли его за клошара и вызвали полицейских? Те, впрочем, отнеслись к юноше по-доброму: успокоили, напоили чаем с коньяком и посадили на поезд, идущий обратно в Париж.

Видимо, это был знак судьбы, как и чертовы дохлые дельфины. Но в Россию Николай возвращаться не стал. Он поехал в Африку.

И теперь их корабль болтался на рейде, и в ожидании разнообразных таможенных и прочих процедур команда затеяла ловить акулу. Старший помощник капитана отдавал распоряжения, а матросы уже забрасывали через борт громадный крюк с десятью фунтами гнилого мяса, привязанный к крепкому канату. Вместо поплавка использовалось бревно, на которое теперь внимательно смотрели и сами ловцы, и пассажиры в ожидании кровавого развлечения.

Ждать пришлось не менее трех часов, пока в глубине наконец не промелькнула мрачная тень сажени в полторы длиною. Бревно нырнуло в воду.

—Тащи! Тащи! —закричал старший помощник по-французски. Гумилев бросился на помощь матросам, схватив толстый канат, но тот вышел неожиданно легко — акула сорвалась и разъяренно металась теперь вокруг судна, заглотив приманку. Негры чертыхались, размахивая руками.

— Бросайте! Скорее бросайте снова! — скомандовал старший помощник.

На сей раз акула вцепилась в добычу крепко-накрепко; матросы потянули, и над водой показалась круглая лоснящаяся голова с маленькими злыми глазками. Акула бешено вертелась, колотила хвостом о борт корабля, и старший помощник пять раз подряд выстрелил в нее из револьвера, после чего тварь затихла, хоть и продолжала щелкать зубами.

Привязав нож к длинной палке, помощник капитана сильным и ловким ударом вонзил его ей в грудь и, натужившись, довел разрез до хвоста. Полилась вода, смешанная с кровью, розовая селезенка аршина в два величиною, губчатая печень и кишки вывалились и закачались в воде, как странной формы медузы. Акула сразу сделалась легче, и ее без труда вытащили на палубу. Корабельный кок, вооружившись топором, стал рубить ей голову. Кто-то вытащил сердце и бросил его на пол. Оно пульсировало, двигаясь то туда, то сюда лягушечьими прыжками. В воздухе стоял запах крови.

Акуле отрубили челюсти, чтобы выварить зубы, а остальное бросили в море, хотя Гумилев слыхал, что акулье мясо весьма вкусно, если его умеючи приготовить. Впрочем, совсем скоро и команда, и пассажиры должны были сойти на берег — а в Джибути явно можно было угоститься чем-то лучше акульего мяса.

Город Джибути лежал на африканском берегу Аденского залива к югу от Обока, на краю живописной бухты. На боль-

шинстве географических карт в те времена был обозначен только Обок, но на деле он потерял всякое значение, потому что там жил всего лишь один европеец, а в Джибути – триста; положение и статус здешних городов определялись именно количеством европейцев. К тому же сейчас активно строилась железная дорога Джибути – Аддис-Абеба, и Гумилев как раз наблюдал, как с парохода сгружают поблескивающие на солнце рельсы и железные шпалы.

– Железные – чтобы не сожрали термиты. Одна из немногих умных вещей, которая пришла им в голову... А вообще-то жаль, что здесь распоряжаются французы, – сказал поручик Курбанхаджимамедов, стоявший рядом. – Они обыкновенно очень небрежно относятся к своим колониям и думают, что исполнили свой долг, если послали туда несколько чиновников, совершенно чуждых стране и не любящих ее...

Поручик Курбанхаджимамедов ехал в Абиссинию с некоей миссией, о которой предпочитал не распространяться, хотя во всем остальном был весьма открытым и приветливым человеком. Впрочем, в разговоре Курбанхаджимамедов обмолвился, что его ждет встреча с Булатовичем, известным исследователем Африки, гусарским офицером, а ныне монахом-схимником, которого отправил в четвертую экспедицию по Абиссинии сам император Николай Второй. Гумилев не раз зачитывался книгами Булатовича – «С войсками Менелика II», «От Энтото до реки Баро», а томик «Из Абиссии через страну Каффа на озеро Рудольфа» и сейчас лежал в саквояже. Втайне поэт надеялся, что ему удастся встретиться с Булатовичем лично.

С поручиком же Гумилев познакомился, когда сидел на верхней палубе и читал «Балладу Редингской тюрьмы» Оскара Уайльда. Смуглый горбоносый поручик возник рядом и спросил безапелляционным тоном:

– Что читаете, юноша?

Поверти в руках книгу, он вернул ее со словами:

– Не читал и не стану. Говорят, этот Уайльд – мерзкий содомит¹.

Гумилев тут же пустился в возражения, поручик проявил неожиданное знание литературы вкупе с твердейшими моральными устоями; после довольно длительного спора они, можно сказать, и подружились, особенно когда Гумилев упомянул Булатовича.

– Однако берите же свои вещи, юноша, – сказал Курбанхаджимамедов, бывший всего лет на пять старше Гумилева.
– Прибыло ландо.

Под «ландо» поручик подразумевал многочисленные весельные ялики, собравшиеся вокруг судна. В яликах восседали обнаженные сомалийцы, которые кричали, привлекая к себе внимание пассажиров, ссорились и дрались между собой, распевали песни и ухитрялись даже закусывать во время своей работы. Через минуту Курбанхаджимамедов, Гумилев и их нехитрый скарб уже покачивались на волнах, а ялик направлялся к плоскому берегу, на котором белели разбросанные там и сям дома. Особенно выделялся губернаторский дворец, выстроенный на высокой скале посреди сада кокосовых и банановых пальм.

Отель Des Arcades, в котором остановились путешественники, был вполне приличным не только по местным меркам. Поручик оставил Гумилева в номере, а сам отправился побеседовать насчет транспорта и вернулся весьма недовольным: в Аддис-Абебу не шел в ближайшие дни ни один караван.

– Я распорядился насчет лошадей и поеду завтра один, – решительно сообщил Курбанхаджимамедов, откупоривая бутылку арманьяка.

– Я с вами, – торопливо сказал Гумилев.

¹ В 1895 году Оскар Уайльд был приговорен к двум годам тюремного заключения и исправительных работ за гомосексуализм.

— Юноша, вы хоть раз были в пустыне? Вы представляете себе, что такое эта поездка? А разбойники-арабы? Да и вообще вы умеете ли ездить верхом? Я говорю не о вольтижировании в манеже, а о дальних переходах...

Обижаясь, Николай тотчас же рассказал поручику, что проехать верхом может при надобности столько, сколько угодно, что разбойников не боится и тотчас пойдет и купит себе револьвер для таких случаев, что в пустыне он не был, но разве не в том же положении находится и сам поручик, который в Абиссинии впервые?!

Курбанхаджимамедов расхохотался и разлил арманьяк по стаканам.

— В самом деле, юноша, — сказал он, — я тут как сельский дурак на губернской ярмарке: лучше бы и мне дождаться каравана, но дела не терпят. Что ж, если угодно, едемте со мной — я скажу, чтобы дали еще двух лошадей. Но прежде давайте выпьем за грядущее путешествие.

* * *

Владимир Ульянов-Ленин сдул пену с кружки светлого пива Koff и сказал:

— Между прочим, заводы русского купца Синебрюхова! Есть и с купцами толк, м-да... А вот финское пиво пить совершенно невозможно.

Он сделал несколько больших глотков, удовлетворенно крякнул и продолжал, слегка картавя:

— Взрыв неминуем и, может быть, недалек! Свеаборгские и кронштадтские казни, расправы с крестьянами, травля трудовиков — членов Думы — все это только разжигает ненависть, сеет решимость и сосредоточенную готовность к битве. Больше смелости, товарищи, больше веры в силу обогащенных новым опытом революционных классов и пролетариата прежде

всего, больше самостоятельного почина! Мы стоим, по всем признакам, накануне великой борьбы. Все силы должны быть направлены на то, чтобы сделать ее единовременной, сосредоточенной, полной того же героизма массы, которым ознаменованы все великие этапы великой российской революции.

Сидящие за столом внимательно слушали. Поскольку они занимали место в самом углу ресторочка, остальные посетители не обращали на них внимания: сидят себе господа, пьют пиво, кушают, разговаривают о своих делах...

– Пусть либералы трусливо кивают на эту грядущую борьбу исключительно для того, чтобы погрозить правительству, пусть эти ограниченные мещане всю силу «ума и чувства» вкладывают в ожидание новых выборов – пролетариат готовится к борьбе, дружно и бодро идет навстречу буре, рвется в самую гущу битвы! – веско сказал Ленин, сделав еще несколько глотков. – Довольно с нас гегемонии трусливых кадетов, этих «глупых пингвинов», что «робко прячут тело жирное в утесах». «Пусть сильнее грязнет буря!»

Он со вкусом, медленно допил кружку и резюмировал:

– Обо всем этом я написал в статье «Перед бурей», прочесть можно будет в первом номере газеты «Пролетарий».

– Товарищ Ленин сам готовил и редактировал этот номер, – добавил Александр Шлихтер.

Ульянов-Ленин после поражения Московского вооруженного восстания в декабре 1905 года перебрался из Петербурга в Финляндию, в дачный поселок Куоккала, где у большевиков была конспиративная дача «Ваза». Вскоре туда переехали Надежда Крупская и ее мать.

В Выборг Ульянов-Ленин и Крупская приехали заниматься выпуском газеты «Пролетарий». Они остановились недалеко от вокзала в гостинице «Бельведер», которую в народе называли «немецкой». Крупская и сейчас сидела за дальним концом стола, на расстоянии от мужа, и выпуклыми, болезненно

поблескивающими глазами смотрела на собравшихся. Под ее стеклянным взглядом Цуда Сандзо поежился и принял ковыряться вилкой в безвкусном картофельном салате. С трудом привыкнув после японской еды к русской, он нашел весьма унылой финскую кухню с ее бесконечной рыбой и картошкой. Вздохнув, бывший полицейский из Оцу налил в рюмку водки и огляделся в поисках товарища, с которым можно было бы чокнуться. Но нет, все оживленно разговаривали между собой, лишь Крупская все так же посматривала.

– А что же товарищ так тихо сидит? – неожиданно спросил Ульянов-Ленин и вопросительно поднял подбородок так, что его бородка уставилась прямо на Цуда. – Товарищ, видимо, из Туркестана? Может быть, вы плохо знаете русский язык?

– Я хорошо знаю русский, товарищ Ленин, – сказал Цуда. – И я не из Туркестана, я монгол.

– Товарищ Джамбалдорж – испытанный член РСДРП, – добавил приехавший с ним из Петербурга студент Ромоданов. – Девятого января был в первых рядах, ранен в руку.

– Прямо из Монголии?! – оживился Ленин. – Как интересно... Когда же вы наконец свергнете иго маньчжур?!

– Нет, я давно уже в России. Десять лет.

– Жаль, жаль, – сказал Ленин. – То есть не потому, что вы десять лет в России, а потому, что не можете рассказать нам, что же сегодня происходит в феодальной Монголии. Но вы кушайте, кушайте, товарищ, а то я вас отвлекаю...

Цуда еле заметно улыбнулся. Примерно те же слова говорил ему Жамсаран Бадмаев, гениальный тибетский врач и талантливый аферист, действительный статский советник, лечивший царскую семью приятель «божьего человека» Григория Распутина. В кабинете Бадмаева, когда тот распорядился подать ужин на двоих, сам не понимая, зачем привечает этого странного незнакомца, явно притворяющегося монголом.

Цуда знал, что Бадмаев – хитрый человек, но мудрый. Поэтому

му он решил действовать прямо и показал ему сверчка. Более того, он положил сверчка тому в ладонь, и статский советник, щуря и без того узкие глаза, погладил пальцем металлическую спинку.

– Великая вещь, – сказал врач. – Где вы ее взяли? Впрочем, нет-нет, не спрашиваю... Берегите ее.

Бадмаев бережно положил сверчка в руку японца.

– Я не стану задавать вопросов. Возможно, я в чем-то не настолько хорошо разбираюсь, как говорю сам и как принято думать, но... С чем вы пришли ко мне?

– Я и сам не знаю, – признался Цуда и рассказал, что его привел сверчок. Бадмаев с любопытством выслушал и покачал головой:

– Мне рассказывали о таком, но чтобы вот так... Я могу чем-то помочь?

– Думаю, да. Вы близки с человеком, которого зовут Григорием Распутиным?

– Распутин-Новых, да-да... Он бывает у меня. Видите ли, некоторые проблемы по мужской части...

– Это не столь важно. Важно, что он вхож к русскому императору. Я общался с ним...

– С Распутиным? – перебил Бадмаев.

– Нет, с императором, – спокойно сказал Цуда. – Он глуп. Глуп и испуган, он не понимает, что у него в руках, не понимает, что с этим делать. Он бросается в объятия любому советчику, которого не боится – пусть это будет его жена или же этот развратный проходимец Распутин. Плюс ко всему царь весьма религиозен, а глубоко верующий человек – это игрушка, марионетка. Свои желания всегда можно облечь в желания господа, и тогда он сделает все, что угодно.

– Вы жестки в суждениях.

– Я говорю, что вижу. Десять лет назад я был совсем другим человеком, но после того, как... А впрочем, это неважно. Вы

сможете устроить мне встречу с Распутиным?

– Конечно. Единственное что я не могу сказать заранее, когда он явится... Но как только узнаю, сразу вам сообщу. Как вас найти?

Цуда сказал свой адрес, и Бадмаев записал его в пухлый молескин.

– Простите, – врач был учтив и вежлив, – но это же трущобы, если я не ошибаюсь... Почему вам не переехать в лучшее место?

– Я привык, – ответил Цуда. – Самурай даже в мирное время не будет думать о доме как о своем постоянном обиталище и не будет растрачивать усилия на изысканное его украшение. Кроме того, если дом окажется охваченным огнем, он должен быть готов быстро построить новое жилище. Поэтому того, кто не предвидит этого, тратит на строительство дома слишком много денег и даже с охотой влезает в долги, можно считать только лишенным здравого смысла и понимания вещей.

– Вы японец? – с пониманием спросил Бадмаев, наливая себе и гостю чай,пряно пахнущий травами.

– Нет, – покачал головой Цуда. – Я им был.

...Ульянов-Ленин тем временем опустошил еще одну кружку и продолжал, стучая пальцем по скатерти:

– Пролетариат должен был всеми силами отстоять свою самостоятельную тактику в нашей революции, а именно: вместе с сознательным крестьянством против шаткой и предательской либерально-монархической буржуазии! Вот вы, товарищ Джамбалдорж, как относитесь к крестьянству?

Цуда растерянно посмотрел на окружающих. Видимо, это и требовалось Ленину.

– Вот! Вот типичная реакция пролетария! – воскликнул тот.

– И мы должны сделать все, чтобы эта реакция была иной, потому что это не вина пролетариата – это наша вина!

Цуда вздохнул и снова принял ковыряться в картофельном салате. Крупская не спускала с него глаз.

* * *

Бутылка арманьяка быстро опустела, и поручик Курбанхаджимамедов сказал, что желает немного отдохнуть, а Гумилев, если хочет, может погулять по городу и заодно купить револьвер.

– А как же вы? Без оружия?!

– Мое оружие прибудет завтра, – уклончиво отвечал Курбанхаджимамедов.

Оставив поручика почивать, развеселенный и взбодренный арманьяком Николай спустился по мраморной лестнице и отправился знакомиться с Джибути.

Город казался вымершим: из-за жары с полудня и часов до четырех все двери и окна были закрыты, молчал рынок, только редкие европейцы или подгоняемые некоей срочной нуждой сомалийцы пробегали по душным улицам. Гумилев уже знал об этом обычай от попутчиков, а потому вынул из кармана часы и щелкнул крышкой – без четверти четыре. Вскоре Джибути начнет оживать.

И в самом деле, не успел он свернуть с припортовой улицы, где находился отель, на другую, как неведомо откуда вокруг начали появляться экипажи с арабами в пестрых чалмах, европейцы в белых тропических одеяниях и таких же легких шлемах, с террас кафе остро запахло кофейным дымом. Гумилев не удержался и поднялся на одну из террас, сел за хлипкий столик, и сразу же ему принесли, не спрашивая, чашку кофе. Поэт отпил маленький глоток, наслаждаясь горьким вкусом.

– Мсье, – сказал кто-то, дергая его за рукав.

Это оказался араб-карлик ростом с аршин, с громадной приплюснутой головой, на которой кривилось детское лицико с

нечеловечески острыми зубами. Карлик молчал, но Гумилев понял, что это всего лишь местный попрошайка, который пришел за своей данью. Покопавшись в кармане, Гумилев нашел несколько мелких французских монет и высыпал их в протянутую с готовностью ладонь, с мимолетным ужасом заметив, что та была трехпалой.

— Гран мерси, мсье, — сказал карлик с неожиданно красивым прононсом, поклонился и направился к следующему столику, неуклюже загребая кривыми ножками, как медвежонок.

Гумилев вернулся к своему кофе, после чего расплатился с хозяином и отправился гулять дальше. Он наслаждался сказочным зрелищем домов, построенных в арабском стиле, с плоскими крышами и зубцами, с круглыми бойницами и дверьми в форме замочных скважин, с террасами, аркадами и прочими затеями — и все в ослепительно белой извести, словно украинские мазанки. На дне глубоких каменных колодцев блестела вода; то там, то сям стояли или двигались с грузами мулы и кроткие горбатые зебу.

Спросив у двух попавшихся навстречу бельгийцев, как пройти к рынку, Гумилев без труда его нашел, как нашел и лавку оружейника. Толстый старик восседал среди великолепия сверкающих клинков, вороненых стволов и богато инкрустированных прикладов, чуть смежив глаза и поглядывая на прохожих сквозь покрытые бородавками веки. Он напоминал жабу, высматривающую комара пожирнее.

При виде Гумилева в его европейском костюме торговец оживился. Он задвигался на своем настесте, откашлялся и спросил по-французски:

— Что угодно господину? Господин приехал охотиться или по иным делам?

— Господин приехал путешествовать, — отвечал Гумилев.

— В таком случае вам нужна винтовка. Мало ли, каких плохих людей можно встретить сегодня на дорогах...

Старый хитрец и в самом деле разбирался в оружии, смог он оценить и практичность покупателя, а также его платежеспособность – а потому не подсовывал ни дорогих охотничьих ружей с золотыми накладками на ложе, ни совершенно никчемных револьверов с хитрыми замками и новомодными способами экстракции.

В результате Гумилев довольно недорого приобрел короткий восьмимиллиметровый карабин Бертье, которым обычно вооружались французские колониальные войска (и с трупа одного из солдат которых, скорее всего, и было снято оружие), а также одиннадцатимиллиметровый британский револьвер «веблей», стреляющий патронами с дымным порохом (о судьбе его бывшего хозяина он также предпочел не задумываться). Купив достаточное количество патронов, он убрал карабин в заботливо предоставленный торговцем полотняный чехол, а тяжелый «веблей» сунул в карман.

Обратно в отель Гумилев отправился другим путем, чтобы посмотреть рынок целиком. Он шел, окутанный запахом прянностей и благовоний, перемешанным со смрадом, исходящим от язв многочисленных нищих и отбросов, которые терзали шелудивые тощие собаки. Сворачивая налево и направо среди лавочонок, прилавков и гомонящих толп, Гумилев понял наконец, что заблудился. Проход в глинобитной стене показался ему наиболее подходящим, и он шагнул туда.

Это оказался тупик. Возможно, когда-то узенькая щель была переулком, но потом его завалили мусором, а довершили дело осыпавшиеся с обрыва над ним глиняные кирпичи от полуразвалившейся стены. И в этом тупике трое оборванцев грабили старика.

Старик в богатой арабской одежде сжимал в руке узкий длинный клинок, но силы явно были неравными – мордастые грабители были моложе, двое вооружены огромными тесаками, а третий толкал свою жертву в грудь стволом

старинного игольчатого револьвера «лефоше», покрытого ржавчиной и похожего на перечницу, но явно все еще боеспособного.

Первым желанием Гумилева было повернуться и уйти, благо он находился в чужой стране и не знал местных нравов и обычаев – вдруг старик обманул этих людей и получал в данный момент по заслугам? Но, уже решившись, поэт поймал молящий взгляд старого человека и сделал то, что должен был сделать.

– Стоять, мерзавцы! – громко крикнул по-русски Николай, словно герой авантюрного романа о благородном мушкетере или рыцаре.

«Мерзавцы» все, как один, обернулись. Их замешательство – а грабители явно не ожидали увидеть здесь европейца – помогло Гумилеву, который выхватил из кармана «веблей». Тот не был заряжен, но грабители этого знать не могли.

– Стоять! – повторил Гумилев по-французски. Тот, что был с револьвером, скривил покрытое пятнами проказы лицо, но больше сделать ничего не успел – воспользовавшись моментом, старик ударил его в бок своим длинным кинжалом.

Не успел грабитель издать предсмертный вопль, как старик пронзил второго. Третий бросил свой тесак и бросился бежать, оттолкнув Гумилева так сильно, что тот ударился спиной о стену и на мгновение утратил возможность дышать.

Старик тщательно вытер кинжал об одежду еще шевелившегося прокаженного, пнул ногой в мягком башмаке второго – тот никак не отзывался – и поклонился Гумилеву.

– Благодарю вас, мой друг, – сказал он на хорошем французском с почти неуловимым акцентом. – Если бы не ваше появление, я уже был бы мертв. Идемте отсюда скорее. Сейчас их начнут жрать рыночные псы, а это не слишком приятное зрелище.

– Мы так и оставим... так и оставим их здесь?! – Гумилев указал на прокаженного, который скреб землю скрюченными пальцами.

– Ах, да, – стариk кивнул. – Конечно же, так нельзя.

С этими словами он вернулся и быстрым движением проткнул горло прокаженного. Тот затих.

– Теперь можно идти, – удовлетворенно сказал стариk и потащил оторопевшего поэта за собой.

...Гумилев пришел в себя только в маленьком кафе наподобие того, в котором уже был сегодня. Стариk сидел перед ним и наливал в небольшую глиняную чашечку желтоватую жидкость из бутылки.

– Джин, – сказал он. – Какой-то британский сорт. Гадость, но другого не было. Вам нужно выпить.

Гумилев послушно опрокинул чашечку и закашлялся.

– Еще раз позвольте поблагодарить вас, – сказал тем временем стариk. – Мое имя – Мубарак, сам я из Эр-Рияда, здесь по торговым и прочим делам. Если бы не вы, я был бы уже мертв.

– А теперь мертвые они, – пробормотал Гумилев, вспоминая, как длинное узкое лезвие пронзalo укутанные грязным тряпьем тела.

– Такова жизнь, – развел руками Мубарак. – К тому же они жили неправедно... более неправедно, чем мы. И оставим это – псы уже растащили их кости по углам, мир забыл об этих людях, если таких шакалов можно называть людьми. Кто же вы, и как мне вас отблагодарить?

– Меня зовут Николай Гумилев, я из России. Я... – Гумилев хотел сказать «поэт», но вовремя подумал, что это будет выглядеть достаточно нелепо. – Я путешественник.

– Россия... – задумчиво произнес стариk. – Большая северная страна, куда я никогда не попаду.

– Что же вам мешает сесть на пароход и поплыть в Марсель или сразу в Севастополь?

— У всех свои пути на этом свете. Вы еще молоды, но после поймете, — Мубарак вопросительно щелкнул по бутылке упакованным кольцами пальцем. Гумилев покачал головой.

— Я думал, вам запрещает религия, — сказал он.

— Так ведь я и не пью, — засмеялся Мубарак. — Послушайте, я непременно должен вам что-то подарить.

— Не стоит, — запротестовал Гумилев. — Я ведь ничего по сути не сделал. Мой револьвер даже не был заряжен.

— Вы их отвлекли. Другой мог бы попросту уйти незамеченным. Вы могли пострадать. Поэтому... — Мубарак сунул руку в большой кошелек, висящий на поясе, порылся и достал маленький сверток. — Поэтому я хочу подарить вам вот это. С виду не слишком ценная вещица, но поверьте, это только так кажется.

Гумилев взял легкий сверточек и раскрыл тончайшую белую ткань. Внутри оказалась металлическая фигурка скорпиона размером с палец. Скорпион угрожающе выгибал свой смертоносный хвост, заканчивающийся маленькой колючкой, настолько острой, что можно было пораниться. Как только поэт коснулся ее пальцем, словно электрическая искорка проскочила. Гумилев тотчас отдернул руку и увидел улыбку старика.

— Значит, я был прав, — удовлетворенно сказал Мубарак. — Приятно видеть, когда вещь находит своего истинного хозяина.

— Но я...

— Вы потом все поймете. А сейчас извините, у меня еще множество дел. Надеюсь, мы с вами встретимся, если окажетесь в Джибути — я здесь часто бываю. Еще раз благодарю вас, господин Николай Гумилев.

Мубарак встал, низко поклонился и зашагал прочь. Гумилев повертел в руках фигурку скорпиона и, хмыкнув, убрал ее в нагрудный карман.

* * *

Поручик бодро делал гимнастические упражнения, когда Гумилев явился в отель и принял рассказывать, что с ним произошло на рынке. Курбанхаджимамедов выслушал, осмотрел купленное оружие (безусловно одобрив), подаренного скорпиона (сказавши: «Безделка...») и сообщил, что видел и не такие стычки и что завтра с утра они выступают.

– Нужно будет только найти проводника. К северу отсюда живут люди, поклоняющиеся черным камням. Европейцы, хорошо знающие страну, говорили, что это племя считается одним из самых свирепых и лукавых. Они нападают обыкновенно ночью и вырезают всех без исключения. Проводникам из этого племени довериться нельзя, но я найду местного. А сейчас, юноша, может быть, сходим к феминам? Джибути на нашем пути, пожалуй, последнее место, где это можно сделать белому человеку.

Гумилев уставился на Курбанхаджимамедова так, что поручик расхохотался и похлопал его по плечу со словами:

– Понял и осознал. Однако ж вы говорили, что приехали из Парижа? Неужели в этом городе страсти вы устояли, сохранив... э-э... невинность?!

Гумилев стыдливо развел руками. Собственно, он мог сколько угодно раз посетить известные кварталы Парижа, но был чересчур увлечен мыслями об Анечке Горенко и потому не мог даже представить себе столь ужасной измены.

– У вас, поди, и невеста дома есть? – продолжал Курбанхаджимамедов. – Так плюньте, юноша: вы в путешествии, а в путешествии и на войне совсем иная мораль, там все дозволяется. Даже правоверные мусульмане, уж поверьте, пьют горькую в походе, а у них с этим ой как строго!

– И где же мы найдем этих... фемин? – робко поинтересовался Гумилев.

– Я навел справки еще до начала поездки, – сказал с гордостью поручик. – Военный человек всегда должен знать, где найти выпивку, еду и женщин. Идемте со мной, не прогадаете. Я надеюсь, вы не слишком глубоко приняли к сердцу пример вашего кумира, этого Уайльда?

Гумилев возмутился и, конечно же, отправился вместе с поручиком.

Фемины обитали в самом центре Джибути, в заведении с названием «Меблированные комнаты для одиноких мужчин мадемуазель Парментье». Сама мадемуазель оказалась тучной женщиной с явственно видными арабскими корнями, но по-французски говорила весьма изысканно и курила папироску с длинным мундштуком. Встретила она их в чем-то типа гостиной – с европейской мебелью, граммофоном и картинами на стенах.

Поручик тут же сообщил, что заведение ему рекомендовал штабс-капитан Воробьев.

– Воробьев! О, Воробьев! – закатила глаза мадемуазель Парментье. Видимо, означенный штабс-капитан оставил в «Меблированных комнатах для одиноких мужчин» достойное впечатление, не говоря уж о денежных суммах. Им тут же принесли терпкое густое вино с привкусом смолы, а затем появились фемины.

Рядом с Гумилевым на диванчик уселись две, по обе стороны; на Курбанхаджимамедова нацелились аж четыре. Впрочем, Гумилев не ведал, что и с двумя-то делать – они щебетали на непонятных языках, хихикали, то и дело отпивали из его бокала и вообще вели себя крайне непривычно, чтобы не сказать неприлично.

«Может быть, встать и уйти?!» – подумал было Гумилев, но тут же отмел эту мысль. Во-первых, ему не хотелось упасть

в глазах поручика, во-вторых, он уже внутренне смирился с доводами Курбанхаджимамедова насчет «путешествия и войны», в которых мораль вовсе иная, нежели в обычной жизни.

– Не теряйтесь, юноша, – бросил поручик, потрепав по пухлой щечке смуглую красавицу, сидящую у него на коленях.
– Я, так сказать, угощаю. Хотите, берите сразу двух, хотя не рекомендую – по первому разу не осилите...

Гумилев густо покраснел, что не осталось незамеченным девушками: они захихикали пуще прежнего, и одна чмокнула его в щеку. Вторая тут же оттолкнула подругу, помахала пальчиком у той перед носом и впилась в губы Гумилева долгим, обжигающим поцелуем, которого он никогда еще не знал и о котором не мог даже мечтать.

Откуда-то появился кальян, все вокруг окутали клубы ароматного дыма, опустевший графин вина быстро заменили новым, и Гумилев буквально терял рассудок, окруженный шелестящими шелками, запахом духов и мускуса, опьяняющими и волнующими прикосновениями... Он не стал сопротивляться, когда поцеловавшая его в губы смуглая тоненькая девушка решительно взяла за руку и увлекла куда-то в переплетения коридорчиков, за разноцветные занавеси.

Через минуту Гумилев уже лежал на большом диване, усыпанном маленькими подушечками. Где-то тихо играла восточная музыка, через окошечко с разноцветными стеклами под самым потолком пробивались лучи солнца, причудливо окрашивая комнату.

Он пытался слабо протестовать, когда девушка разула его и принялась стаскивать с ног бриджи. Но, когда она сбросила с себя полупрозрачные одежды из нескольких слоев муслина, Гумилев уже не протестовал. Глядя на маленькие смуглые груди, увенчанные острыми, почти черными сосками, на плоский живот, на курчавые волосы, похожие на пружин-

ки и выкрашенные хной, Гумилев внутренне возблагодарил поручика, заставившего почувствовать себя Мужчиной-путешественником, Мужчиной-воином, который живет по своим законам...

С этими мыслями Гумилев решительно схватил девушку за плечи и привлек к себе. Дальше она действовала в основном сама, и Николай предоставил полную свободу ее умелым рукам и губам. Боже, он даже не представлял, что такое бывает! В самых смелых фантазиях Гумилев не позволял себе ничего подобного тому, что происходило сейчас, что делал он с этой маленькой смуглой женщиной, и что делала с ним она... Санкт-Петербург, Аничка Горенко, стихи и робкие признания – все это было сейчас так далеко отсюда, что, казалось, никогда и не существовало...

...Затем он лежал, опустошенный, и смотрел в потолок, не в силах даже пошевелиться. По потолку деловито бежал паук, следом за ним прошмыгнула маленькая изумрудная ящерка. Девушка лежала рядом и, казалось, не дышала, но ее теплые пальчики беспрестанно гладили плечо Гумилева.

– Как тебя зовут? – спросил он по-французски, садясь на постели.

– Фатин, – отозвалась девушка. Неожиданно в ней проснулась стыдливость, и она быстро прикрылась сброшенной одеждой.

– А меня зовут Николай. Николай, – повторил Гумилев, тыкая себя пальцем в грудь.

– Никула-ай... – ласково повторила Фатин.

Тут до Гумилева дошло, что он тоже сидит совершенно голый. Он поспешил натянуть бриджи, поискав рубашку и едва нашел ее в углу комнаты. Фатин с легкой улыбкой наблюдала за его эволюциями.

– Мне пора. Пора идти, – сказал Гумилев, стараясь произносить слова медленно и понятно.

– Идти, – согласилась Фатин, закивала. – До свидания!

– Я еще приду! Когда буду в Джибути, обязательно найду тебя! – пообещал Гумилев, застегивая пуговицы. Потом он зашарил по карманам, нашел несколько серебряных талеров и положил на подушку:

– Вот, это тебе! Возьми! Мой друг заплатит мадемузель Парментье, а эти деньги забери себе! Поняла?

– Поняла, – сказала Фатин и потянулась за монетами. Ворох тонких одежд снова упал с ее тела, и Гумилев увидел то, чего не замечал до сих пор. На шее, на тонком шнурке, сплетенном из зеленых и белых нитей, висела маленькая металлическая обезьянка. Шнурок был продет не через отверстие в подвеске, как обычно – его попросту не было, и петля была захлестнута прямо на шее зверька, словно у удавленника. Не отдавая себе отчета, Гумилев хотел дотронуться до обезьянки, но Фатин быстро отшатнулась, бросив деньги.

– Нельзя, – сказала она, сердито насупив брови. – Нельзя руками.

– Талисман?! – спросил Гумилев.

– Нельзя, – повторила Фатин и погрозила пальчиком, как недавно грозила своей подружке. Гумилев пожал плечами и продолжил одеваться, испытывая во всем теле слабость, подобную которой ему не доводилось испытывать еще никогда в жизни.

На прощание он осторожно поцеловал Фатин в щеку. Девушка оставалась лежать среди разбросанных подушек, прикрывшись одеждой, и играла монетами, складывая их в пирамидку.

– Я обязательно приеду! – повторил Гумилев.

– Приезжай! Хорошо! – отозвалась девушка.

Поручик уже сидел в гостиной и, как ни странно, читал *Le Figaro*. Из граммофонной трубы пела Вяльцева – «Забыты нежные лобзанья...»

– С возвращением, – сказал Курбанхаджимамедов, завидев своего спутника. – Как все прошло? Не стесняйтесь, я с чисто практической стороны интересуюсь, как ни крути, я вас сюда затащил...

– Божественно, – отрезал Гумилев, опускаясь на диван.

– Джин? – поинтересовался поручик, указывая на бутылку.

– Бодрит.

Гумилев кивнул. Пахнущий можжевельником горький напиток в самом деле взбодрил его. Поручик сложил газету, бросил ее на столик и спросил:

– Идемте? С мадемуазель я рассчитался, не беспокойтесь.

– Вы не знаете, как переводится имя Фатин? – неожиданно для себя спросил Гумилев.

– А, вот как ее, стало быть, зовут... – усмехнулся поручик. – «Соблазнительница». Не уверен, что это настоящее имя красотки, хотя всякое может быть. Полагаю, вы поклялись ей в вечной любви и обещали непременно зайти еще раз, как только окажетесь в Джибути? Небось и денег дали сверх, так сказать, счета?

– Поручик... – краснея, начал было Гумилев, но Курбанхаджимамедов с хохотом замахал на него руками:

– Полноте, юноша, полноте вам яриться!!! Сам такой был, оттого и спрашиваю... Помнится, с прaporщиком Воронцовым-Вельяминовым однажды расхрабрились и вот так забрели... впрочем, не стоит, не стоит... идемте, нам еще собираться. Завтра утром будем выезжать, а еще столько забот и хлопот.

Утром они и выехали. Проводника нашел хозяин отеля, представив его как Нур Хасана; Нур Хасан оказался совсем молодым темнокожим человеком в светло-зеленой накидке и со старенькой маузеровской винтовкой через плечо. Он немного знал французский, Курбанхаджимамедов – на том же уровне арабский, так что общение худо-бедно наладилось.

Багаж путешественников, состоявший только из самых необходимых вещей, был невелик: оружие и патроны, два выючных чемодана, служивших постелью (в них находились одежда, белье, подарки, деньги и книги); ящик с аптекой, приспособленной в случае надобности и к перенесению на руках; такой же ящик со столовыми и кухонными принадлежностями и консервами (в том числе и кубиками сухого бульона Maggi), чаем и сахарином; и, кроме того, два выюка с разными предметами, включая столь любимый поручиком арманьяк. Продовольствием они запаслись ограниченно, рассчитывая пополнять его в пути.

– Мальбрук в поход собрался, – сказал поручик, критический осмотрев маленький отряд. Сам он неизвестно когда вооружился винчестером, а в кобуре имел пистолет «манлихер» из тех, у которых патроны вставляются в рукоять.

– Едемте, что ли, – сказал Гумилев, нетерпеливо поправляя купленный в лавочонке тропический шлем.

Поручик тронул лошадь, и через четверть часа, когда они покинули Джибути, для Николая Гумилева наконец-то началась Африка.

* * *

– Нуру Хасан волнуется...

Гумилев тоже посмотрел на Нуру Хасана, после чего внимательно изучил черную тучу на горизонте. Второй день путешествия обещал проблемы.

– И, вероятно, не без причины... – в ответ на это Курбанхаджимамедов согласно кивнул. – Это только мне кажется, что она приближается?

– Боюсь, что нет, юноша... Надо двигаться, – сказал Курбанхаджимамедов. – Я, пожалуй, попытаюсь объяснить это нашему проводнику.

Поручик подошел к Нур Хасану и начал что-то ему горячо втолковывать, то показывая на чернеющий горизонт, то на дорогу, то на пески, после чего вернулся озадаченный.

– Проводник был против, но я его уговорил. Тут считается, что песчаную бурю нужно пережидать на месте. Меньше шансов потеряться. Вероятно, в чем-то он прав.

– Ну и к какому же выводу вы пришли?

– Будем убегать от облака, пока сможем, шансы у нас еще есть. Но, если не получится, остановимся...

Гумилев пожал плечами и взобрался на свою лошадь. Рядом бодро вскочил в седло Курбанхаджимамедов. Фыркая, лошадь переступала с ноги на ногу, опасаясь идти, и Гумилев пришпорил ее.

– Что вы можете сказать о песчаных бурях, юноша? – спросил догнавший его поручик. – Вы явно читали о них в книгах.

– Ничего хорошего, – ответил Гумилев. – Мельчайшая пыль и песок, поднятые в воздух сильным ветром. Как вы сами понимаете, пустыня – это местность довольно плоская. Поэтому ветер тут разгоняется до уровня урагана легче легкого. Он несет с собой тучи мелкого песка, которые закрывают солнце. Буквально становится нечем дышать. Песок заполняет собой все и способен погрести под собой караван побольше нашего. Ничего утешительного я вам не сказал, верно, поручик?

– Хорошенькая встреча, – пробормотал Курбанхаджимамедов. – И какие рекомендации имеются у науки на этот счет, юноша?

– Собственно, никаких, – уклончиво отозвался Гумилев. – Разные путешественники советуют разные вещи.

Лошадь снова фыркнула и отпрянула в сторону. Поэт успел заметить, что чуть правее из кучи песка торчали побелевшие кости грудной клетки и скалился человеческий череп.

– То есть как? – спросил Курбанхаджимамедов, печального остова не заметивший.

– В этом вопросе лучше положиться на опыт бедуинов и местных жителей. Они рекомендуют уйти с пути бури, а если уж попали в нее, то пережидать и не двигаться. Говорят, что некоторые ухитряются выжить под слоем песка... Потом выкапываются...

– Лошади у них тоже выкапываются?

– Я читал только о верблюдах. Кстати, почему мы не взяли верблюдов?

– Я не доверяю животным, с которыми раньше не имел дела, – отвечал поручик. Гумилев не нашелся, что на это сказать.

Они въехали на участок дороги, усеянный крупными камнями. Нур Хасан двигался чуть позади, и Гумилев подумал, что, если бы проводник захотел выстрелить им в спину и обобрать, это весьма удобный момент.

– Жаль, что я не верблюд, – сказал Курбанхаджимамедов. Нур Хасан что-то закричал и подъехал к ним ближе. Посоветовавшись с проводником, поручик сказал:

– Через несколько километров дорога делает петлю! Там есть более прямой путь... Старый... Должен быть... Уже скоро, с версту. А дальше – небольшой оазис, на старой дороге. Там есть вода и маленькая деревня галласов.

– Это не ловушка? – мрачно спросил Гумилев.

– Откуда же мне знать, юноша? Приедем – проверим. На всякий случай держите под рукой оружие.

– Вначале он хотел переждать бурю на месте. И это – за версту от убежища?

– Я так понимаю, наш друг не слишком дружен с галласами. Но полагает, что с нами будет в безопасности.

– Этого еще не хватало... – проворчал поэт. Курбанхаджимамедов оглянулся на тучи и покачал головой:

– Кажется, оно меняет направление...

Уже недалекие черные тучи хищно заворачивались спиралью, обретая сходство с огромным осьминогом. Вся западная часть

неба уже затянулась целиком и полностью в траурный цвет.

– Вы уверены, поручик? – спросил Гумилев.

– Абсолютно! Мы ехали по прямой на юго-восток... Изначальное направление бури было строго на север. Она вообще должна была пройти стороной, еще в самом начале... Когда мы начали двигаться, направление ветра изменилось, и буря взяла явно восточное направление... Это необычно, но случается. В любом случае мы должны были бы миновать ее, смеившись к югу. Фронт ее относительно невелик... В худшем случае нас зацепило бы краем. Но сейчас... Она следует за нами!

– Что вы хотите сказать?

– Да, собственно, ничего, юноша. Просто... Мы вроде бы попали в серьезные неприятности.

– Удивительное открытие! – буркнул Гумилев.

Крупные камни сменились более мелкими, покрытыми тонким слоем песка. В неясном свете, который еще струился с дымного неба, прямо посреди дороги появилось корявое дерево, растопырившее сучья самым уродливым образом. Дорога в этом месте делилась надвое, плавно расходясь в стороны.

– Налево, – сказал Курбанхаджимамедов.

Они свернули. Черный осьминог расползся на половину небосклона, заслонив солнце и погрузив мир в сумерки, которые грозили перейти в ночь. Уже можно было разглядеть отдельные врачающиеся струи в общем теле бури. Как длинные, гибкие ноги, они ползли, пульсируя и извиваясь, по песку, всасывая пустыню в себя, поднимая ее вверх к самым небесам, словно стремясь поглотить весь мир.

Гумилев не мог оторвать глаз от этого устрашающего зрелища. Огромная мистическая мощь скрывалась в этой смертоносной силе, с которой играла природа. Сама Пустыня летела за маленьким караваном!

Внезапно раздался тревожный крик. Это был Нур Хасан, который размахивал руками, как оплоумевший.

– Что? Что он говорит? – старался перекричать вой ветра Гумилев.

– Ждать, он говорит, что нужно ждать, – закричал Курбанхаджимамедов. – Согнать лошадей, уложить, накрыть рогожами и ждать под их прикрытием.

Взбесившийся ветер ревел раненым львом. Казалось, что огромное, черное, косматое животное наваливается боком на одинокий, маленький караван. Они спешились, сбиваясь вместе, подгоняя выочных лошадей. Поручик поспешил разворачивать полотнище, Гумилев поспешил ему на помощь, пока проводник успокаивал испуганных животных.

И тут, в миг, когда песчаная буря уже почти нависла над беззащитными людьми, случилось нечто такое, что заставило их рухнуть на колени. В теле огромного пылевого облака, повинувшись дикой воле ветра, открылся гигантский глаз и обратил на людей пылающий, кроваво-красный зрачок предвечернего солнца. Нижнее «веко» чуть прикрывало «зрачок», отчего казалось, что буря свирепо смотрит именно вниз, на людей, которых она собралась раздавить. Смотрит мстительным оком бога в день Страшного суда. В реве бури чудилось что-то знакомое, человеческое.

Смех?!

Когда наконец злобное око закрылось и тьма пополам со смертью уже совсем намеревалась накрыть людей, ветер вдруг начал слабеть. Постепенно секущие плети песка сменились омерзительной взвесью пыли, висящей в воздухе.

Буря в очередной раз непостижимо резко изменила направление и сместилась к северу. Показалось солнце, багровое, с трудом пробивающееся сквозь пыль. Тишина оглушала.

Гумилев наконец позволил себе упасть на песок. В левом нагрудном кармане в такт с бешено бьющимся сердцем подрагивал маленький скорпион с угрожающе поднятым жалом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Негус негести

*В Шоа воины хитры, жестоки и грубы,
Курят трубки и пьют опьяняющий тэдж,
Любят слушать одни барабаны да трубы,
Мазать маслом ружье да оттачивать меч.
Харрапитов, галла, сомали, данакилей,
Людоедов и карликов в чаще лесов
Своему Менелику они покорили,
Устелили дворец его шкурами львов.*

Николай Гумилев

Деревенька галласов оказалась маленькой, но симпатичной, разве что среди круглых домиков с коническими соломенными крышами Гумилев не увидел ни одного деревца. Он хотел было поинтересоваться у поручика, чем же галласы топят печи в холодные ночи (о том, что по ночам температура порой опускалась едва ли не ниже нуля по шкале Цельсия, Гумилев знал), как увидел коровий кизяк, сложенный возле каждого жилища в правильные кучи. Около домов также располагались низенькие, плетенные из хвороста амбарчики, немного приподнятые над землей – как помнил Гумилев из книг, сделано это было для защиты от термитов, обитавших тут в изобилии и пожиравших все, что попадется.

Путешественники ехали по центральной улочке, если можно ее было таковой назвать. Нур Хасан явно нервничал – вероятно, с галласами у него имелись свои счеты, но местные поглядывали на гостей приветливо и даже махали руками.

– А ведь всего лет двадцать назад здесь была страшная война,

юноша, – заметил Курбанхаджимамедов. – Покорить галласов Менелику было нелегко, они всегда славились своим умением обращаться с конями и храбростью, и победа над ними стоила абиссинцам немалых жертв. Если бы не талант абиссинского полководца раса Гобаны, еще неизвестно, как бы все закончилось... Причем бились конные всадники при помощи пик и мечей, ружей и у Гобаны, и у галласов было крайне мало, да и оружие это считалось бесчестным.

Гумилев кашлянул и поправил на плече свой карабин.

– А умер непревзойденный кавалерист рас Гобана несколько лет назад – угадайте, каким образом? – спросил поручик.

– Был убит врагами? – развел руками Гумилев.

– Увы – всего лишь упал с лошади и разбился насмерть. К сожалению, и кавалерийская наука в Абиссинии с его смертью стала угасать... Да и ружья есть теперь почти у всех, а конник – не соперник хорошему пешему стрелку... О, а вот и торжественная встреча!

Посередине улицы стоял надменный седой старик в длинном плаще, с копьем в руках. Немного позади держались три молодых человека с новенькими британскими винтовками «ли-энфилд», чем-то неуловимо похожие на копьеносца. Подняв руку, старик заговорил по-французски, но так плохо, что Гумилев его почти не понимал. Зато поручик с улыбкой кивал, после чего повернулся к спутнику и сказал:

– Это местный... староста, что ли... сын бывшего царька галласов Бонти-Чоле, то есть теперь де-юре он никто, но тем не менее по старинке к нему все относятся с уважением и спрашивают совета. Менелик, насколько я знаю, мудро позволяет этим местным аристократам править – до определенных границ, само собой. Бонти-Чоле приветствует нас и приглашает разделить с ним трапезу.

Нур Хасан озирался по сторонам, явно чувствуя себя неуютно. Однако Курбанхаджимамедов похлопал его по плечу и сказал:

– Слезай, братец.

Проводник спешился. Тут же подбежали мальчишки и увезли лошадей, причем поручик приторочил свой винчестер к седлу и посоветовал сделать то же Гумилеву, сказавши:

– Мы у друзей, юноша. Зачем таскать за собой эту дуру? Коли захотят нас отравить или зарезать, винтовка все равно не поможет.

Но Гумилев почему-то ощущал себя совершенно спокойным. Давешний испуг, вызванный бурей, давно прошел, а от приятного лица Бонти-Чоле веяло гостеприимством и радушием. Его сыновья – а троица с «энфилдами» скорее всего таковыми и являлась – степенно кланялись, из дома выглядывали другие домочадцы, в том числе женщины в длинных абиссинских рубахах, причем у каждой на шее имелся черный шелковый шнурочек под названием матаб – знак крещения, а на руках – большое количество громадных браслетов из слоновой кости и меди.

Было тут и несколько негров – вероятно, из бывших рабов, прижившихся у галласов, после того как Менелик под страхом отрубания руки отменил торговлю людьми.

Курбанхаджимамедов представился сам и представил Гумилева, причем Бонти-Чоле по-европейски пожал им руки. Нур Хасан был удостоен благосклонного кивка и, кажется, слегка успокоился после этого скромного знака внимания, но продолжал держаться немного в стороне.

В доме все уже было готово к ужину, Гумилев и поручик уселись на разостланных коврах, и слуги растянули перед ними широкую занавеску. Кто-то из челяди принес медный рукомойник затейливой формы с клеймом московской фабрики, чтобы можно было вымыть руки – это означало помимо прочего, что среди здешних галласов уже твердо установились абиссинские обычаи, ибо раньше галласы рук не мыли.

Тем временем одна из кухарок принялась вынимать из маленьких горшочков всякие кушанья и класть их на хлеб, разложенный на корзине. И чего только тут не было: и крутые яйца, сваренные в каком-то необычайно остром соусе, и рагу из баранины с красным перцем, и соус из курицы с имбирем, и язык, и тертое или скобленое мясо – все обильно приправленное маслом и пересыпанное перцем и пряностями, и холодная простокваша, и сметана. На угольях костра перед Гумилевым жарилось нарезанное маленькими ломтиками мясо, рот горел от жгучего перца, слезы выступали на глазах, поэтому приходилось периодически освежаться сметаной или чудесным хмельным медом – тэджем¹ – из маленьких графинчиков, обвернутых в шелковый платочек. Проводник кушал в сторонке от гостей и домочадцев – этим как бы показывалось его особое положение.

Над каждым кружком обедавших один из слуг, перегибаясь от тяжести, держал по большому куску бычьего сырого мяса. Облюбовав порцию для себя, каждый галлас по очереди вырезал его и ел, весьма ловко и быстро отсекая у самых зубов движением ножа. Гумилев решил было попробовать поступить так же, но вовремя одумался, прикинув, что негоже остаться без носа. Сразу вспомнился бывший премьер Витте, который поэту был неприятен, и Гумилева даже передернуло от мысли об искусственном носе из гуттаперчи².

– «Московский листок», помнится, писал, что один из известных петербургских увеселителей получил на днях приглашение приехать в Абиссинию и устроить в столице негуса Менелика кафешантан. Увеселителю якобы предлагали звание абиссинского чиновника и содержание в размере восьми тысяч рублей ежегодно, – сообщил Курбанхаджимамедов, утирая рот платочком. – Полагаю, врали. Да и прогорел бы он в момент...

¹ Тэдж приготовляется из меда, разведенного в холодной воде; туда же прибавляют листья дерева гешо, заменяющего хмель.

² Сергей Юльевич Витте, председатель Совета министров Российской империи в 1905-06 гг., лишился носа в результате запущенного сифилиса и носил накладной гуттаперчевый протез.

Оттрапезничав, путешественники перешли к беседе с хозяином дома, который отправил от стола всех слуг и родичей, а новые порции меда налил им в роговые стаканы самолично. Курбанхаджимамедов объяснил Бонти-Чоле, что едут они к негусу Менелику, и тут старик чрезвычайно оживился. Поручик внимательно выслушал его (в смеси очень плохого французского с арабским Гумилев почти ничего не понимал) и повернулся к Гумилеву с горящими глазами, сказавши:

– Нам везет, юноша! Завтра негус Менелик будет здесь!

– Здесь?! В этой деревеньке?! – удивился поэт.

– Негус легок на подъем и любит обезжать свои владения. К тому же здесь он, если не ошибаюсь, воевал. Так что мы выгадали, иначе пришлось бы сидеть в столице и маяться от безделия... Я даже не уверен, что Булатович там, раз уж негус отправился в инспекционную поездку... Секунду, я кое-что спрошу.

Поручик еще немного поговорил с Бонти-Чоле, вновь наполнил стакан и сообщил:

– Сегодня, чуть позже, прибудет авангард негуса – разведать обстановку и подготовить встречу на должном уровне. Представимся им, переноочуем, а с утра или к обеду появится и Менелик. А дальше, возможно, двинемся с ним – если он едет в столицу, или сами по себе, если он продолжит поездку. Как вам такой вариант, юноша?

– Вообще-то я мечтал увидеть Менелика, – признался Гумилев.

– Завтра вам представится такая возможность. Притом, так сказать, оригинальным образом. Тут все же не дворец, все по-походному... Вообще негус человек довольно простой, у них тут все высшие чиновники и генералы совсем не такие заносчивые, как наши, осмелюсь заметить. Хотя с нашего сними мундир, вензеля, эполеты, знаки за бесспорочную службу, выпусти в пустыню в одной юбочке, с голым задом, тоже, поди, не шибко заважничают...

Гумилев засмеялся вслед за поручиком и тут же понял, что Курбанхаджимамедов изрядно напился. Ароматный тэдж оказался коварным напитком – поэт чувствовал, что и он на веселе, а когда поднялся на ноги, то едва не упал.

– А-а! – погрозил пальцем поручик. – Еще наши предки, юноша, учили: меды ставленые в первую очередь по ногам бьют.

Гумилев в растерянности опустился на шкуры, а Бонти-Чоле громко расхохотался. К нему присоединился Курбанхаджимамедов, и вскоре смеялись все трое. В помещение заглядывали слуги, улыбались и прятались обратно. Какие милые, добрые и веселые люди, подумал Гумилев, протягивая руку за жареным куриным крылышком, и промазал, ухватив пальцами воздух. Крылышко попалось лишь с третьего раза, что вызвало новый взрыв смеха.

Что было дальше, Гумилев помнил не очень хорошо. Они пили мед, потом потомок галасского царька с торжественным видом извлек откуда-то бутылку шотландского виски и, цокнув языком, пощелкал ногтем по этикетке.

– Обидим старинушку, – предупредил поручик, когда Гумилев хотел было убрать свой стакан. Чтобы не обидеть «старинушку», державшегося притом крепче всех, выпили и виски. Вкус у Гумилева, закусывающего мясом с перечным соусом, окончательно притупился, и он глотал спиртное, как воду. Затем «старинушка» позвал кого-то из челяди, и тот принял заунывно петь, приплясывая и ни на чем не аккомпанируя. Поручик, кажется, пытался подпевать, но не преуспел; взамен он подарил певцу несколько серебряных талеров, а «старинушке» – златоустовский кинжал, которых Курбанхаджимамедов взял с собой несколько именно в качестве презентов. Бонти-Чоле тут же начал вертеть его, пробовать пальцем острие и восторженно причмокивать.

В какой-то момент Николай окончательно утратил себя и очнулся, когда его укладывали в постель, бормоча не по-русски. Ему показалось, что это сыновья Бонти-Чоле, но разбираться

Гумилев не стал – как только голова коснулась жесткой подушки, он тут же провалился в сон.

* * *

– …Изволите долго почивать, юноша! – раздалось словно гром с ясного неба, и Гумилева кто-то принял немилостиво трясти за плечо. С трудом разлепив глаза, Гумилев увидел над собою лицо поручика Курбанхаджимамедова.

– Долго, говорю, изволите почивать! Словно архиепископ, прости меня, господи. Уж скоро император приедет, а вы дрыхнете.

Поручик выглядел бодрым и свежим, словно вчера и не было никакого кутежа. Гумилев таким людям завидовал, справедливо полагая, впрочем, что тут дело скорее в особенностях организма и развить в себе подобное искусственно не представляется возможным.

– Завидую вам, поручик… – сказал Гумилев, садясь на свое ложе и потирая виски. На щеке отпечаталась рубчатая поверхность вышитой подушки. – Какой-нибудь эликсир?

– Эликсиры, бальзамы… Чудодейственный бальзам, который старуха-цыганка открыла матушке д'Артаньяна, существует только в книгах. А мой эликсир – вот, – поручик вынул из саквояжа металлическую флягу. – Шустовский. Извольте?

Гумилев замотал головой, но поручик настоял. Сделав с большим трудом несколько глотков, поэт почувствовал, что тошнота и в самом деле отступает.

– То-то же, – наставительно сказал Курбанхаджимамедов. – Справедливости ради замечу, что и я чувствую себя не лучшим образом, хотя в Санкт-Петербурге у Кюба³ тренировался весьма прилежно… Мед бы еще ничего, но гостеприимство нашего наследника престола, откупорившего виски… Бр-р…

³ «Кюба» – ресторан в Санкт-Петербурге (Б. Морская, 16), заведение высшего разряда с образцовой кухней и великолепным обслуживанием гостей. К сожалению, закрыто в 1917 году.

Поручик утешился коньяком и потащил Гумилева умываться. Завтракать Николай отказался, ибо его все равно слегка мутило. Служанки наблюдали за тем, как он долго выбирается на свежий воздух, и хихикали, прикрываясь ладошками.

– А что авангард негуса? – вспомнил Гумилев.

– Прибыл, осматривает деревеньку, – отвечал Курбанхаджимамедов, принимаясь за свои упражнения. – Мы-то вчера их не дождались, а сегодня они с утра пораньше уже в делах. Человек десять и ямса-алака⁴ с ними. Это что-то вроде поручика в здешней армейской иерархии, насколько мне объяснял Булатович. А еще я узнал про нашего Нур Хасана – у него, оказывается, были какие-то амуры с дочкой местного старосты, но ничем не кончилось. Вот он побаивался, что возникнут проблемы, но староста вроде дочку уже выдал за другого. Зря боялся, короче.

Гумилев улыбнулся – вот тебе и романтика! Он-то полагал, что здесь кроется некая страшная тайна, кровная месть, секрет зарытых в пустыне сокровищ… И вот тебе – обычная история неудавшегося жениха, который боится несостоявшегося тестя. В любой российской деревне такого добра… Хотя чем по сути отличается российская деревня от африканской? Даже в пении здешних женщин ему слышалось иногда что-то родное вроде «Ой ты, Порушка-Параня, ты за что любишь Ивана?! – Ой, я за то люблю Ивана, что головушка кудрява…»

Тут же на глаза попался проводник, который уже окончательно освоился, осмелел и сейчас вертелся возле одной из служанок. Никакой мрачной солидности, что вчера Гумилев увидал в нем накануне бури, следа не было – обычный мальчишка. Гумилев не удержался, чтобы не подмигнуть ловеласу, и Нур Хасан скромно потупился.

Но тут загремели далекие литавры, заревели дико трубы, и

⁴ Ямса-алака – начальник полусотни в армии негуса Менелика. Действительно примерно соответствует поручику в русской армии.

все оживились, а поручик Курбанхаджимамедов прекратил упражнения и сказал:

— Чу! А вот, кажется, и негус.

Однако Менелик появился еще нескоро — видимо, трубы и литавры предупреждали о его приближении с большим упреждением. Бонти-Чоле отправился встречать императора на окраину деревеньки, а европейские гости остались ждать.

— Терпеть не могу придворные церемонии, — признался поручик после почти получасового сидения. — Радует лишь то, что у нас они еще хуже.

— Я ни разу не был представлен государю, — покачал головой Гумилев.

— Я тоже, господь миловал, — отозвался Курбанхаджимамедов. — Не хотите еще немного шустовского?

— Нет-нет, мне достаточно! — замахал руками Гумилев. Поручик пожал плечами, но и сам пить не стал. Гумилев неожиданно вспомнил, что еще пару лет назад читал в какой-то газете, что негус — большой враг пьянства, и не только пьянства, а даже умеренного употребления спиртных напитков. Заметка тогда была проиллюстрирована ярким примером: негус приказал посадить под арест двух генералов за то, что они выпили из Англии ящик джину.

Он уже хотел бежать к своему чемоданчику за мятными пастилками для освежения рта, как литавры и трубы взревели совсем уже рядом. А через несколько минут Гумилев увидел негуса негести.

* * *

— Я не знаю, правильно ли сделал, но недавно я вступил в социал-демократическую партию, — сказал Цуда Сандзо.

Они со стариком сидели в маленькой полпивной⁵. Цуда пил

⁵ Полпивная — устаревшее название пивной, торгующей полпивом (легкий сорт пива) и другими напитками.

дешевое пиво, закусывая моченым горохом, а старик задумчиво грыз соленую баранку. Он ничуть не изменился, разве что одет был так, как одевались московские китайцы – мелочные торговцы, работники прачечных и фокусники.

Старик по своему обыкновению объявился неожиданно, стоило Цуда вернуться из Финляндии. Он сам нашел его, хотя Цуда знал о предстоящей встрече – ему сказал сверчок. Сверчок в свое время привел его на промозглую улицу, где солдаты расстреливали делегацию рабочих, сверчок шептал ему во время разговора с Ульяновым-Лениным на вечерней улице Выборга, заставляя находить нужные слова, поддакивать в важные моменты. Ленин остался очень доволен Цуда, а когда узнал, что тот изучает народную медицину, долго говорил о кладезях многовековой мудрости, которыми нужно пользоваться для общего блага. Цуда не знал, встретится ли ему еще раз этот невысокий картавый человек, но над вступлением в его партию думал недолго.

– Это правильно, ты знаешь, что делаешь. Я читал об этой партии, – сказал старик. – Очень опасная партия. И очень нужная.

– Да, они становятся популярны, – согласился Цуда.

Старик помотал головой:

– Дело не в популярности. Этот Ленин – весьма хитрый человек. Вот послушай: господин Кацусигэ всегда говорил, что есть четыре типа слуг: «сначала поспешные, потом медлительные», «сначала медлительные, потом поспешные», «всегда поспешные» и «всегда медлительные». «Всегда поспешные» – это те, кто, получив приказ покончить с собой, действуют быстро и безупречно. «Сначала медлительные, потом поспешные» – это те, кто, получив приказ покончить с собой, не обладают должным пониманием, но быстро находят в себе силы и завершают дело. «Сначала поспешные, потом медлительные» – это те, кто сначала быстро берется за дело, но по ходу приготовлений

уступает сомнениям и начинает медлить. Таких людей очень много. Остальных можно назвать «всегда медлительными». Так к какому типу слуг ты бы отнес Ленина, Цуда?

– Но Ленин ничей не слуга, – возразил бывший полицейский.

– Каждый человек – чей-то слуга, даже если он об этом не догадывается. А если он не догадывается, то и лучше: думая, что живет для себя и своим умом, он каждый день старается еще сильнее прежнего. Так к какому типу слуг ты бы отнес Ленина?

– «Всегда медлительные»? – неуверенно спросил Цуда.

– Я тоже так ошибся. Видишь, и я ошибаюсь... Но я читаю много газет, не только русских, и я могу сказать: Ленин соединяет в себе все четыре типа слуг. Господин Кацусигэ сам не нашелся бы, что сказать по его поводу. Поэтому повторю: это очень хитрый и опасный человек. Русский царь в сравнении с ним – никто, потому что царь сначала поспешен, потом медлителен, это уж точно.

– Что же мне делать дальше?

– Сверчок подскажет. А я, бедный старик, всего лишь рассказал тебе притчу.

Оба помолчали, потом Цуда признался:

– Мне жаль людей, которые погибли на броненосце.

– А разве не жаль тебе было доброго водоноса Каору, которого ты убил на берегу озера Бива? Иногда сострадание в том, чтобы убить. Убить врага легко, а вот убить друга – подвиг, на который способен не каждый. К тому же, если бы адмирал Макаров остался жив, как все могло бы сложиться в Порт-Артуре? Но я вижу, у тебя есть еще вопросы. Спрашивай, спрашивай, самурай.

– Кто были те люди, господин? На необычной резиновой лодке, которые дали мне аппарат, чтобы дышать под водой?

– На этот вопрос я тебе не могу ответить, Цуда. Есть множество вещей, на которые даже я не знаю ответа, а есть и такие,

на которые ответов не должен знать ты, потому что попросту не сможешь их понять. То, что неясно, лучше считать неизвестным. Господин Санэнори однажды сказал: «Есть вещи, которые нам понятны сразу же. Есть вещи, которых мы не понимаем, но можем понять. Кроме того, есть вещи, которых мы не можем понять, как бы мы ни старались». Это очень мудрое суждение. Человек не может понять тайного и непостижимого. Все, что он понимает, довольно поверхностно.

Цуда опустошил кружку и оглянулся, чтобы подозвать человека и попросить еще пива. Когда он повернулся, старика уже не было, и только на выскобленных досках стола лежала надкусенная соленая баранка.

Сверчок молчал.

* * *

...Императору Абиссинии Николай Гумилев ни за что не дал бы шестидесяти с лишним лет. Зрелый мужчина с кудрявой бородой, пухлыми негритянскими губами и хитрым взглядом, Менелик приветствовал русских. Николай знал, что Менелик прибавил к своему имени число II из уважения к легенде, гласящей, что первый Менелик был сыном царя Соломона и царицы Савской, основательницы династии Соломонидов. Однако при всем этом негус слыл скромным человеком и тотчас подтвердил это, сказав по-французски:

— Я рад приветствовать посланников великого императора Николая. Прошу простить, что встречаю вас не в своем дворце, а в этой жалкой деревне, хотя пристало бы принимать вас совершенно иначе.

Пока Менелик и Курбанхаджимамедов, как старший, обменивались цветистыми фразами, Гумилев разглядывал дружину негуса. Солдаты-нефтенья, вооруженные новыми европейскими винтовками и саблями в виде кривых обоюдоострых

ятаганов или прямых мечей, обмотанные патронташами, со щитами из кожи гиппопотама, выглядели весьма грозно, хотя в остальном были одеты, как обычные крестьяне, лишь на ногах имели сандалии, тогда как все остальные ходили босиком.

Придворные деятели выглядели побогаче – в львиных и леопардовых шкурах, украшенных золотом и медью, однако видно было, что это не просто камарилья, привыкшая таскаться за государем, есть, пить и собирать по возможности взятки на российский манер; под шкурами бугрились тренированные мышцы, сабли сияли остро заточенными лезвиями – окружение Менелика состояло из бывших воинов, в любой момент снова готовых сесть в седло и возглавить атаку или погоню.

На сей раз обед был еще более изысканным и церемонным, нежели вчера; правда, тэдж подавался в куда меньших количествах и сильно разбавленным. Гумилев нашел в себе силы попробовать сырого бычьего мяса, оказавшегося неожиданно вкусным и нежным. Когда он прожевал, Курбанхаджимамедов наклонился к нему и тихо сказал:

– Вкусно? А знаете ли, юноша, что почти нет абиссинца, который не страдал бы от солитера⁶? Все, начиная с императора и кончая нищим, принимают регулярно каждые два месяца вареные и толченые ягоды дерева куссо или кустарника энко-ко. Отличное глистогонное средство.

– Вы полагаете... – опешил Гумилев, но поручик ухмыльнулся:

– Думаю, утренняя порция шустовского всенейтрализует. Однако не увлекайтесь пищевыми экспериментами, юноша. Солитер уместен в качестве пасьянса, но никак не в качестве внутреннего жителя.

– Дайте-ка мне еще немного коньяку, – попросил Гумилев и,

⁶ Солитер – плоский ленточный червь, паразитирующий в кишечнике человека, иногда достигает длины до 8 метров. Заражение, как правило, происходит при употреблении в пищу сырого мяса.

дождавшись на всякий случай, пока негус отвернется, сделал пару больших глотков, которые с удовольствием закусил вареным белым мясом гиппопотама, окунув его в неизменный перечный соус.

Трапеза шла своим чередом, негус изредка благосклонно поглядывал на русских гостей, кивал, улыбался. Поручик пытался уловить из тихих разговоров придворных какую-то полезную информацию, делясь ею с Гумилевым – так, он сообщил, что толстяка в накидке из львиной гривы зовут Джоти Такле, угрюмого человека с отрубленным ухом и ослепшим глазом, закрытым бельмом – Эйто Легессе, а сидящего рядом с негусом крепкого молодца с золотыми браслетами на руках – Бакабиль. Все они являлись фитаурари Менелика, то есть низшими генералами: очевидно, крупных чиновников и военных негус брать с собой в инспекционную поездку не стал. Курбанхаджимамедов поведал также, что «фитаурари» весьма прозрачно переводится как «вперед, грабить!».

Генералы, впрочем, никого не грабили: кушали, в меру пили тэдж, толстый Джоти Такле много смеялся и веселил негуса. Гумилев подозревал, что некоторые шутки касаются его с поручиком, потому что хохочущие абиссинцы то и дело поглядывали в их сторону.

Когда трапеза закончилась, негус поманил к себе пальцем Бакабиля и что-то прошептал на ухо. Фитаурари тотчас сделал знак остальным, и помещение почти мгновенно опустело – в нем остались только двое русских и Менелик.

– А теперь расскажите подробнее, что вы ищете в моей земле, – сказал негус, облокотившись на кучу разноцветных подушек. – Ты, военный человек, можешь молчать – ты друг моего друга Булатовича, и я знаю, зачем ты здесь. Но что ищешь ты, юноша, который слагает стихи?

– Я... Я хочу узнать больше о жизни твоих подданных, увидеть красоту твоей земли, негус негести, – почтительно сказал

Гумилев. – В России это многим интересно, а мне – особенно.

– Если ты приехал сюда издалека, проделав огромный путь, твой интерес, несомненно, велик, – согласился Менелик. – Если ты хочешь, я могу взять тебя с собой. А потом ты напишешь много красивых стихов о моей земле и моем народе.

– Я весьма польщен, негус негести, – отвечал Гумилев. – Но мне нужно подумать.

– Подумай. Это мудро, потому что никогда не следует принимать решение, не обдумав его. Завтра ты можешь сообщить мне, отправишься со мной или поедешь с другом Булатовича дальше. А сейчас давайте отдохнем, потому что я уже немолод и устал в дороге...

Негус что-то гортанно выкрикнул, и появились его слуги и солдаты. Поднявшись, Менелик учтиво поклонился и вышел, сопровождаемый челядью и охранниками, а поручик Курбанхаджимамедов заметил:

– Ябы на вашем месте согласился, юноша. Любой натуралист-исследователь счел бы за счастье присоединиться к свите императора. Вы можете увидеть многое, чего другим не покажут, и побывать там, куда других не пустят.

– Я не знаю, готов ли... Путешествие может слишком затянуться, – с сомнением сказал Гумилев.

– Тем не менее подумайте. А сейчас давайте и вправду отдохнем – к тому же нас ждет пышный ужин, так что не плохо бы немного прогуляться. Не угодно ли прокатиться верхом?

Однако от прогулки Гумилев отказался, потому что чувствовал тяжесть в желудке от непривычной пищи. Он немного почтит, лежа в тени, а после задремал и проснулся оттого, что кто-то негромко разговаривал поодаль. Это были Эйто Легессе и толстяк Джоти Такле; они яростно спорили, стараясь не повышать голоса. Заметив, что Гумилев проснулся и смотрит на них, Джоти Такле расплылся в при-

ветливой улыбке и закивал, а бельмастый коротко велел что-то толстяку и пошел прочь. Гумилев помахал в ответ рукой и отправился умываться – оказалось, что он проспал более четырех часов.

Вернулся Курбанхаджимамедов.

– Нам не очень-то доверяют, юноша, – поведал он. – За мной в отдалении следовали двое всадников из отряда негуса. Не мешали, но явно давали понять, что я под строгим присмотром.

– Это понятно – все же здесь гостит сам негус.

– Однако мне что-то не нравится... – задумчиво сказал погружник.

Ужин тем не менее прошел еще более помпезно, чем обед, и Гумилев отправился спать с переполненным желудком и тяжелой от коварного тэджа головой. Укладываясь спать, он беспрестанно рассуждал о предложении Менелика и почти уже решил, что отправится с негусом. Заключив, что утром вечера мудренее, Гумилев уснул.

Спал Николай беспокойно – ему снилась то пыльная буря, забросавшая его песком с головою так, что нечем было дышать, то дельфины, выпрыгивающие из воды и с отвратительным хрюканьем пытающиеся схватить его своими зубастыми рыхлами, то трехпалый карлик-урод из кофейни в Джибути...

Проснулся Гумилев совершенно разбитым и обнаружил, что лишь недавно минула полночь. Но спать не хотелось; поверочавшись, Гумилев решил, что небольшой мокцион в ночной прохладе ему не помешает, и вышел во двор.

Деревня спала. Где-то за ее окраинами выл со всхлипами неведомый зверь, высоко в небе сияли звезды, такие непривычные и чужие. Было совершенно темно, передвигаться приходилось едва не ощупью, только у входа в домик, где спал Менелик, стояли два светильника, а подле них – охранники с копьями и мечами.

Гумилев зевнул – как известно, чтобы вернуть сон, нужно немного замерзнуть... Он уже повернулся было, чтобы вернуться к своему ложу, как во дворе появился бельмастый фитаураги Эйто Легессе. Вероятно, бдительный военачальник проверял посты. Охранники тут же подобрались, а фитаураги подошел к ним ближе, что-то тихо сказал одному, затем второму.

Того, что случилось потом, Гумилев никак не мог ожидать. Эйто Легессе неуловимым движением вынул из-под своей леопардовой накидки кинжал и ударил им в горло охранника. Тот выронил копье и рухнул на землю, едва не перевернув светильник. Второй смотрел на происходящее, выпучив глаза, и тут же последовал вслед за первым.

Оглянувшись по сторонам, Эйто Легессе быстрым скользящим шагом направился прямо к Гумилеву. Поэт зашарил по стене у себя за спиной, пытаясь вжаться в нее и остаться незамеченным и – о, счастье! – нашупал нишу, в которую тут же юркнул и затих там, как мышь. Фитаураги прошел мимо, не выпуская из рук кинжала, и скрылся в доме.

Гумилев перевел дух и неосознанным движением погладил скорпиона, который так и лежал в кармане. Потом на цыпочках выбрался из своего укрытия, пересек двор и подошел к мертвым охранникам. Нужно было взять револьвер, подумал он, но туда ведь пошел бельмастый... А если он хочет убить поручика?!

Но возвращаться Гумилев не решился. Вздохнув, он перекрестился и вошел в покой негуса.

Там горели свечи и пахло благовониями; сам Менелик спал, раскинув руки, но тут же открыл глаза, хотя Гумилев старался двигаться бесшумно, сел и воскликнул:

– Кто здесь?

Неизвестно откуда в руке у него появился небольшой браунинг – вероятно, негус хранил его под подушками.

– Это я, русский, слагающий стихи, – прошептал Гумилев, прижимая палец к губам. – Я не желаю тебе зла, негус негести!

– Что ты здесь делаешь, русский?! – прошептал в ответ негус. – И как тебя пропустили мои охранники?!

– Твои охранники мертвы, негус негести. Их убил твой человек, Эйто Легессе.

– Что ты говоришь, русский?! – возмутился Менелик.

– Выйди и посмотри.

Негус осторожно встал, обошел Гумилева, не опуская пистолета, и на мгновение выглянул наружу.

– Их мог убить и ты, – сказал он неуверенно.

– Но почему тогда я не убил тебя?

– Я проснулся. У меня оружие. К тому же зачем Эйто Легессе станет убивать своих солдат?

– А зачем их убивать мне?

Негус помолчал, хмуря брови. Гумилев ждал.

– Сейчас мне должны принести лекарство, – сказал на конец Менелик. – Я принимаю его в определенное время, несколько раз, ночью и днем. Меня пытались отравить, и мой лекарь, еврей Иче-Меэр, велел принимать лечебные настои, которые готовит сам... Сядь вот туда, – негус показал стволом пистолета на темный угол помещения, – и накройся холстом. Жди.

Гумилев послушно сделал то, что его просили. Теперь он ничего не видел и мог ориентироваться лишь по слуху. Конечно, Менелик мог его попросту убить или отдать страже, но Гумилев почему-то верил негусу.

Через минуту или две – время тянулось медленно, словно патока, – кто-то вошел. Судя по одышливому голосу, это был тучный человек, видимо, Джоти Такле. Он долго и виновато что-то объяснял Менелику, негус отвечал, потом толстяк, шаркая, покинул спальню.

— Выходи, русский человек, — велел Менелик.

Гумилев откинул в сторону душную холстину и выбрался из угла. Негус, уже без пистолета, указал на серебряный кувшинчик с горлышком, замотанным тряпицей.

— Это лекарство. Его принес не мой лекарь Иче-Меэр, а Джоти Такле. Он сказал, что лекарь поскользнулся и вывихнул ногу, а потому не мог прийти сам.

Гумилев молчал, выжидая.

— Я сказал, что приму лекарство. Когда Джоти Такле ушел, я выглянул наружу — мертвые так и лежат. Почему Джоти Такле не заметил этого?

— Потому что он заодно с Эйто Легессе.

— Да, русский человек. А вместо лекарства в кувшинчике — яд. Они снова хотят отравить меня. Это выгодно им, потому что выгодно итальянцам, французам и англичанам. У меня мало друзей...

Негус тяжело вздохнул.

— Что же, давай мы сделаем так, как они хотят. Джоти Такле вот-вот вернется, чтобы проверить, подействовал ли яд. Я притворюсь мертвым, а ты иди прочь отсюда, и сам поймешь, что нужно сделать. Они хитры, но я хитрее. Солдат они убили, чтобы те не заподозрили неладное — почему, например, лекарство в ночи принес Джоти Такле, а не лекарь... Это были верные мне люди. Но таких еще много приехало со мною, тот же Бакабиль...

Негус развязал шелковую тряпицу на горлышке кувшинчика и выплеснул часть содержимого в угол, где только что прятался Гумилев.

— Иди, русский, и будь осторожен, — сказал Менелик. — Да поможет нам Мариам. Да помогут нам Георгис, Микаэль и Габриель. Поторопись, пока не вернулся Джоти Такле. И имей в виду — они могут попробовать обвинить вас. Уверен, Эйто Легессе подбросит окровавленное оружие вам или вашему

спутнику... Дружба моей страны с Россией не нужна ни французам, ни итальянцам.

Гумилев поклонился и вышел из опочивальни. Трупы охранников все так же лежали у входа; он быстро пробежал через двор, освещенный колеблющимся пламенем светильников, и направился к себе, но не успел сделать несколько шагов, как навстречу ему выступил Эйто Легессе, сверкая перламутровым бельмом.

– Теперь ты умрешь, – прошипел фитауари на скверном французском языке, вытаскивая саблю.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Заговор и бегство

Наш царь – Мукден, наш царь – Цусима,
Наш царь – кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму – темно.
Наш царь – убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь – висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.
Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждет.
Кто начал царствовать – Ходынкой,
Тот кончит – встав на эшафот.

Константин Бальмонт

Император Николай Второй, удобно сидя на диванчике, читал газету «Русское слово».

«СОФИЯ. Разрешение сербско-австрийского кризиса вызывает здесь общее удовлетворение. Считают устраниенным серьезное препятствие к улажению болгарского вопроса. Славянские чувства выражаются слабо. Поражение Сербии считают поражением России. Опасаются ослабления ее престижа.

Отголоски в Петербурге

Мнение В. А. Маклакова

Признание Россией аннексии является Цусимой для иностранной политики России. Формально потерпела поражение маленькая Сербия, но удар пришелся не по ней, а по России. Дипломатическая катастрофа является разгромом нашего морального влияния. С нашей катастрофой неразрывно связано

усиление германализма на Балканском полуострове. Наша дипломатия не сумела помешать соглашению Австрии с Турцией, и государственная власть обнаружила свое бессилие, а руководители ее в дипломатической области проявили трусость. Последствием этого является дальнейший рост требований наших соседей по адресу России и настойчивое их стремлении осуществить все свои желания, несмотря на наши протесты и сопротивление. Нужно надеяться, что пройдет несколько лет, мощь России оправится, и захват германизмом влияния на Балканах не будет вечен. Причиной дипломатического поражения я считаю нашу внутреннюю политику. Нельзя воевать на два фронта. Если бы кабинет был занят более вопросами внешней опасности, чем борьбой с внутренней, он чувствовал бы себя сильнее и спокойнее. У правительства были бы развязаны руки, и мы не пережили бы того, что пережили».

Адвокат и кадет, депутат Государственной Думы двух последних созывов, Маклаков был масоном. Царь знал, что Маклаков возведен в Париже в восемнадцатую масонскую степень, а в России является членом розенкрейцерского капитула восемнадцатого градуса «Астрея», членом-основателем и первым надзирателем московской ложи «Возрождение» а также оратором петербургской ложи «Полярная звезда».

Масонов Николай не любил, потому что боялся. Более всего боялся потому, что масоны были везде. Впрочем, он точно так же не любил и боялся кадетов, социал-демократов, эсеров, трудовиков, октябристов и народных социалистов. У императора болела голова, он часто пил и находил утешение только в разговорах с Аликс, своей супругой...

Взяв перо, Николай рассеянно принял уснащать поля газетного листа любимыми значками Аликс под названием swastika. В глазах Ее Величества swastika представляла собой не амулет, а некий символ – по ее словам, древние считали свастику источником движения, эмблемой божественного начала.

Николай никакого божественного начала в кривоногом паучке не видел, но рисовать ему нравилось. Под пером вырастали перепутанные частоколы, которые словно ограждали императора от лезущих с газетного листа новостей. Маклаков, Сербия, Балканы... После революции девятьсот пятого года Николай ждал неприятностей со всех сторон – и изнутри, и снаружи. Добрый Григорий¹ успокаивал, предостерегал, давал советы, но даже он не мог снять жуткие головные боли и избавить императора от видений. Проклятый японец не то монгол чудился ему в толпе людей на улице, среди нищих у храма... Николай хотел даже велеть генерал-губернатору выставить всех узкоглазых из столицы, невизирая, монгол он, китаец или туркменец, но не решился – газетчики ведь распишут, что царь совсем с ума, дескать, сошел...

Он поделился своими страхами с Григорием, тот велел читать на ночь молитву против демонских козней и молитву всем чинам ангельским, но не помогало. Да и демон ли был чертов монгол? То-то что не демон, человек. А человек, известно, страшнее любого демона...

Нарисовав еще один рядок «эмблем божественного начала», Николай вспомнил, как в 1905 году щелкопер Николай Лейкин в своем дрянном журнальчике «Осколки» напечатал свой же дрянной рассказ «Случай в Киото». Рассказ вроде бы смешной – дубина японский полицейский ждет распоряжений начальства, в то время как в реке тонет маленький ребенок. Правда, на японца полицейский не очень-то смахивал – свисток, усы... Однако Лейкину удалось обойти цензуру и выдать рассказ за сатиру на японские порядки, тем более историческую фигуру «японского городового» Цуда Сандзо использовали до того не раз. Однако потом цензоры задумались – Николай читал доклад одного из них, по фамилии Святковский: «Статья эта принадлежит к числу тех, в которых описываются уродливые

¹ Имеется в виду Григорий Распутин; «добрый Григорием» Николай II обыкновенно называл его в своих дневниковых записях и разговорах с супругой.

общественные формы, являющиеся вследствие усиленного наблюдения полиции. По резкости преувеличения вреда от такого наблюдения статья не может быть дозволена». Комитет определил «Статью к напечатанию не дозволять». И слава богу; да и Лейкин, гадина, через год назло помер. Но «японский городовой» прижился, и каждое упоминание этого словосочетания бесило и пугало государя.

Не выходило из головы и странное, страшноватое пророчество японского отшельника. Царь помнил его практически дословно, да и как тут не помнить: «Два венца суждены тебе: земной и небесный. Играют самоцветные камни на короне твоей, но слава мира проходит, и померкнут камни на земном венце, сияние же венца небесного пребудет вовеки. Великие скорби и потрясения ждут тебя и страну твою. На краю бездны цветут красивые цветы, но яд их тлетворен: дети рвутся к цветам и падают в бездну, если не слушают отца. Все будут против тебя... Ты принесешь жертву за весь свой народ, как искупитель за его безрассудства...»

– Тыфу ты, пропасть, – сказал громко Николай. – Напиться, что ли... Нажраться, как последний мужик, и помереть...

* * *

... – Теперь ты умрешь!

Эйто Легессе оскалил желтые редкие зубы и взмахнул своим оружием. Он, видимо, хотел рассечь грудь противника, но Гумилев успел отшатнуться. Острейшее лезвие сабли тем не менее достало его, но наткнулось на фигурку скорпиона, лежавшую в нагрудном кармане. Дальнейшее оказалось совершенно неожиданным и для Гумилева, и для нападавшего. Соприкоснувшись с фигуркой, сабля сломалась ровно посередине, и обломок с рукоятью Эйто Легессе с воплем выронил из руки, как если бы его ударил электрический ток.

Гумилев, не в силах удержать равновесие, упал на спину. Шаря вокруг себя и пытаясь подняться, пока абиссинец с проклятиями скакал вокруг, Николай нащупал тонкое копье. Он не знал, откуда оно могло здесь взяться, да и времени не было задумываться. Подхватив неудобное, незнакомое оружие, Гумилев выставил его перед собою и неуклюже поднялся.

Ругаясь по-своему, фитаураги отступил немного назад. Утратив саблю, он озирался в поисках какого-то иного оружия, а Гумилев, пользуясь растерянностью соперника, сделал выпад. Начинающим игрокам частенько везет в карты или на рулетке, повезло и Гумилеву: острый конец копья воткнулся в грудь Эйто Легессе, вошел на два-три вершка, брызнула кровь. Фитаураги ахнул, схватился за древко, пытаясь вытащить оружие, но Гумилев не уступал. Он понимал, что опытный воин, сумев освободиться, убьет его голыми руками за считанные секунды. Поэтому он давил на копье, стараясь воткнуть его поглубже. Внезапно Эйто Легессе опустил руки, изо рта хлынула кровь, он задергался и медленно опустился на колени. Перепуганный Гумилев несколько мгновений продолжал держать его, словно рыбу на остроге, потом отпустил копье. Абиссинец все так же медленно повалился на спину и больше не двигался, застыв в странной позе – то ли лежа, то ли стоя на коленях. Копье торчало вверх, как кол над могилой вурдалака.

Руки Гумилева тряслись крупной дрожью. Он огляделся – во дворе никого, только трупы часовых все так же лежат у дверей. Схватив фитаураги за руки, он поволок его внутрь и спиной врезался в кого-то, громко охнувшего.

– Вы, никак, мертвеца тащите, юноша?! – изумился поручик Курбанхаджимамедов.

– Вы живы?! – обрадовался Гумилев.

– Я-то жив, а вот вы зачем прикончили этого несчастного?!

Боже, да ведь это генерал Эйто Легессе! Что теперь будет?! Вы идиот, юноша!

– Успокойтесь, поручик! – жестко оборвал его Гумилев и вкратце изложил случившееся. Поручик качал головой, после чего заметил:

– Искренне польщен знакомством с вами, юноша. Однако меня и в самом деле мог убить этот мерзавец.

– Что поделать, я должен был поговорить с негусом.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – заключил Курбанхаджимамедов, помогая укрыть тело фитауари под ворохом какого-то тряпья. Им же он подтер кровавую лужу, подобрал обломки сабли и поразился:

– Чем это вы ее? Такая отличная сталь...

– После, все после... Смотрите, а вот и второй заговорщик!

Спрятавшись за углом, они наблюдали, как тучный Джоти Такле в сопровождении четырех солдат подходит к домику негуса, делает вид, что искренне поражен зрелищем трупов, входит ненадолго внутрь, после чего высекивает и вопит, залямывая пухлые руки:

– Горе нам, горе! Негус негести умер! Не подлый ли Бонти-Чоле отравил его?! Нельзя доверять галласам! Зовите людей, скорее!

– Старик негус, судя по всему, неплохой актер, – шепотом заметил Курбанхаджимамедов и перевел Гумилеву то, что кричал толстяк.

Двор осветился многочисленными факелами. Откуда-то притащили старого Бонти-Чоле, не понимающего, что происходит – возле него встали двое офицеров с обнаженными саблями. Толстяк тем временем продолжал причитать:

– Посмотрите, посмотрите, люди: негус негести умер! О, Мариам! О, Микаэль и Габриэль! Его отравил Бонти-Чоле и гости с севера, они, верно, убили и часовых! Идите, проверьте, здесь ли они?!

– Прячемся! – поручик толкнул Гумилева локтем. Они поспешили внутрь и забились в какой-то огромный ларь, но, похоже, никто русских особенно искать и не собирался – прошлепав мимо, посланные толстым генералом солдаты тут же вернулись, крича:

– Вот нож! На нем кровь! Этим ножом русские убили негуса и сбежали!

– Вот негодяи, – буркнул Курбанхаджимамедов. – Подкинули нам нож.

– Хорошо хоть не убили, – сказал Гумилев. – Пока вы там спали...

Прикинув, что искать их здесь второй раз уже не будут, и выбравшись из ларя, Гумилев вернулся на свой наблюдательный пункт, а поручик сбегал к их постелям и вернулся крайне довольный.

– Они не только негодяи, они еще и идиоты, – Курбанхаджимамедов протягивал Гумилеву его «веблей». – Оставили оружие и вещи. Видимо, им велено было найти нож и скорее бежать обратно. Да и лапу на наш скарб, поди, наложить собирается вот этот толстый. Интересно, а где наш добрый проводник Нур Хасан?

– Теперь уж точно удрал без памяти. А вот оружие придется весьма кстати, – сказал Гумилев. – Представление-то подходит к кульминации. Переводите, пожалуйста, о чем они там.

Во двор уже согнали всех домочадцев Бонти-Чоле, а толстяк продолжал сотрясать воздух, размазывая по пухлым мордасам притворные слезы. То и дело он осматривал собравшихся – вероятно, искал бельмистого фитаураги и недоумевал, куда же он делся. Сценарий не складывался, и Гумилев в душе ехидно посмеивался над заговорщиками, попавшими впросак.

В тот момент, когда Джоти Такле заорал особенно громко, из двери у него за спиной выступил Менелик.

– Я не умер, – сказал он властным голосом. Гумилев понял это, даже не зная языка.

Все замерли, наступила мертвая тишина. Джоти Такле глотал широким ртом воздух.

– Негус негести воскрес! – закричал он неожиданно. Крик радостно подхватили остальные, включая домочадцев галласса и самого Бонти-Чоле, но Менелик поднял руку, призывая к спокойствию, и спокойно заговорил.

– Переводите же!!! – сердито толкнул Гумилев поручика. Тот обиженно покосился, но стал переводить.

– Чтобы воскреснуть, человек сначала должен умереть, – говорил Менелик. – Я же не умирал, хотя именно этого желали мои враги. У меня много врагов, и я часто нахожу их совсем рядом с собой. Вот и сейчас один стоит так близко, что я могу дотронуться до него рукой.

С этими словами он положил ладонь на плечо Джоти Такле. Толстяк аж присел, а Менелик продолжал:

– Фитаурари Джоти Такле хотел отравить меня. Фитаурари Эйто Легессе убил моих верных людей, охранявших вход. Я уверен, что и мой лекарь Иче-Меэр тоже мертв. Бакабиль, проверь, так ли это.

Мускулистый генерал с золотыми браслетами сорвался с места и исчез среди хижин. Остальные молчали, не двигаясь, и ждали, только жирный Джоти Такле что-то бормотал себе под нос, придавленный к земле тяжестью ладони негуса. Бакабиль вернулся очень быстро и объявил:

– Лекарь мертв! Кто-то свернул ему шею.

– Это сделали русские! – пискнул в последней надежде толстяк-фитаурари.

– Выйдите, друзья мои! – громко сказал Менелик.

Гумилев и Курбанхаджимамедов вышли на середину двора, протиснувшись меж столпившихся солдат негуса. Они стояли в свете факелов, с пистолетами в опущенных руках.

– Русские спасли меня. Тот, что сочиняет стихи, пришел и предупредил, увидев, как Эйто Легессе убил часовых. Потом Джоти Такле принес мне отраву, но я не стал ее пить, притворившись мертвым. Он посмотрел и поверил, что я умер. Дурак, он даже не ткнул меня ножом, чтобы убедиться.

По круглому лицу фитауари катились крупные капли пота, глаза были выпучены, словно его вот-вот хватит удар. Менелик толкнул его вперед, толстяк упал на колени и пополз, но уткнулся в строй солдат.

– А где второй заговорщик, Эйто Легессе? – спросил Бонти-Чоле.

– Я его убил, – признался Гумилев по-французски. – Он напал на меня, когда я возвращался в спальню.

По рядам прошел изумленный шепот. Видимо, солдаты хорошо знали способности своего военачальника – пусть теперь уже бывшего – и удивлялись, как юноша мог победить его.

– Как ты убил этого шакала? – спросил негус.

– Я проткнул его копьем.

Кто-то громко ахнул, остальные зашумели.

– Верно, твою руку направляли силы небес, – сказал Менелик. – Я не знаю человека, который мог бы победить Эйто Легессе в схватке с копьем.

Гумилев растерянно развел руками.

– Подойди ко мне, друг, – велел Менелик. Гумилев подошел к негусу, и тот сказал, приложив руку к сердцу:

– Ты спас меня. Это будет тайной для нас и для всех, потому что истинные друзья не должны хвастаться такими вещами. Никто из тех, кто стоит здесь, не расскажет о случившемся, и никто больше не вспомнит имен предателей. Но знай: ты теперь мне как сын и больше чем сын.

Негус обнял Гумилева. От его крепкого тела пахло мускусом, благовониями и застарелым потом. Поднялся радостный крик, и никто не заметил, как скорчившийся на земле Джоти

Такле расправился с быстротой молнии, так же быстро выхватил из-за пояса у ближайшего солдата большой старинный револьвер и выстрелил.

Гумилев, словно чувствуя это, успел повернуться. Одиннадцатимиллиметровая пуля ударила его прямо в грудь.

* * *

– А вот еще, извольте: некий Джамбалдорж. Монгол, если не врет. Член РСДРП, ездил в Выборг к Ульянову-Ленину, а значит, вхож в самые верхи, – сказал полковник жандармского корпуса Илличевский, бросая на стол папку.

Ротмистр Рождественский раскрыл ее и скривился:

– Ну и рожа... Покойный генерал-адъютант Драгомиров верно таких макаками называл.

– Да уж... Война макаков с кое-каками², – невесело улыбнулся Илличевский. – Однако доносят, что человек преопаснейший.

– Все они там преопаснейшие, Иннокентий Львович. Мне в девятьсот пятом один такой «бульдогом» в харю, простите, тыкал. «И вы, мундиры голубые...»

– А вы что же?

– Ничего. Потому и живой. Я его потом изловил, не составило большого труда. Гуманностью, знаете ли, не обременен.

Ротмистр пролистал папку дальше, захлопнул ее и сказал:

– Что ж, означенного Джамбалдоржа можно к ногтю-с.

– Имейте в виду – фигурант вхож к Бадмаеву, – предостерег полковник.

– Ну вот, – расстроился Рождественский. – Вечно вы так, Иннокентий Львович... Сначала «преопаснейший», я, понимаете ли, с рвением, а тут – Бадмаев. В итоге нажалуется этот друг

² «Война макаков с кое-каками» – известное высказывание генерала М. И. Драгомирова о Русско-японской войне.

степей Бадмаеву, Бадмаев – Гришке Распутину, святой старец – сами знаете кому, и мне по шапке.

– Друг степей – это все-таки калмык, Сергей Петрович.

– А не тунгус разве? М-да, не помню уже... Да и один черт – дикое племя. Пас бы своих кобыл, пил кумыс, что его в политику понесло? Надо в самом деле осторожно покопать, откуда взялся, да и монгол ли вообще...

– Так и займитесь, Сергей Петрович.

Ротмистр Рождественский покачал головой и снова открыл папку.

– Ну и рожа, – пробормотал он. – Хорошо, Иннокентий Львович, непременно займусь. Не откладывая, так сказать, в долгий ящик.

* * *

Сверчок завибрировал. Случилось это в не очень подходящий момент: Цуда маялся расстройством желудка и сидел сейчас в нужнике, вспоминая притчу о том, как во время падения замка Аrima, на двадцать восьмой день осады, в окрестности внутренней цитадели на дамбе между полями сидел Мицусэ Гэнбэй. Накано Сигэтоси, проходя мимо, спросил у него, почему он сидит в этом месте.

Мицусэ ответил:

– У меня болит живот, и я не могу идти дальше. Я послал свою группу вперед, но она оказалась без предводителя. Пожалуйста, прими на себя командование.

Поскольку об этом рассказал посторонний наблюдатель, Мицусэ был признан трусом, и ему было велено совершить сэппуку.

В древности боль в животе называлась «зелье тщедушных», потому что она приходила внезапно и лишала человека возможности двигаться, заключала притча.

Разобравшись с «зельем тщедушных» и вернувшись в свою маленькую сырую комнатку, Цуда сжал сверчка в руках, так как почувствовал вибрацию на расстоянии. Он не мог понять, что ему делать, пока не услыхал в коридоре:

– Монгол тут у вас проживает... Жамбал-жорж фамилия...

С хозяином дома разговаривал плотный городовой, с шашкой-«селедкой» на поясе. По счастью, хозяин был глухим, как дерево, и у японца выходила за счет этого небольшая форы. Цуда быстро собрал с полки нехитрые вещи, пбросал их в саквояж, сунул в карман сверчка, накинул пальто и, отворив окно, с которого посыпалась замазка, выбрался наружу. Этаж был второй, спуститься вниз оказалось несложно, и Цуда, мягко спрыгнув на мостовую, побежал прочь.

Выскочив в проулок, он сразу же наткнулся на еще одного городового, совсем молодого, с конопатой физиономией.

– Ты куда?! – вскричал городовой. – А ну стоять!

– Мало-мало пугалася, – забормотал Цуда, шаря в кармане пальто. – Не ругайса, генерала!

Городовой приосанился и сделал шаг навстречу.

– Китаец, что ли?

– Китайса, китайса, моя бедная китайса, – продолжал бормотать Цуда. В кармане пальто была проделана специальная дыра, чтобы вытащить кинжал, прикрепленный за подкладкой.

– Бумаги какие есть с собой?

Цуда закивал, молниеносно выхватил кинжал сквозь дыру и удариł городового в печень. Тонкий острый клинок легко пробил шинель, мундир, исподнее; Цуда ударили еще и еще раз. Городовой схватился за бок и удивленно спросил:

– Ты что это, брат?!

Потом громко икнул и упал навзничь уже мертвым. Цуда вздохнул, отбросил ненужный более кинжал в сторону и пошел прочь.

Через полтора часа он уже ехал в самом дешевом вагоне поезда, шедшего к западной границе. В кармане лежал заранее запасенный паспорт на имя калмыка Илюмжина Очирова, а собирался Цуда в Германию.

* * *

...Николай Гумилев почувствовал сильный удар в грудь, который отшвырнул его на Менелика. Негус поймал юношу и удержал его своими сильными руками. Солдаты-ашкеры тем временем бросились к жирному фитауари и схватили его, выбив револьвер и собираясь прикончить копьями, но Бакабиль протестующе закричал.

Гумилев судорожно пытался вдохнуть. Он ощупывал грудь руками и не мог понять, почему он до сих пор жив и почему у него не идет кровь. Не менее удивлены были поручик Курбанхаджимамедов и негус.

– Вы, юноша, не перестаете меня удивлять, – бормотал поручик. – Приедем в Петербург – непременно к Кюба! Непременно! Познакомлю вас с интереснейшими людьми... и дамы, знаете ли, будут впечатлены...

– Ты мне вдвое как сын, – говорил негус прочноувнованно, качая головой. – Это ли не чудо?! Снова ты спас меня, русский... Ты послан мне свыше, не иначе. Не может быть, чтобы такие вещи происходили случайно!

Гумилев не стал говорить, что Джоти Такле скорее целился именно в него, нежели в Менелика. Да он и говорить-то не мог – лишь хватал воздух ртом, как вытащенная на берег рыба. Курбанхаджимамедов продолжал осматривать рану Гумилева, но не нашел ее, зато обнаружил металлического скорпиона.

– Вот что вас спасло! – заявил он. – Пуля угодила в статуэтку и срикошетила. Поди ж ты, даже отметины не осталось...

Негус осторожно взял у поручика фигурку скорпиона и покрутил в руках, поспешил вернуть и спросил Гумилева:

– Где ты взял эту вещь?

– Это подарок... Подарок от человека, которого я случайно спас в Джибути от грабителей... – сумел выдавить из себя Гумилев.

– Это очень странный подарок, – покачал головой Менелик. – Я даже не знаю, добром или злом отплатил тебе спасенный... Впрочем, со временем ты сам это поймешь.

Гумилев с неожиданной для себя поспешностью выхватил у поручика фигурку и сжал в кулаке. При этом он сильно укололся, но продолжал сжимать ее, чувствуя, как кулак наполняется горячей кровью. Скорпион словно бы пульсировал в ней, но от странного ощущения Гумилева отвлек негус. Он велел принести из своей спальни кувшинчик с остатками яда и подал его толстому фитаурари.

– Пей, – велел он властным голосом. – Эйто Легессе погиб, как воин, в бою. Ты недостоин такого, ты пытался отравить меня тайно. Потому – пей. Пусть люди видят, что бывает с теми, кто хочет обмануть негуса негести.

Джоти Такле обвел толпу умоляющим взглядом, потом глубоко вдохнул и принял кувшинчик. Приосанившись, он осушил его одним глотком, тут же схватился за горло и упал. Агония была короткой, на толстых губах выступила розовая пена, глаза закатились...

– Мои враги милосердны, – кивнул негус удовлетворенно. – Вижу, что я бы умер от этого яда быстро.

Потом он повернулся к Гумилеву и сказал с большим сожалением:

– Я не могу взять тебя с собой, хотя и дважды обязан тебе жизнью. Не буду объяснять почему – ты и сам понял. Отправляйся домой, тебе уже есть о чем складывать стихи.

Тяжело ступая, Менелик ушел в свою опочивальню. Курбан-

хаджимамедов помог Гумилеву подняться и повел его в комнату, где уложил в постель и напоил своим излюбленным шустовским – судя по всему, запасы коньяка у поручика имелись солидные.

– Раз уж негус велел вам ехать домой – возвращайтесь, – сказал он, – а я двинусь далее, к Булатовичу. Когда вернусь в Россию, непременно вас отыщу. И разожмите наконец кулак – эта штука острая, еще поранитесь.

«Я уже поранился», – хотел было сказать Гумилев, но когда разжал кулак, то увидел, что крови на нем нет. Зато металлическая фигурка скорпиона теперь поблескивала в огнях светильников красным, кровавым отблеском.

– Кстати, эти чертовы факелы все так меняют... Мне только что показалось, что у вас, юноша, глаза стали разного цвета – совсем как у той красотки в меблированных комнатах, – сказал поручик.

Гумилев ничего ему не ответил.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Путешествие из Петербурга в Харар

Чем ближе к экватору, тем сильнее тоска. В Абиссинии я выходил ночью из палатки, садился на песок, вспоминал Царское, Петербург, северное небо, и мне становилось страшно, вдруг я умру здесь от лихорадки и никогда больше всего этого не увижу.

Николай Гумилев

- А часто ли вам встречались львы?
- А гиены в самом деле весьма опасны?
- А что вы делали, когда на вас нападали абиссинские дикари?

Вопросы сыпались на Гумилева, словно из рога изобилия. Это был декабрь 1912 года, а сидел Николай Гумилев в помещении Петербургского университета, и собравшиеся донимали его вопросами, будучи наслышаны об африканских путешествиях.

– Львы в Абиссинии вовсе не бродят по улицам, как почему-то принято думать, – терпеливо и устало объяснял Гумилев. – Чтобы увидеть льва, его нужно искать неделями, поехав в отдаленные провинции. Что касаемо гиен, то они весьма трусливы, едят в основном падаль, и если вдруг решатся напасть на крупное животное, то разве что с большого голода и собравшись в стаю. Людей они и подавно не трогают, боятся оружия.

– А дикари, дикари?! Что же дикари?! – напомнил всклокоченный студент, видимо, обучившийся лишку статей про путешествия Стенли и Ливингстона.

– Дикарей как таковых в Абиссинии довольно мало, потому что все племена живут цивилизованно, как и подобает при-

личным людям, соблюдают все существующие законы, а возникшие споры стараются решать судебным порядком. А уж чтобы напасть на проезжающих путников – этого им и во сне не приснится.

Всклокоченный неприлично фыркнул. Видимо, из беллетристики он знал о нравах и обычаях абиссинцев значительно больше, нежели Гумилев, неоднократно разделявший с ними трапезу и спавший под одним одеялом.

Ответы явно не устраивали и остальных собравшихся, и Гумилев печально подумал, что разрушать легенды значительно труднее, чем их создавать.

За минувшие с последней гумилевской экспедиции в Африку годы произошло множество событий – великих и незаметных, забавных и печальных. К главнейшим из них, несомненно, следовало отнести смерть отца и скорую после того – что делать, коли так вышло – женитьбу на Ане Горенко. Разумеется, про Фатин он ей ничего не рассказал...

После свадьбы молодые уехали в Париж, а осенью того же 1910 года, устав терпеть многочисленные обиды со стороны Анечки, или Аники, как он ее теперь называл, Гумилев предпринял новое путешествие в Африку, побывав на этот раз в самых малодоступных местах Абиссинии. И в тот же год, столь богатый на разное, вышла третья книга стихов Гумилева, наконец-то принесшая ему широкую известность – «Жемчуга».

А совсем недавно родился сын Левушка.

Гумилев часто думал над этим рождением новой жизни, в котором он принял самое непосредственное участие, и признавался себе, что не понимает до сих пор, что с этим делать.

Он любил сына – просто не знал, как его любить. К тому же его жена, Аника, начинала казаться ему чужой. Слишком чужой с ее монашески строгим лицом, серыми неулыбчивыми

глазами, со стихами, которые он ценил, но которые давно уже были явно не о нем и вдохновлены не им...

Ахматова чаще молчала, чем говорила, и к сыну относились ровно так же, как к мужу – почти никак. Может быть, именно поэтому Гумилев стал уделять еще больше внимания творчеству и внутрилитературным интригам и скандалам. Хотя и здесь не обошлось без Ахматовой: именно она вместе с Гумилевым, Мандельштамом, Городецким, Зенкевичем и Нарбутом числилась в основателях нового и весьма спорного литературного течения под названием «акмеизм».

...Его вывел из задумчивости бархатный голос профессора Жебелева, поинтересовавшегося:

– А что бы вам, батенька, не пойти с рассказом о своем путешествии в Академию наук? Я готов оказать содействие. Возможно, вам и денег на очередную экспедицию выделят, и с организацией помогут... Не так уж много, знаете ли, желающих. А у вас уже и опыт, и связи кое-какие.

Гумилев сразу же представил себе громадное белое здание с внутренними дворами, лестницами, переулками, целую крепость, охраняющую официальную науку от внешнего мира. Служители с галунами допытываются, кого именно он хочет видеть, а окончательным ответом становится то, что Академия не интересуется частными работами.

– Разве у Академии мало своих исследователей? – нерешительно спросил Гумилев. – Не дадут ли мне от ворот поворот?

– Сразу видно господина литератора, – заулыбался профессор. – Литераторы от века привыкли смотреть на академиков, как на своих исконных врагов. Погодите, чтобы вы не беспокоились, я вам напишу рекомендательное письмо...

С означенным рекомендательным письмом в руках Гумилев и оказался в приемной одного из вершителей академических судеб.

* * *

С тех пор прошло еще пять месяцев. За это время Гумилев если и не сделался в Академии своим, то как минимум обнаружил там множество единомышленников. Ученые были народ необычный в своих увлечениях, но чрезвычайно привлекательный, доброжелательный и благосклонный.

Однако не все, что было задумано, удавалось. Мечта Гумилева пройти с юга на север опасную Данакильскую пустыню, лежащую между Абиссинией и Красным морем, исследовать нижнее течение реки Гаваша и навестить обитавшие там неизвестные и загадочные племена оказалась несбыточной: маршрут не был принят Академией. Предложение Гумилева академики сочли чересчур дорогим. Он примирился с отказом и представил другой маршрут, принятый после некоторых обсуждений Музеем антропологии и этнографии при императорской Академии наук.

Теперь Гумилев со своей экспедицией должен был отправиться в порт Джибути в Баб-эль-Мандебском проливе, оттуда двинуться по железной дороге к Харару, а потом – своим ходом – на юг в область, лежащую между Сомалийским полуостровом и озерами Рудольфа и Маргариты.

Он планировал охватить максимальный район для исследований, делать фотографические снимки, собирать этнографические и зоологические коллекции, записывать народные песни и легенды – в общем, устроить самую настоящую экспедицию, а не частное путешествие.

Впрочем, экспедицией называть гумилевское предприятие было слишком громко – с собою он взял только девятнадцатилетнего Коленъку Сверчкова, своего родственника, который недавно как раз окончил Царскосельскую Николаевскую гимназию – ту самую, где когда-то учился и сам Гумилев. С Коленъкой они всегда дружили, и родичи смеялись,

что «Коля маленький» – словно адъютант при «Коле большом». Куда ж было без него и в Африку?

Приготовления к путешествию обернулись месяцем упорного труда. Надо было достать палатку, ружья, седла, выюки, удостоверения, рекомендательные письма и прочее. Соответственно Гумилев практически не мог уделять должного внимания семье – Ане и полугодовалому Левушке. Он так умаялся, что накануне отъезда весь день лежал в жару, говоря Сверчкову:

– Право, приготовления к путешествию труднее самого путешествия...

«Коля маленький» соглашался с ним, возясь со своим фотографическим аппаратом и волнуясь в глубине души, что дядюшка не выздоровеет и экспедицию, не дай бог, придется отложить.

Иногда Сверчков учил абиссинский, упорно повторяя:

– «Ато» – «господин»... «Гета» – тоже «господин»... «Аурарис» – «носорог»... «Гумаре» – «бегемот»... «Азо» – крокодил...

– Ой ю гут! – по-абиссински удивлялся Гумилев. – А как сказать «господин крокодил»?

– Ато азо, – с гордостью изрекал Коленъка, и оба смеялись.

...Добравшись поездом до Одессы, сутки они пробыли там, после чего вышли в море на пароходе Добровольного флота «Тамбов».

Дельфины дружными стаями мчались за пароходом, то обгоняя его, то отставая, и временами, как бы в безудержном припадке веселья, подскакивали, показывая лоснящиеся мокрые спины. Теперь Гумилев уже не испытывал к ним смешанного с боязнью отвращения, как во времена своего первого плавания. Все было забыто, жизнь разворачивалась в совершенно ином свете, хотя отношения с Анной – некогда столь желанные – могли бы складываться и лучше... А теперь он оставил ее воспитывать маленького сына, а сам отправился в путешествие, далекое и опасное.

А что, если он не вернется?

А что, если вернется, а его никто не ждет?!

Так думал Гумилев, глядя на ночное море. В руке он держал свой талисман – металлического скорпиона, с которым никогда не расставался и который никому, даже Анне, не показывал.

Взял он его и сходя на берег в Константинополе. Гумилев всегда любил этот город с его декоративной красотой Босфора, заливами, кишащими лодками, с которых веселые турки скалили зубы, с домами, лепящимися по прибрежным склонам, окруженными кипарисами и цветущей сиренью, с зубцами и башнями старинных крепостей. Даже солнце Константинополя было светлым и не жгучим.

Как только бросили якорь, Гумилев и Сверчков сели в турецкую лодочку и отправились на берег, не пренебрегая обычным в Босфоре удовольствием попасть в волну, оставляемую проходящим пароходом, и бешено покачаться в течение нескольких секунд.

В Галате, греческой части города, куда они пристали, царило обычное оживление. Но, как только они перешли широкий деревянный мост, переброшенный через Золотой Рог, и очутились в Стамбуле, то есть турецкой части, их тут же поразила необычная тишина и запустение. Многие магазины были заперты, кафе пусты, на улицах встречались почти исключительно старики и дети. Затем они прошли в Айя-Софию¹ – на окружающем ее тенистом дворе играли полууголые дети, а несколько оборванных и грязных дервишей, сидя у стены, были погружены в созерцание.

Против обыкновения, не было видно ни одного европейца. Гумилев откинул повешенную в дверях циновку, и они вошли

¹ Айя-София – греческое название Собора Святой Софии – Премудрости Божией, бывшего патриаршего православного собора; всемирно известный памятник византийского зодчества, символ «золотого века» Византии. Располагался в центре Константинополя рядом с императорским дворцом (в настоящее время это исторический центр Стамбула, район Султанахмет).

ли в прохладный, полутемный коридор, окружающий храм. Мрачный сторож надел на них кожаные туфли, чтобы ноги не осквернили святыни этого места.

Мягкие ковры заглушали шаги, на стенах еще видны были тени ангелов, кое-как замазанных вандалами-турками после захвата Константинополя. Откуда-то возник маленький седой турок в зеленой чалме. Долго и упорно бродил вокруг них – должно быть, следил, чтобы с посетителей не соскочили туфли, а потом вдруг бросился показывать зарубку на стене.

– Ее сделал своим мечом султан Магомет! – пояснил старишака с благоговением.

Коленька потрогал небольшую с виду зарубку и шепнул Гумилеву:

– Небось сам перочинным ножичком расковырял, а теперь выдумывает!

Гумилев хмыкнул.

Старишака же увлек их далее, размахивая руками и патетически восклицая:

– А вот – след руки султана Магомета, омоченной в крови!

След был трудноразличим и напоминал скорее пятно, которое оставляют после себя нерадивые маляры, если схватятся вдруг за покрашенное.

– А это – стена, куда вошел священник Святой Софии со святыми дарами, когда турки захватили город. Говорят, он и по сей день читает там молитвы, которые можно слышать, если приложить к стене ухо, – поведал старишака-турок и замер в ожидании, планируя, видимо, получить немного денег за разрешение приложить уши и послушать.

Коленька, однако, обошел стену по дуге, как если бы боялся, что оттуда вдруг выскочит священник со своими святыми дарами. Гумилев же мудро дал турку несколько монет, но лишь для того, чтобы тот отстал. Старишака не обиделся и тут же куда-то убрался в поисках новых жертв.

В Константинополе на «Тамбове» появился еще один пассажир, турецкий консул Мозар-бей, только что назначенный в Харап. Он оказался компанейским человеком, и Гумилев с Коленькой часто беседовали с ним о литературе и о политике. Со скучи они сочиняли наполеоновские проекты – предложить, например, турецкому правительству послать инструкторов на Сомалийский полуостров, чтобы устроить иррегулярное войско из тамошних мусульман, которое усмирит вечно бунтующих арабов Йемена, тем более что турки почти не переносят аравийской жары. Мозар-бей брался претворить эти проекты в жизнь, во что все трое, конечно же, не верили.

Времени для прожектерства хватало: в Константинополе была холера, и по прибытии в Порт-Саид пассажирам строго-настрого запретили сходить на берег. Поэтому, получив прорвию, «Тамбов» двинулся в Суэцкий канал, а там бросил якорь перед Джиддой. Но и здесь полюбоваться достопримечательностями не представилось возможным: в Джидде свирепствовала чума.

– Они тут, верно, скоро все перемрут, – опасливо заметил Коленька Сверчков. – Что ни город, то эпидемия.

Гумилев ничего не отвечал, глядя на волны и думая, что же происходит сейчас в России, как же там Аня и Левушка... Еще он думал о Джибути, лелея тайный план непременно навестить там Фатин.

Сверчков понял, что его спутник и кумир сейчас умом очень далеко отсюда, и осторожно отошел в сторонку, где расположился в шезлонге всегда готовый к беседе Мозар-бей.

* * *

Что же происходит в России?

Об этом думал и Владимир Ульянов-Ленин, сидя в небольшой кондитерской за чашкой какао с эклерами. Из-за болез-

ни Крупской им пришлось покинуть уютную деревню Белый Дунаец вблизи польского климатического курорта Закопане и отправиться в швейцарский Берн. Тут жил знаменитый хирург Кохер, лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины за работы по хирургическому лечению щитовидной железы – а у Крупской были проблемы именно с этой железой, то, что называлось базедовой болезнью.

Услуги Кохера стоили, конечно же, весьма дорого, но в деньгах Ленин стеснен не был – попросил «Правду» переслать при читающийся ему гонорар, да и грех экономить на здоровье. Поэтому он уговорил Крупскую отправиться в Берн и теперь сидел и думал, правильно ли поступил.

В Белый Дунаец они приезжали тоже из-за болезни супруги. Деревушка помещалась на высоте около семисот метров над уровнем моря, и имелись надежды на целебные свойства горного воздуха. Однако многие пугали Ленина, что болезнь можно запустить, и вот – уговорили. Да и горный воздух не помогал: болезнь на нервной почве, три недели лечили электричеством – без толку, все по-прежнему: и пученье глаз, и вздутие шеи, и сердцебиение, все симптомы базедовой болезни.

Но Кохер — хирург, думал Владимир Ильич. Хирурги любят резать, а операция архиопасна и архисомнительна. Он попросил живущего в Берне Шкловского навести справки насчет мирового светила – когда принимает Кохер, когда он уедет на лето и как придется устраиваться в Берне, в лечебнице (и очень ли дорогой) или как-то иначе...

И вот они уже несколько дней в Берне. Как и думал Ленин, Кохер тянул с приемом. «Капризник он. Знаменитость и ломается. Здешние знающие врачи архихвалят его и обещают полный успех. Подождем», – писал Ленин матери в Россию. Но все же Кохер наконец принял Надежду Константиновну и поместил в своей клинике на Фрейбург-штрассе. По полдня Ле-

НИН СИДЕЛ ТЕПЕРЬ У НЕЕ В ПАЛАТЕ, А ДРУГУЮ ПОЛОВИНУ ХОДИЛ ПО БИБЛИОТЕКАМ, ГДЕ ПЕРЕЧИТАЛ ЦЕЛЫЙ РЯД МЕДИЦИНСКИХ КНИГ ПО БАЗЕДОВОЙ БОЛЕЗНИ И ЕЩЕ БОЛЬШЕ ИСПУГАЛСЯ ЗА ЖЕНУ.

И вот вчера состоялась операция. Прошла удачно, хотя длилась около трех часов и без наркоза; Крупская перенесла ее мужественно. И все бы хорошо, но сегодняшнее посещение испугало Ленина – у жены был сильнейший жар, она бредила, никого не узнавала... Врач выставил Ленина на улицу и велел заглядывать вечером. Но вечера еще нужно было дождаться...

Допив какао и обтерев салфеткой пальцы, Ленин поднялся и вдруг увидел в углу человека, который запомнился ему еще с Выборга – монгольского социал-демократа, который высказал целый ряд мудрых суждений, совпадавших с ленинскими, а потом куда-то запропал. Ленин решительно подошел к нему и сказал:

– Если не ошибаюсь, мы знакомы, товарищ... простите, запамятовал...

– На данный момент – Очиров, – любезно произнес монгол.
– Садитесь, товарищ Ленин.

Перед монголом стояли стакан с минеральной водой и блюдечко, на котором лежал едва начатый кусочек вишневого торта «Цугер Киршторт».

– Какими судьбами в Берне? – спросил Ленин. – Возможно, вы стеснены в средствах? Я с радостью угощу вас обедом.

– Нет-нет, я привык довольствоваться малым. Благодарю вас, – сказал монгол. Ленин заметил, что по-русски тот говорит уже практически без акцента. Прилежный и умный человек, такие нужны партии.

– Но вы не сказали, что делаете в Швейцарии. Хотя если это какой-то архиважный секрет...

– Вовсе нет. Меня пытались арестовать, видимо, какая-то чистка... Я не стал долго ждать, сбежал от жандармов и сразу

же уехал, пока не объявили в розыск – благо документы были заблаговременно готовы.

– И как же вы сбежали?

– Они попросту растяпы, к тому же за мной приехали нижние чины. Наверное, надеялись, что тихий монгол сдастся без сопротивления. Я, к слову сказать, особенно и не сопротивлялся. Правда, одного все же пришлось убить.

– Вы... вы застрелили его?

– Нет, лишний шум был бы ни к чему. К тому же я обращаюсь с холодным оружием значительно лучше, чем с огнестрельным. У нас издавна заведено с детства учить мальчиков пользоваться кинжалом, саблей и мечом, а револьверы и ружья, как вы понимаете, появились позже и были доступны далеко не всем. Поэтому я убил его кинжалом. Ударил в печень, это очень важный орган, и его повреждение гарантированно выводит человека из сражения. И, скорее всего, он в любом случае умрет. Этот несчастный жандарм умер сразу.

Монгол сказал об этом очень спокойно, и Ленин тут же подумал, а смог бы он убить человека – пусть даже жандарма! – оказавшись в подобной ситуации? Наверное, нет... Но подходящие слова для ответа монголу – вернее, Очирову – нашлись сразу же.

– И верно! А чего вы хотите? – воскликнул Ленин. – Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке? Какой мерой измерять количество необходимых и лишних ударов в этой драке? Где тут место мягкосердчию и великодушию? Мы что же, не должны, не вправе бороться, сопротивляться? Ну, извините, мы не дурачки. Мы знаем: то, чего мы хотим, никто не может сделать, кроме нас. И никакие жандармы не смогут нас остановить.

Очиров согласно покивал, съел микроскопический кусочек «Цугер Киршторта», зацепив его серебряной ложечкой, и скромно поинтересовался:

– А вы, товарищ Ленин? Вы здесь, верно, по партийным делам? Я, признаться, совсем недавно из Германии, здесь пока ни с кем не связался... В России уже несколько лет не был, хотя по газетам стараюсь собирать всю возможную информацию о том, что там происходит.

Ленин коротко и печально рассказал, что привело его в Берн. Очиров посочувствовал и предложил:

– Может быть, я смогу помочь вашей супруге? Я вообще-то знаток народной медицины. Я не взялся бы сделать саму операцию, ни в коем случае, но такие вещи, как жар, недомогание, бред...

– Состояние после операции архитяжелое, я не думаю, что господин Кохер позволит вам проводить какие-то осмотры. Да и врачебная этика не позволяет. Как я скажу ему, что привел другого врача в его лечебницу? Будет неописуемый скандал, особенно если учесть, что господин Кохер – не простой медик, а Нобелевский лауреат, всемирная величина...

– ...Я же не врач, – перебил монгол. – Я просто знаю кое-что о лечении, чего явно не может знать этот Кохер. А осмотр как таковой мне не требуется – так что я вполне могу сойти за друга семьи. Впрочем, если я кажусь назойливым...

– Нет-нет, конечно же, сегодня или завтра! – поспешил сказать Ленин. – Я думаю, Наденька не будет против.

«Если она еще жива», – подумал он.

* * *

Оставив Коленъку в отеле, чем тот был крайне недоволен и разобижен, Гумилев поспешил в «Меблированные комнаты для одиноких мужчин мадемуазель Парментье». Он полагал, что не вспомнит дороги и спросит ее у кого-то из прохожих, но ноги словно несли сами. Через четверть часа блужданий по улочкам Джибути Гумилев уже входил в гостиную, где все

оказалось совершенно по-прежнему: диваны, картины на стенах, столик с граммофоном, и даже валялась рядом с ним *Le Figaro*, словно поручик Курбанхаджимамедов только что бросил газету, собираясь уйти. Только из граммофона чуть слышно доносился голос великого Карузо, а не Вяльцевой: он пел что-то из «Арлезианки».

Мадемаузель Парментье также ничуть не изменилась, разве что чуть погрузнела и оплыла. Разумеется, Гумилева она не помнила и никак не могла помнить – сколько их, путешественников, торговцев, военных и прочих прошло через эту гостиную – но встретила радушно. Тут же появилось вино, и женщина осведомилась:

– Вам угодно общество девушки? Двух? Трех? С недавних пор у нас есть и красивые юноши, мы стараемся во всем соответствовать европейской моде...

– Нет-нет, – торопливо сказал Гумилев, – я ищу конкретную девушку. Ее зовут Фатин.

– Фатин?! – мадемаузель Парментье задумалась. – Ах, Фатин!!! Но ее очень давно здесь нет.

– Что с ней случилось?! – встревожился Гумилев.

– Ничего страшного. То, что обычно случается с девушками. Она забеременела и вынуждена была уехать, оставив работу. Я очень, очень жалела – Фатин была одной из моих лучших девушек. Но, может быть, вам подойдет другая? Я сейчас позову всех, и вы сможете выбрать...

– Нет, благодарю вас, – покачал головой Гумилев и вручил мадемаузель несколько франков за пустое беспокойство. – Но... еще одно – как давно это случилось?

– Погодите, я постараюсь припомнить, – Парментье закатила глаза. – Это было... это было... Да, пять лет назад!

– Пять лет. Значит, пять лет... А куда она уехала?!

– Я не могу вам сказать, потому что не знаю.

– Благодарю... – повторил Гумилев и покинул гостиную.

Он сбежал по ступеням и остановился посреди кривой улочки в совершенной растерянности.

Пять лет назад.

Они с поручиком Курбанхаджимамедовым были здесь как раз пять лет назад...

Неужели Фатин забеременела от него?! И у него и здесь есть ребенок?! Но нет, мало ли клиентов у девушки в подобном заведении... Гумилев всячески отгонял от себя эти мысли, приводил сам себе весомейшие аргументы, но все равно в голове вертелось: «Сын... или дочь...»

Однако узнать все в точности не представлялось никакой возможности. Печальный, Гумилев вернулся домой, был крайне холоден с ни в чем не повинным Коленькой и рано лег спать, с головою накрывшись одеялом.

...Было еще темно, когда толстый и хромой слуга-араб со свечой обошел комнаты отеля в Джибути, безжалостно будя уезжающих в Дире-Дауа. Еще сонные, но довольные утренним холодком, таким приятным после слепящей жары полудней, Гумилев и Коленька отправились на вокзал; их вещи заранее отвезли туда в ручной тележке, и Коленька волновался, что их укранут, но совсем даже не украли.

Билеты во второй класс они купили без труда.

– Все европейцы обычно тут и ездят, – объяснял Гумилев Коленьке, входя в довольно скромного вида и содержания вагон.

– Третий класс предназначен исключительно для туземцев, а в первом, который вдвое дороже и нисколько не лучше второго, обыкновенно ездят только члены дипломатических миссий и немногие немецкие снобы. То есть бездельники.

– Но шестьдесят два франка, однако...

– Не слишком дешево за десять часов пути, но это все же колониальная железная дорога, а не Московско-Виндаво-Рыбинская.

Примечательным было и то, что паровоз, пыхтящий впе-

реди, носил громкое имя «Слон». На соседних путях стояли «Буйвол» и «Сильный», причем выглядели все три довольно плачевно, в чем путешественники смогли убедиться уже через несколько километров: на подъезде поезд замедлил ход, и два негра шли впереди него, посыпая песком мокрые от дождя рельсы.

– В самом деле, не Виндаво-Рыбинская, – ворчал Коленька. – Пешком, верно, мы бы добрались быстрее. А еще «Слон», прости, господи...

С обочины на поезд с любопытством таращились два шакала – Гумилев тут же пояснил, что эти твари всегда ходят парами. С не меньшим любопытством смотрели на поезд сомалийцы и данакили, хотя к железной дороге могли бы уже и привыкнуть. На маленьких станциях голые черные ребятишки протягивали к вагонам ручонки и заунывно тянули самое популярное на всем Востоке слово:

– Бакшиш! Бакшиш!

Коленька сначала бросал им мелкие монеты, провоцируя безобразные драки, а потом Гумилев запретил ему, сказавши:

– Пока до Харара доберемся, без копейки останемся. Их тут тысячи, и все хотят бакшиш. Привыкай к тому, что африканец все, что не может завоевать, либо украдет, либо выпросит. Тем более у европейцев.

Коленька унялся.

К обеду – вернее, завтраку, ибо позавтракать с утра они так и не удосужились – поезд прибыл на станцию Айша, где путники с аппетитом поели в заведении грека-буфетчика, принявшего их с распростертыми объятиями.

Грек отвел Гумилеву и Коленьке лучшие места, сам прислуживал, но из того же патриотизма крайне неприязненно отнесся к турецкому консулу – ведь греки известны своей враждою с турками. Гумилеву пришлось отвести буфетчика

в сторону и сделать надлежащее внушение на жуткой смеси абиссинского и греческого. Тот устыдился, но на бедного консула все равно смотрел косо.

После еды пассажирам объявили, что поезд дальше не пойдет, так как дождями размыло путь. Раздались возмущенные возгласы, но железнодорожники были непреклонны. Грек обрадовался: теперь у него не только завтракали, у него и обедали, и даже ужинали.

— Пожалуй, возьмем еще коньяку, — сказал Гумилев.

За разговорами, выпивкой и закусками прошла вторая половина дня, благо гулять по совершенно уж затрапезной станции Айша желания ни у кого не возникло. Наконец Коленъка сдался и сказал, что пойдет в вагон спать. Его примеру последовал и турецкий консул, чувствовавший себя крайне неуютно под косыми взглядами грека. Гумилев остался один и, выпив чашку кофе, вышел подышать свежим воздухом.

— Здравствуйте, господин, — сказал стоящий возле греческого заведения человек. Гумилев учтиво ответил и тут же обнаружил, что перед ним — его давний знакомый по Джибути, Мубарак, которого он волею случая спас от грабителей и, видимо, от смерти.

— Вижу, вы узнали меня, — сказал Мубарак. — Пойдемте внутрь, я с дороги и выпил бы кофе.

Они вернулись за столик, грек принес старику кофе.

— Какая неожиданная встреча, — сказал Гумилев.

— Я же говорил, что она произойдет, — заметил старик. — Вы, верно, снова путешествуете?

— Да, собираюсь в Харар. Мои спутники спят в вагоне поезда, мы приехали на нем и теперь вот ждем, пока починят дорогу... А вы?

— Я пришел с караваном одного моего знакомого купца. Он пошел дальше, а я вот остался здесь.

– По торговым делам? – улыбнулся Гумилев, памятуя их прошлую беседу в Джибути.

– Можно сказать и так, – улыбнулся в ответ Мубарак. – Храните ли вы мой скромный подарок?

– Да, и более того, он мне дважды спас жизнь.

– Вот как?! – удивился старик.

Гумилеву пришлось рассказать Мубараку о том, что произошло в деревеньке галласов во время визита туда негуса Менелика, хотя негус и просил об этом умалчивать. Старик, казалось, не придал большого значения самой истории с металлическим скорпионом, спасшим своего хозяина; куда сильнее заинтересовали его слова Менелика. Он даже попросил повторить, что именно сказал негус.

– Он сказал: «Это очень странный подарок, я даже не знаю, добром или злом отплатил тебе спасенный». И заметил, что я пойму это со временем.

– Негус негести – умнейший человек, – задумчиво сказал Мубарак.

– Может быть, вы тогда расскажете мне, что такое этот скорпион? Я же вижу – это не просто фигурка из металла.

– Вы же исследователь и поэт, господин Гумилев. Неужели поэту и исследователю не интересно узнать все самому, как советовал мудрый негус? И еще – неужто вы подумали, что я желал вам зла? Вы все-таки спасли мне жизнь.

Гумилев молчал.

– Я могу сказать, что сам знаю о скорпионе чрезвычайно мало. Но вам он, несомненно, пригодится. Вы – человек, которому нужна удача, причем удача в добрых делах. А уж как обернется эта удача и как обернутся добрые дела – это уже неведомо никому.

– Благими намерениями вымощена дорога в ад, не так ли? – хмыкнул Гумилев.

– Я знаю это выражение, но здесь оно не совсем подходит.

Мы же не знаем, в ад ли ведет эта дорога, и есть ли вообще ад... Вы сказали, что держите путь в Харар?

– Да, а потом – дальше.

– Дальше – места странные и, я бы сказал, довольно опасные. Вы смелый человек, господин Гумилев.

– Я так не считаю, господин Мубарак. Во время описанных мною событий я пару раз едва не намочил, простите, штаны.

– Но ведь не намочили?! – хитро подмигнул стариk. – Кстати, будете в Хараре – навестите тамошнего правителя. Дадъязмач Тафари Маконнын – человек, которого ждет большое будущее. Я слышал о таком предсказании. Сейчас он совсем еще молод, но молодость – порок, который проходит сам собою и весьма быстро. И опасайтесь демонов.

Гумилеву показалось, что он ослышался.

– Что вы сказали?

– Я сказал: опасайтесь демонов, – самым серьезным тоном повторил Мубарак. – Пустынные места всегда опасны тем, что там могут обитать демоны.

– Это сказки, – улыбнулся Гумилев. – Демонов никто не видел.

– Кто же мог увидеть их в пустынных землях? На то это земли и пустыни. Там никто не живет.

– Но путешественники...

– ...А кто вам сказал, что они оттуда возвращаются, чтобы затем рассказывать?! – спросил стариk.

* * *

Наутро выяснилось, что размытый дождями путь до сих пор не исправлен, больше того – на его починку потребуется минимум восемь дней. Желающим предложили вернуться в Джибути, с чем и согласились все, кроме Гумилева, Сверчкова и турецкого консула. Соображения были совершенно меркан-

тильными: на станции Айша жизнь стоила много дешевле, чем в Джибути. Мозар-бей остался из чувства товарищества, кроме того, у всех троих была смутная надежда каким-нибудь образом добраться до Дире-Дауа.

Вчерашняя встреча с Мубараком так и закончилась непонятным разговором о демонах, населяющих пустынные земли, и Гумилев решил своим спутникам ничего не рассказывать.

На другой день из Джибути прибыл поезд с инженерами и чернорабочими для починки пути. С ними же приехал и курьер, везущий почту для европейцев, живших в глубине страны. К этому времени уже выяснилось, что путь испорчен на протяжении восьмидесяти километров, но что можно попробовать проехать их на дрезине. После долгих препирательств с главным инженером удалось достать две дрезины: одну для людей, другую для багажа. С компанией Гумилева поместились ашкеры-охранники и пресловутый курьер.

Дорога оказалась в самом деле весьма трудной. Над промоинами рельсы дрожали и прогибались, местами приходилось слезать с дрезины и идти пешком. Солнце палило так, что руки и шеи через полчаса покрылись волдырями. По временным сильные порывы ветра обдавали сидевших на дрезинах путешественников тучами пыли. Абиссинцы, однако, не унывали и пели, работая рычагами.

– Что они поют? – спросил Коленька.

– Если примерно перевести, то следующее:

*Менелик сказал: «Седлающих мулов и коней,
Чтобы следовать за мною,
И остающихся в доме моем люблю.
Пусть живут подобно Аврааму,
Не хочу, чтобы они умирали».*

*Авраам был хорошим человеком,
Пятьсот лет проведшим в палатке.
Да живет и наши негус, как Авраам!
Ведь и звери любят своего старшего.
Харраритов, амгарцев, арабов,
Сомали, галла, шангала –
Всех собрала сила нашего отца Менелика.*

– Как, однако, они любят своего правителя.

– Он того полностью заслуживает, – сказал Гумилев. – К сожалению, неизвестно, жив ли он сейчас... На него и раньше многократно покушались, как часто бывает с добрыми и умными людьми, оказавшимися на вершине власти. В Аддис-Абебе мне рассказывали ужасные вещи. Императору дали яд, но страшным напряжением воли, целый день скачав на лошади, он поборол его действие. Тогда его отравили вторично уже медленно действующим ядом и старались подорвать бодрость его духа зловещими предзнаменованиями. Для суеверных абиссинцев мертвая кошка указывает на гибель того, кто ее увидит. Каждый вечер, входя в спальню, император находил у постели труп черной кошки. Потом однажды ночью императрица Таиту объявила, что после внезапной смерти Менелика правительницей становится она, и послала свою стражу арестовать министров. Те, отбившись от нападавших, собирались на совет, потом арестовали Таиту и объявили, что Менелик жив, но болен, и видеть его нельзя.

– И с тех пор никто не видел негуса?! – удивился Коленька. – Но как такое возможно?! Представляю, если бы у нас в России народ не мог видеть государя...

– Это же Африка. К тому же официальные лица говорили, что видят императора регулярно. Но европейских посланников к нему не допускали. От имени малолетнего наследника,

Лиджа Иассу, страной управлял его опекун рас Тасама, который во всем считался с мнениями министров. В судах и при официальных выступлениях, как прежде, все решалось именем Менелика. В церквях молились о его выздоровлении. Но прошло шесть лет, Лидж Иассу вырос и захотел взобраться на императорский престол.

– А опекун что же?

– Рас Тасама? Он был отравлен, а Лидж Иассу с приближенными ворвался в императорский дворец, требуя коронации. Но правительство не дремало: министр финансов Хайле Георгис, собрав людей, выгнал Лиджа Иассу из дворца, а военный министр Уольде Георгис, прямо с постели, голый, бросился на телеграфную станцию и саблей перерубил провода, чтобы белые не узнали о смутах в столице. Лиджа Иассу отправили в ссылку, а европейским посланникам было категорически подтверждено, что Менелик жив.

– А жив он на самом деле?

– Несколько недель тому назад я опять прочел в газетах, что Менелик умер², а на следующий день – опровержение этого слуха. Значит, повторилось что-нибудь подобное истории с Лиджем Иассу. Но я видел Менелика во время позапрошлого своего путешествия, говорил с ним, и он даже назвал меня своим сыном, хотя я и не могу об этом многое рассказать. И я верю: негус негести жив. О его предке, царе Соломоне, рассказывают, что он заставил духов строить храм и, почувствовав приближение смерти, приказал привязать свое тело к трону, чтобы духи не заметили, что он мертв, и продолжали свою работу. То же и негус.

– Жаль, если он в самом деле умер. Я очень мечтал с ним увидеться, – задумчиво сказал Коленька.

– Может, и такое случится, – сказал Гумилев.

² Менелик умер в Аддис-Абебе 22 декабря 1913 года, то есть на момент описываемых событий негус негести был еще жив.

Абиссинцы продолжали петь, и Гумилев перевел очередные слова:

*– Нападающий воин крепок как столб,
Он накалывает людей на копье, как четки.
Когда он трогает лошадь, трусы бегут.
С ним никто не поспорит, он – как гора.
Все, что возможно собрать человеку, он собрал,
Потому что ниже неба и выше земли
Судья всем – Менелик.
Он сказал: «Делай, как приказано!»
Пришла битва, и был приказ
Всем стоять у императорского зонтика.
Но не все послушались, одни ушли влево.
Это были Тафаса Абайнех и Габая Гора.
Надавили на нас враги,
Сделали день как ярмарку,
Даже жен и матерей мы забыли.
Братья, скорей приходите!*

– Весьма воинственно, – сказал Коленька.

– А они больше ничего не умеют, кроме как воевать. И Менелик пытался научить их другому... – грустно сказал Гумилев.

...Через несколько часов на путях показался паровоз с двумя платформами, которые подвозили материалы для починки пути. Путешественников пригласили перейти на них, и еще час они ехали таким примитивным способом. Наконец, на безымянной станции они увидели поезд, который на следующее утро должен был отвезти их в Дире-Дауа. Пообедав ананасным вареньем и печеньем, которые случайно оказались с собой, путники переночевали в вагоне. Ночью было очень холодно, мешали спать крики гиен. А в восемь часов утра они уже были в Дире-Дауа.

* * *

По глазам миловидной сиделки Ленин понял, что Надежда Константиновна очень плоха.

– Могу я видеть господина Кохера?! – воскликнул он.

– Господина Кохера сейчас нет, – потупив взор, сказала робкая сиделка. – Но вы можете пройти в палату, а этот господин подождет вас здесь...

– Этот господин – большой друг нашей семьи, и мы пойдем вместе! – отрезал Ленин.

– Как вам будет угодно, – согласилась сиделка.

Ленин и Цуда прошли к больной, которой и в самом деле было совсем худо. Большие, навыкате глаза блестели от жара, Крупская бормотала что-то неразборчивое и, казалось, не узнавала мужа.

Цуда внимательно посмотрел на нее, потом взял бледную горячую руку и держал так несколько секунд. Ленин с тревогой наблюдал за ним, в глубине души ругая себя: позвал шарлатана, случайно встреченного на улице! Нобелевский лауреат был ему плох! Но монгол не делал ничего особенного – он точно так же взял другую руку Крупской, помолчал и покачал головою.

– Плохо дело? – спросил Ленин.

– Я обычно лечил мужчин, ни разу не имея дела с женщинами, – тихо сказал Цуда. – Но я вспомнил, что Мацугума Кеан однажды рассказал такую историю: «В практике медицины известно разделение лекарств на инь и ян, в соответствии с мужским и женским началами. Женщины отличаются от мужчин также пульсом. Но в последние пятьдесят лет пульс мужчин стал таким же, как пульс женщин. Заметив это, я применил одно женское глазное лекарство при лечении мужчин и обнаружил, что оно помогает. Когда же я попробовал применить мужское лекарство для женщин, я не заметил улуч-

шения. Тогда я понял, что дух мужчин ослабевает. Они стали подобны женщинам, и приблизился конец мира. Поскольку для меня в этом не может быть никаких сомнений, я хранил это в тайне».

– Любопытная история, но какое это имеет отношение... – начал было Ленин, но Цуда продолжал:

– Я, конечно, не уверен в приближении конца мира, хотя может случиться всякое. Но, если уж лекарство женское подойдет для мужчины, почему не подойдет для женщины мужское лекарство, что бы там ни говорил достопочтенный Мацугума Кеан? Выходите.

– Что-что?! – не понял Ленин.

– Выходите, – повторил более настойчиво Цуда. Ленин хотел что-то сказать, вероятно, возмутиться, но потом махнул рукой и вышел, думая, что утопающий хватается за соломинку. Вдруг такой соломинкой и станет для него таинственный монгол?

Цуда остался один вместе с то ли живой еще, то ли уже почти неживой женщиной. Он вынул из кармана пиджака фигурку сверчка и, положив в левую ладонь Крупской, накрыл сверху своей ладонью.

Цуда не знал точно, что сейчас произойдет, что он почувствует. Иногда, пытаясь использовать сверчка для лечения, он ощущал боль, неприятную, но вполне терпимую, словно в ладонь вонзали тупую иглу, чуть покачивая и вращая. Иногда – зуд, как если бы его ужалил в ладонь огромный комар. В первом случае лечение проходило успешно, во втором – не приносило никаких плодов. Так умер молодой рабочий, который с простреленным легким выволок Цуда из-под огня винтовок Павловского полка на Каменноостровском проспекте 9 января 1905 года. Цуда, тогда только-только начинавший разбираться в революционном движении русских, помнил последние слова петиции, которую рабочие несли царю:

«...Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе; лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей Родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организоваться для защиты своих интересов от наглой эксплуатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства. Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена, а не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу – мы умрем здесь, на этой площа-ди, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу...»

О чем просили – то и получили. Умерли. Тогда Цуда в первый раз попытался вылечить человека – своего спасителя. «Попробуй», – словно подсказал ему сам сверчок и лег в ладонь. Но рабочий умер, и Цуда даже не помнил его фамилии, о чем, впрочем, не горевал. Он помнил лишь водоноса Каору, остальные были вычеркнуты из памяти.

Сверчок еще трижды напоминал о себе. Двоих Цуда излечил от чахотки, третьего – тоже раненого, угодившего в перестрелку на конспиративной квартире – спасти не сумел. Во всех случаях он был наедине с умирающими и вряд ли взялся бы использовать сверчка у кого-то на виду. Цуда не думал о спасении, он лишь хотел проверить, что выйдет. Он даже не мог понять, кто именно лечит – сверчок или же он сам посредством сверчка. Бывший полицейский хотел даже спросить совета у Бадмаева, но не решился, потому что не слишком доверял тибетскому лекарю.

Но сейчас он жаждал излечения, потому что знал: окажись его попытка удачной, Ленин будет его вечным должником. Поэтому, когда в ладонь хлынула волна боли, куда более сильной, чем в предыдущие два раза, Цуда возблагодарил созда-

телей чудесного сверчка – если у него были создатели – и с трудом подавил крик. Зато громко застонала Крупская. Застонала, открыла глаза и спросила удивленным голосом:

– Кто вы такой? Кажется, я вас знаю...

– Товарищ Ленин! Вы можете войти! – крикнул Цуда.

Ленин не вошел – вбежал, следом за ним в широко распахнувшуюся дверь осторожно заглядывала сиделка.

– Наденька?! – пробормотал Ленин. – Наденька...

– Ей нужно много спать, – сказал Цуда успокаивающим тоном. – Все будет хорошо.

Крупской ничего не стали объяснять, чтобы она не проговорилась Кохеру и оставалась далее уверенной в его врачебных силах. Молчание же сиделки стоило Ленину некоторого количества франков, но взамен она обещала ничего не рассказывать Кохеру и даже перекрестилась в знак своей искренности. Девушку можно было понять: за то, что она впустила к умирающей больной неизвестного лекаря, самолюбивый ительный нобелевский лауреат сурово бы ее наказал.

Ленин истово благодарил Цуда, пораженный столь быстрым излечением, снова говорил что-то о древних тайнах, о великих открытиях простого народа, скрываемых буржуазией, о том, что придет время, когда все подобные знания будут собраны по крупицам. Цуда почти не слушал его, машинально кивая; ладонь все еще пульсировала болью. Только сейчас он подумал: а что, если уходящая из человека болезнь входит в него?!

Ленин звал поужинать в дорогом ресторане, предлагал по добной русской традиции выпить за здоровье, но Цуда лишь качал головой.

– Мне нужно идти. Мне нужно встретиться с одним... с одним человеком... – сумел пробормотать он.

На самом деле, конечно же, в маленькой мансарде на окраине, которую он снимал у злобной горбатой старухи, никто

бывшего полицейского не ждал. Но Цуда хотел побыть один, потому что потерял много сил. Вполне вероятно, болезнь в самом деле перешла в него, или же – на что он надеялся – в фи-гурку сверчка, и недомогание лишь результат приложенных усилий.

Ковыляя по булыжной мостовой в направлении дома, Цуда вспоминал окончание истории Мацуумы: «Если теперь посмотреть на мужчин нашего времени, можно видеть, что тех, чей пульс похож на женский, стало очень много, тогда как настоящих мужчин почти не осталось. Поэтому в наши дни можно победить многих, почти не прилагая для этого усилий. То, что лишь немногие в состоянии умело отрубить голову, еще раз доказывает, что смелость мужчин пошла на убыль».

Русский царь мог послать свои полки на безоружную толпу, однако он не смог бы никому отрубить голову своей собственной рукой. Не то чтобы сделать это умело – он вообще никогда не смог бы такое сделать.

А вот Ленин, со своей картавостью, торопливостью движений, словоохотливостью – смог бы.

И Ленин их отрубит, и не одну, понял Цуда. А значит, он выбрал правильную сторону. Старик был бы доволен.

* * *

Слуги нашлись очень быстро, и весьма толковые. Хайле, негр из племени мангаля, скверно, но бойко говорящий по французски, был взят как переводчик. Хаарит Абдулайе, знающий лишь несколько французских слов, имел своего собственного мула, как начальник каравана. Остальные были просто черномазыми бродягами, но в качестве охранников и помощников в дороге вполне годились. Тем не менее для пущей уверенности необходимо было записать на-

нятых и их поручителей у городского судьи, к которому Гумилев и отправился.

На террасе дома, выходящей на довольно обширный двор, сидел, поджав под себя ноги, статный абиссинец, главный судья, окруженный помощниками и просто друзьями, которые от скуки пришли посмотреть на тяжбы в порядке развлечения. Шагах в пяти перед судьей на земле лежало бревно, за которое не должны были переступать тяжущиеся даже в пылу защиты или обвинения.

По всему двору толпились любопытные – слушалось дело между абиссинцем и арабом; первый взял у второго мула, мул подох, хозяин в итоге требовал уплаты, а абиссинец доказывал, что мул был больной. Оба клялись смертью Менелика, как это принято в Абиссинии.

К сожалению, спектакль грозил затянуться, и Гумилев, записав слуг, ушел, так и не дождавшись решения вопроса. К тому же он знал, что судебные дела в Абиссинии – вещь непредсказуемая, потому что выигрывает обычно тот, кто заранее сделает лучший подарок судье. Собственно, так происходило не только в Абиссинии...

Вернувшись, они сели заниматься оружием.

– Дядя Коля, а трудно писать стихи? – спросил неожиданно Коленька, до сей минуты самозабвенно прочищающий шомполом винтовочный ствол.

– А сам не пробовал?

– Пробовал, оттого и спрашиваю. Дурно у меня выходит, – сознался Коленька. – А у вас – у вас хорошо...

– Да и у меня не всегда хорошо, если честно.

– Зачем же вы их тогда пишете?!

– А этого я и сам не понимаю, – сказал Гумилев и поднялся.

...Днем прошел ливень, настолько сильный, что ветром снесло крышу с одного греческого отеля, правда, не особенно прочной постройки. Под вечер Гумилев и Коленька выш-

ли пройтись и, конечно, посмотреть, что стало с рекой. Ее нельзя было узнать, она клокотала, как мельничный омут. Громадные валы совершенно черной воды и даже не воды, а земли и песка, поднятого со дна, летели, перекатываясь друг через друга, и, ударяясь о выступ берега, шли назад, поднимались столбом и ревели.

В тот тихий вечер это было зрелище очень страшное, но, несомненно, прекрасное. Ниже по течению утонул ребенок, и весь вечер путешественники слышали, как голосила безутешная мать.

А наутро они отправились в Харар.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Демоны пустынных земель

*Жирный негр восседал на персидских коврах
В полутемной неубранной зале,
Точно идол, в браслетах, серьгах и перстнях,
Лишь глаза его дивно сверкали.
Я склонился, он мне улыбнулся в ответ,
По плечу меня с лаской ударя,
Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего государя.*

Николай Гумилев. «Галла»

Ужасная река не раз вспомнилась путешественникам на следующий день, когда им пришлось двигаться по ее руслу – именно по нему проходила дорога из Дире-Дауа в Хаар. Края русла были почти отвесными, и Коленька тут же принялся предполагать, что же делать, если снова пойдет дождь. Но Мозар-бей авторитетно заявил, что промежутки между дождями в этих местах составляют около двух суток, а значит, бояться нечего. Это доказывало и оживленное движение: по дороге ехали десятки абиссинцев, проходили данакили, галласские женщины с отвислыми голыми грудями, которые несли в город вязанки дров и травы.

Как объяснил переводчик-негр Хайле, ожидалось важнейшее событие: приезд в Дире-Дауа хаарского губернатора – дадъязмача Тафари.

– Вот черт, – сказал Гумилев, – а я-то рассчитывал застать дадъязмача в Хараре. У него нам надобно выправить документы для дальнейшего путешествия.

– Может быть, дадъязмач еще и не приедет, – утешил его Хайле. – Дадъязмач может делать, что хочет.

– Хорошо быть королем, – весьма кстати заметил Коленька.

– Положим, дадъязмач не совсем король. Это звание скорее военное, близкое к нашему генералу от инfanterии, например, – пояснил Гумилев.

– Генерал от инfanterии звучит красивее. А тут – язык сломаешь...

Путешественники ехали рысью, а их слуги шустро бежали впереди, успевая даже оказывать знаки внимания проходящим женщинам.

– Абиссинцы славятся своей быстроногостью, и здесь существует мнение, что на большом расстоянии пешеход всегда обгонит конного, – рассказывал Гумилев.

– Положим, это враки, – усомнился Коленька.

– Не скажи. Лошадь куда капризнее человека, и отдыха ей нужно больше. К тому же большое расстояние здесь – это не всегда прямая и не всегда горизонталь.

Слова Гумилева подтвердились через пару часов, когда начался подъем: узкая тропинка вилась почти отвесно на гору. Местами она была завалена большими камнями, тогда приходилось слезать с мулов и идти пешком. Когда вдалеке заблестело горное озеро Адели, Гумилев посмотрел на часы: подъем длился полтора часа.

В галласской деревушке они купили лепешек и вышли на прямую дорогу, которая через пять часов привела отряд в Харар. Гумилев, развлекая спутников, рассказывал все, что знал, про город:

– Правитель Харара Бальча был настолько самоуверенный человек, что даже отказывался платить дань негусу Менелику, который его назначил. Бальча говорил, что он сам себе негус.

– Менелик его смешил? – с уверенностью спросил Коленька.

– Менелик не так глуп, он понимал, что в здешних местах именно такой правитель и нужен. Ведь Бальча был ко всему еще и очень жесток – после прибытия в Харар его солдаты перессорились из-за здешних проституток, дело дошло до кровопролития. Тогда Бальча выгнал всех проституток на центральную площадь и продал, словно рабынь, хотя рабство в Абиссинии строго-настрого запрещено Менеликом. Покупателям было приказано внимательно следить за поведением женщин, а если хоть одну заметят в занятии прежним ремеслом, то ее казнят, а владельца оштрафуют на десять талеров. Теперь Харар едва ли не самый целомудренный город в мире.

Здесь Коленька почему-то покраснел, а турецкий консул засмеялся, сказав, что Бальча, несомненно, мудрый правитель.

– Несомненно, – согласился Гумилев. – Была еще одна поучительная история: у почтальона украли почту, которая предназначалась европейцам. Тогда Бальча приказал повесить четырнадцать человек – всех обитателей того дома, где нашлась пустая сумка – как раз вдоль этой дороги между Дире-Дауа и Хараром.

Коленька посмотрел по сторонам и слегка передернул плечами, представив, как на деревьях качаются исклеванные вороньем и высушенные солнцем трупы.

– Он и сейчас здесь правит, этот Бальча?

– Нет, друг мой, сейчас Бальча наводит порядок в провинции Сидамо. Это весьма далеко отсюда. А местный губернатор, молодой дадъязмач Тафари, как я слыхал, очень мягок и добр.

Уже с горы Харар представлял величественный вид со своими домами из красного песчаника, высокими европейскими домами и острыми минаретами мечетей. Он был окружен стеной, и через ворота никого не пропускали после заката солнца.

Консул, премило распрошавшись с друзьями, отправился по своим дипломатическим надобностям, а двум Николаям при-

шлось остановиться в греческом отеле – он был в городе всего один, и потому хозяин безбожно содрал с путешественников сумму, за которую они могли бы снять отличный номер где-нибудь в центре Парижа.

Несколько дней были посвящены отдыху и поиску молов, купить которых оказалось не так-то просто. Гумилева постоянно пытались надуть – а что еще можно сделать с белым человеком? – пока не помог начальник каравана Абдулайе. А вот негра-переводчика Хайле пришлось выгнать взашей, потому что он не только был чудовищно ленив и вороват, но и говорился с хозяином отеля, чтобы как можно дольше задержать там гостей. Другого переводчика Гумилеву посоветовали искаль в католической миссии, им оказался некто Феликс, галлас, воспитанный католиками.

Чтобы путешествовать по Абиссинии, необходимо было иметь пропуск от правительства, который – как телеграфировал Гумилеву русский посланник из Аддис-Абебы – выдавался исключительно дадъязмачем Тафари. По местной традиции, в резиденцию дадъязмача отправились с подарком: два здоровенных негра несли ящик вермута, а Коленька ворчливо говорил:

– Прямо гоголевский «Ревизор», право слово... Борзыми щенками...

– Это Африка, здесь ничего не делается даром, – пояснил Гумилев. – Не видел ты еще здешних судов. Помнишь историю про издохшего мула?

– Странно у них все, дядя Коля. Все равно не понимаю. Это же дадъязмач, все равно что генерал-губернатор. А мы ему ящик вина так вот напоказ тащим. Некрасиво.

– Во-первых, тащат все же негры, а не мы. А во-вторых, и дома всякие генерал-губернаторы есть. К тому же здесь это не совсем взятка. Скорее всего, дадъязмач и так дал бы нам пропуск, но с подарком ему будет приятнее это сделать.

– «Приятнее», видали вы?! Нет бы учиться у цивилизован-

ных людей каким-то разумным вещам! – продолжал сетовать Сверчков. Под его брюзжание они и прибыли во дворец дадъязмача, большой двухэтажный деревянный дом с крашеной верандой, выходящий во внутренний, довольно грязный двор.

– Тоже мне, дворец, – буркнул Коленька. – У нас таких дворцов в Парголове... Любую дачу возьмите, еще и не из самых богатых.

– Ну вот, – засмеялся Гумилев, – а ты говоришь – зачем взяtkи. Может, человек хочет новый дворец отстроить.

Абиссинская бюрократия отличалась от российской в лучшую сторону. Ожидать пришлось не более минуты, после чего челобитчиков провели в большую комнату, устланную коврами, где вся мебель состояла из нескольких стульев и бархатного кресла, в котором сидел дадъязмач Тафари.

Дадъязмач поднялся навстречу вошедшим и пожал им руки. Он был одет, как и все абиссинцы, в шамму – большой четырехугольный кусок белой бумажной материи, концы которого были закинуты за плечи. Гумилев знал, что в присутствии высших лиц простые абиссинцы не имеют права надевать шаммы таким образом, зато у себя дома так их носили абсолютно все.

По точеному лицу дадъязмача, окаймленному черной вы ющейся бородкой, по большим полным достоинства газельим глазам, по всей манере держаться в нем сразу можно было угадать принца. И неудивительно: он был сын раса Маконнына, двоюродного брата и друга императора Менелика. Таким образом, дадъязмач вел свой род прямо от царя Соломона и царицы Савской.

На вид генерал-губернатору было лет восемнадцать-двадцать. Еще в Дире-Дауа Гумилев узнал, что Тафари только что перенес тяжелейшее воспаление легких – болезнь, от которой в Абиссинии обычно умирали, и сейчас он выглядел слабым и усталым, однако улыбался очень приветливо.

К тому же к своим двадцати годам он успел пройти хорошую школу. Дадъязмачем Тафари стал в четырнадцать лет, получив под свое начало округ Тара-Мулета; через год, после смерти отца, император Менелик доверил ему более крупную провинцию Селаге, а затем Тафари стал главой крупнейшей эфиопской провинции Харар, которой при жизни управлял его отец рас Маконнын.

Тафари довольно прилично говорил по-французски, но пользовался услугами своего переводчика – видимо, для солидности. На просьбу о пропуске, несмотря на полученный подарок, он ответил, что без приказания из Аддис-Абебы ничего сделать не может. Коленька тут же ехидно посмотрел на Гумилева.

– Коленька, выйди подышать воздухом, я хотел бы поговорить с дадъязмачем приватно, – мстительно сказал Гумилев на русском, извинившись предварительно по-французски перед Тафари. Коленька раскланялся и вышел, обиженный.

– Вы напрасно отослали своего юного спутника, – мягко сказал Тафари. – Без приказания из Аддис-Абебы вы не получите пропуск, что бы ни пообещали мне. Я знаю, что мнение о жадности и продажности африканцев всегда бытовало среди европейцев, но, как видите, не все таковы.

– Я вовсе не об этом хотел поговорить с вами, – возразил Гумилев. – Мне нужен ваш совет, потому что я не знаю страны Галла, куда мы идем. К тому же мой знакомый сказал, что там водятся демоны. Надеюсь, вы развеете наши страхи.

Тафари поднял брови.

– Демоны? Кто же это вам сказал?

Гумилев описал старика, упомянув о его таинственном подарке. Тафари задумался ненадолго, затем сказал:

– Нет, я не знаю такого человека по имени Мубарак, хотя знаю многих Мубараков. Возможно, это не его имя. Возможно, это и вовсе не человек, – здесь Гумилева слегка передернуло, но Тафари не заметил этого и продолжал:

– Но он по-своему прав. В стране Галла есть многое, что странно оку европейца. Ехать туда опасно, и это еще одна причина, по которой я не спешу выдать вам пропуск.

Тогда Гумилев пустил в ход тяжелую артиллерию, сказав:

– Послушайте, несколько лет назад я оказал некую услугу негусу негести, после чего он назвал меня своим сыном. Я мог бы обратиться к нему за помощью, но я попросту не считаю, что столь ничтожным делом нужно тревожить покой императора и отнимать его от важных государственных дел. Но, если вы не дадите мне пропуска, я вынужден буду...

– О, так вы и есть тот самый русский?! А я еще подумал, откуда мне знакомо ваше имя... Я слышал немного о тогдашних событиях, хотя о них обычно не принято говорить. Это меняет дело, но не настолько, чтобы я тотчас выдал вам пропуск. Порядок есть порядок, поэтому телеграфируйте в Аддис-Абебу, дождитесь ответа, и, клянусь, я не стану вам мешать. Даю слово.

– Хорошо, – согласился Гумилев, понимая, что молодой дадъязмач просто не по-африкански пунктуален.

– Надеюсь, эта задержка не помешает вам исполнить мою небольшую просьбу?

«Нет, – подумал Гумилев, – он такой же, как и все. Сейчас что-нибудь выклянчит».

– С удовольствием.

– Покажите мне это... эту вещь, если она сейчас с вами.

Гумилев на мгновение замер, поняв, чего хочет дадъязмач.

– Мой отец рассказывал мне, что встречал людей, обладавших разными амулетами и талисманами. У него самого были амулеты и талисманы, и они часто помогали ему в сражениях. Но он говорил, что есть талисманы и амулеты, которые сильнее всех, сделанных человеческими руками. Потому что они пришли из другого мира.

Гумилев молчал, прислушиваясь к скорпиону. Нет, тот молчал, ни единого движения, ни единой вибрации не исходило

от маленькой металлической фигурки. Конечно же, она была при нем, как и всегда на протяжении последних лет. В нагрудном кармане, ровно на том же месте, где встретился с саблей Эйто Легессе и пулей Джоти Такле.

Соврать? Сказать, что он оставил скорпиона в России?

Но Гумилев решился.

– Вот, – сказал он, протягивая фигурку Тафари. Тот аккуратно, двумя длинными тонкими пальцами, достойными скрипача или пианиста, взял скорпиона и поднес к своим глазам газели. Долго смотрел, поворачивая так и этак, осторожно попробовал острие жала, тут же укололся и совершенно подетски сунул палец в рот.

– Странная вещь, – сказал дадъязмач, возвращая скорпиона. – Я видел Ковчег Завета¹ и прикасался к нему. Ощущения схожи – неживой предмет словно бы жив...

– Ковчег Завета?! Так он все же в Абиссинии?! В Аксуме, куда его перенес Байна-Легкем? В соборе Святейшей Девы Марии Сиона?!

Тафари Маконнын снисходительно улыбнулся Гумилеву, словно расшалившемуся ребенку.

– Не думаете же вы, что я, при всем уважении, открою эту великую тайну? Скажу лишь, что видеть Ковчег дозволяется очень немногим, а уж касаться его – только избранным. Но Ковчег – он... как бы лучше выразиться... простите, мой французский не так хорош, как хотелось бы... Ковчег, когда его касаешься, лучится благодатью. А ваш скорпион – совсем иное дело. Я не могу понять, что он пытается дать.

– Негус негести тоже видел его и брал в руки. А после сказал: «Это очень странный подарок, я даже не знаю, добром или злом отплатил тебе спасенный».

– Я далеко не так мудр, как негус негести. Но вижу: путь вла-

¹ Ковчег Завета – библейский ковчег, в котором хранились десять заповедей. Считается величайшей святыней коптского христианства, и во всех церквях страны хранятся его копии. По легенде, оригинал находится в городе Аксум, однако доказать или опровергнуть это пока никто не смог.

дельца этого скорпиона будет опасным и, мне кажется, вряд ли завершится хорошо. Вы не боитесь? Многие вещи, которые нельзя понять, несут своим хозяевам неприятности.

– И что бы вы сделали на моем месте?

Тафари пожал плечами.

– Возможно, бросил бы его в озеро Адели. Но я не могу давать советов – я совсем другой человек. Я ищу спокойствия, процветания. Вы – не такой.

– Я искренне благодарен вам, – сказал Гумилев, поднимаясь. – На всякий случай спрошу еще раз, нельзя ли ускорить получение пропуска.

– Мой ответ – нет, – покачал головой Тафари. – Правила для всех одинаковы. Надеюсь, вам не будет скучно в Хараре.

Скучать в Хараре и в самом деле не приходилось. Отправив телеграмму в Аддис-Абебу, Гумилев и Коленька занялись сбором коллекций: Сверчков сообразно своей фамилии ловил в окрестностях города насекомых, а Гумилев собирал этнографические коллекции. Над ним смеялись, когда он покупал старую негодную одежду, одна торговка прокляла, когда Гумилев вздумал ее сфотографировать, а некоторые наотрез отказывались продавать разные вещи, думая, что они потребны чужеземцу для зловредного колдовства.

Для того чтобы достать священный здесь предмет – чалму, которую носят хаариты, бывавшие в Мекке, – Гумилеву даже пришлось целый день кормить листьями наркотического ката обладателя этого сокровища, старого полоумного шейха. Шейх жевал листья, словно буренка, но в конце концов расстался с чалмой безо всякой жалости, отчего Гумилев заподозрил, что вещь это не такая уж и редкостная.

Коленька, куда более мирно отлавливавший разноцветных жуков, пророчествовал, что в один прекрасный день дядю Колю попросту зарежут.

– Во-первых, со мной револьвер, – отвечал Гумилев, пока-

зывая свой «веблей». – Во-вторых, после того как в Хараре лутовал губернатор Бальча, черта с два кто-нибудь тронет европейца. Ну и, в-третьих, мне самому порой стыдно, но это же все для науки.

«Для науки» Гумилев забирался в самые неприглядные места, едва ли не на свалки и в мусорные ямы. Он даже купил прядильную машину и старинный ткацкий станок. Однако в конце концов все более или менее интересные покупки были сделаны, все жуки и пауки пойманы, а добрый Тафари Маконнын выдал, наконец, им пропуск. Прощаясь, Гумилев сделал на память фотографии дадъязмача и его семьи. Поэт не знал, какой будет судьба молодого Тафари, но почему-то виделось, что будет она великой и трагичной²...

А затем они покинули Харар.

* * *

Надежда Константиновна Крупская тем временем уверенно шла на поправку. Ее выписали из кохеровской лечебницы, и Ленин часто гулял с нею по улочкам Берна, прикидывая, когда удобнее будет вернуться в Польшу. Несколько раз он встречался с Цуда Сандзо, то бишь Илюмжином Очировым, беседовал с ним о проблемах и перспективах российской социал-демократии, но более всего – о национальном вопросе.

– Воинствующий национализм реакции и переход контрреволюционного, буржуазного либерализма к национализму, особенно великокорусскому, а затем также польскому, еврейскому, украинскому и прочим... Наконец, усиление националистических шатаний среди разных «национальных» социал-

² 2 ноября 1930 года рас Тафари Маконнын был коронован в качестве 225-го императора Эфиопии под именем Хайле Селассие I (в переводе с амхарского – «Сила Святой Троицы»). После многих лет правления, ознаменованного небывалым развитием страны, победой в войне с Италией и дружбой с СССР, в 1974 году император был свергнут путчистами, которых возглавил майор Менгисту Хайле Мариам. 26 августа 1975 года Менгисту лично пытал и задушил подушкой находившегося под домашним арестом 83-летнего Хайле Селассие.

демократий, дошедшее до нарушения партийной программы, – все это безусловно обязывает нас уделить больше, чем прежде, внимания национальному вопросу! – говорил Ленин своему обычно молчаливому спутнику, сидя в небольшом ресторанчике на Барренплатц за бутылочкой красного швейцарского вина «Корона».

Цуда кивал, иногда поддакивал.

– Вот, к примеру, маленькая Швейцария, где мы сейчас находимся, – продолжал Ленин. – Она только выигрывает от того, что в ней нет одного общегосударственного языка, а их целых три: немецкий, французский и итальянский. И цивилизованные граждане демократического государства сами предпочитают язык, понятный для большинства! Французский язык не внушает ненависти итальянцам, ибо это – язык свободной, цивилизованной нации, язык, не навязываемый отвратительными полицейскими мерами. Так почему Россия, гораздо более пестрая и страшно отсталая, должна тормозить свое развитие сохранением какой бы то ни было привилегии для одного из языков – русского? Вот я вас спрашиваю, товарищ Очиров – я прав?

– Правы, Владимир Ильич, – отвечал Цуда.

Ленин удовлетворенно кивал, грозил кому-то невидимому пальцем и продолжал:

– Скинуть всякий феодальный гнет, всякое угнетение наций, всякие привилегии одной из наций или одному из языков – безусловная обязанность пролетариата как демократической силы! Безусловный интерес пролетарской классовой борьбы! Кстати, почему нам так долго ненесут фондю?!

Разговоры с Цуда о национальном вопросе подвигли Ленина написать ряд рефератов по этой теме, которые он успел прочесть за лето своим соратникам в Цюрихе, Женеве, Лозанне и Берне. Зрела большая статья «Критические заметки по национальному вопросу», которую он запланировал послать в журнал «Про-

священие», подписавшись псевдонимом «Ильин». Ленин даже предложил Цуда-Очирову выступить в качестве соавтора, как представителю национального меньшинства в России, но тот наотрез отказался. Впрочем, Ленин не особенно и уговаривал.

Они с Крупской уже готовились к отъезду; Надежда Константиновна отправилась к Кохеру на последний осмотр и получение каких-то советов и врачебных рекомендаций, а Ленин пошел навестить социал-демократа Шкловского. С собою он звал Очирова, но тот оказался, сославшись на занятость. Со Шкловским сговорились встретиться в небольшом полуподвальном кабачке, где отлично готовили суп с сыром и колбасный салат. Но, когда он уже подходил к месту randevu, минуя узкий мрачный переулочек, сжатый меж двух высоких каменных стен, его остановил незнакомец.

– Вы – Владимир Ульянов, называющий себя также Ильиным или Лениным?

– Позвольте... с кем имею честь?

Ленин стал потихоньку отступать назад, потому что человек говорил, словно жандармский чин, хотя вид имел совершенно не свойственный этому племени: крупный семитский нос, длинные сальные волосы, спадающие из-под широкополой шляпы, мушкетерская бородка.

– Да, я узнал вас. Мне правильно описали, – удовлетворенно произнес незнакомец. Он сунул руку в карман и вынул небольшой блестящий револьвер. – Имею сообщить вам, что вы приговорены к смерти. Приговор я исполню тотчас же, у вас есть последнее желание. Может, передать что-то вашей жене или товарищам по партии?

– Но я не понимаю... Если вы из Охранного отделения департамента полиции, то вы не можете... мы ведь в Швейцарии... – забормотал Ленин. Оружия он с собой не носил, и надеяться следовало только на быстроту ног, которой Ленин, впрочем, никогда не отличался.

– Я не из Охранного отделения, – в голосе длинноволосого послышалось презрение. – Я представляю сам себя как независимого деятеля анархо-террористического движения Европы. Меня зовут Бенцион Штернкукер, и я приговариваю вас к смерти за ваши действия, несомненно подрывающие идеи анархизма, которому – и только ему! – суждено спасти этот злосчастный мир.

Штернкукер говорил выспренно, но револьвер держал твердо, и видно было, что обращаться с оружием он умеет и имеет должный опыт. Ленин понимал, что анархист выстрелит быстрее, нежели он успеет повернуться и побежать. Может, попробовать его распропагандировать?! В конце концов... И Ленин торопливо заговорил:

– Простите, какие действия, «несомненно подрывающие»? Я всего лишь говорил, и вполне обоснованно, что анархисты отвергают всякую власть, не только государственную, отрицают общественную дисциплину, необходимость подчинения меньшинства большинству... В конце концов, они выступают против политической борьбы рабочего класса, против организации рабочих в политическую партию... Об этом можно дискутировать, зачем хвататься за оружие?! Ведь мы по сути на одной стороне!

– Я так понимаю, последнего желания не будет, – заключил Штернкукер, пропустив мимо ушей тираду Ленина. – Что ж, молиться вы тоже не станете, ибо атеист. Прощайте.

Но не успел анархист нажать на курок, как где-то за спиной у него послышался легкий звук, словно кося срезала куст сочной травы. Револьвер выпал из руки, звонко ударившись о булыжник, а потом с плеч Штернкукера медленно скатилась голова, теряя шляпу. Лопоухая и волосатая, она так же медленно подкатилась к ногам Ленина и смотрела теперь на него выпученными, начавшими стекленеть глазами, так напомнившими глаза больной Крупской.

– Как я кстати, товарищ Ленин, – сказал Цуда, пряча под плащ длинный клинок. – Я освободился и думал встретить вас возле ресторана, потом пошел навстречу и – вот...

– Искренне, искренне вам обязан! – воскликнул Ленин, с брезгливостью продолжая смотреть на голову. Патлы анархиста разметались вокруг нее, словно щупальца Медузы Горгоны. – Но идемте же отсюда скорее! Нас кто-нибудь мог видеть, приедет полиция... А я не в том положении, чтобы встречать в такие вот аринелевые ситуации!

– Вы правы, – согласился Цуда. – Полагаю, перед Шкловским мы извинимся позже.

С этими словами он увлек Ленина прочь, придерживая за плечо. Безголовый труп анархиста-террориста остался лежать на мостовой, и кровь потихоньку стекала в ложбинки меж булыжниками, помнящими еще Кальвина и Ульриха Цвингли.

* * *

Путь маленького отряда по Абиссинии складывался с переменным успехом. Сначала удрали Абдулайе, видимо, решив, что с безумными европейцами ему не по пути. Коленька сказал, что в отсутствие Гумилева Абдулайе постоянно пугал остальных слуг жуткими историями о том, что бывает с теми, кто идет в плохие земли. Слуги исправно пугались, но потом переводчик Феликс безапелляционно велел, чтобы Абдулайе заткнулся. Видимо, сказалось воспитание в католической миссии.

– Да, там их учат не пугаться своих привычных демонов, но взамен советуют пугаться новых, – согласился Гумилев. Переговорив с Феликсом, он выяснил, что Абдулайе действительно рассказывал байки о демонах, которые откусывают путникам головы, о говорящих павианах, которые заманивают людей в чащу призывами о помощи и потом разрывают на части, о мертвцах, которые приходят из пустыни и пьют кровь живых.

вых, потому что умерли от жажды и ничем, кроме крови, не могут ее удовлетворить.

— Они в самом деле боятся, господин, — сказал Феликс, зевая. Он вообще был довольно флегматичным и медлительным молодым человеком, с лишними сорока фунтами веса. — Не уверен, что они не удерут позже. Абдулайе сбежал, потому что он не так уж и беден, а этим каждый оплачиваемый день дорог.

— Но все равно рано или поздно сбегут? — уточнил Гумилев.

— Обязательно, господин, — равнодушным тоном предрек Феликс и опять широко зевнул.

Тогда Гумилев велел ему собрать на привале всех слуг и произнес короткую речь.

— Абдулайе — дурак, — начал он без обиняков. — Абдулайе — трус, который недостоин называться мужчиной. Из-за глупых сказок, которые рассказывают непослушным детям выжившие из ума старухи, он не получит своих денег. Я думаю, вы — воины, а не трусы, подобно Абдулайе. В конце пути вы получите много денег. А насчет историй о мертвцах и демонах я могу сказать: даже если они есть, они страшны только африканцам. Белому человеку нечего их бояться. Вот Феликс — он учился у французов, ему тоже нечего теперь бояться. Верно, Феликс?

Переводчик вяло и не слишком уверенно кивнул.

— Пока вы рядом с нами, и вам ничего не стоит бояться. Демоны сами прячутся от белого человека, потому ни один белый человек во всей Африке не видел еще демона.

— Потому что белые люди сами демоны, — проворчал один из слуг, но Гумилев сделал вид, что не слышал этих неучтивых слов. Слугу, впрочем, запомнил.

— Если вы хотите получить ваши деньги, вы пойдете с нами и будете во всем помогать, — заключил он. — Если нет — убирайтесь прямо сейчас.

Слуги зароптали, зашушкались между собой, после чего принялись расходиться.

– Нет, пока они не убегут, – с уверенностью сказал Феликс.

Вечером, ужиная жареной курицей и китай – мукой, поджаренной в прованском масле, – Коленька задумчиво рассуждал:

– Интересно, а в самом деле: вот христианские бесы, как известно, боятся креста и святой воды. А будут ли бояться их африканские бесы, или как они здесь называются? Для них-то крест, поди, ничего не значит. Или джинны и прочие ифриты – они тоже не обязаны бояться креста.

– Вот и проверим, – засмеялся Гумилев. Коленька вздохнул и поцеловал свой нательный крестик.

Сказать, что путешествие проходило занимательно, было нельзя. Коленька привычно ловил своих жуков, периодически отходя недалеко от тропы, Гумилев пытался охотиться – убил утку, а вот в гиену не попал. В иных местах охота на птицу была по каким-то причинам запрещена, о чем предупреждали туземцы.

Горы сменялись лесами, леса – горами, местные чиновники и царьки строили мелкие козни, которые легко устраивались за небольшую мзду; они же охотно фотографировались, после чего Коленька по вечерам проявлял снимки, получавшиеся с разным успехом.

В маленькой горной деревеньке Беддану они остановились у дяди переводчика Феликса. Дядя был не простой дядя, а местный геразмач, то бишь что-то типа подполковника. Звали его Мазлекие, и он с радостью устроил гостям довольно пышный по местным меркам обед, познакомив их с женой и детьми. Геразмач предупредил Гумилева, что через два дня пути начнется пустыня, в которой почти нет воды.

– Стоит ли вам туда идти? – спросил он. – Тем более с вами мальчик...

Но утром они тронулись дальше, поблагодарив доброго Мазлекие. Гумилев опасался, что Феликс может остаться у дяди, но тот, зевая, влез на своего мула и поехал вместе со

всеми. Видимо, помимо прочих благодетелей французские миссионеры вдалбливали своим ученикам чувство ответственности, каковое в африканцах обыкновенно отсутствовало вовсе.

Полого спускавшаяся с гор дорога повернула на юг и потянулась между цепями невысоких холмов; вокруг росли колючки и мимозы, странные цветы совершенно безумного и непривычного вида. Привела она в очередной город – это был довольно крупный административный центр под названием Ганами, в котором проживал начальник области фитауари Асфау с тысячей солдат гарнизона.

Сам Асфау отсутствовал, уехав куда-то по государственным надобностям, но его заместитель по имени Задынгыль радушно принял путешественников и угостил их чаем. Беседа была долгой и касалась как государственных дел, так и житейских, а в завершение Задынгыль тоже заговорил о пустыне.

– Но ходят же там люди? – спросил Гумилев.

Чиновник развел руками:

– Нашим солдатам нечего там делать, а караванщики, конечно же, ходят. Но путь очень трудный. Там живут львы и носороги, а еще...

Задынгыль осекся и замолчал.

– Что – еще?

– Разное рассказывают люди, нельзя всему верить. Я вижу, вы ловите жуков, покупаете старые вещи. Вы можете все это делать в Ганами, оставайтесь здесь столько, сколько вам потребуется. Я даже выделю вам людей, чтобы наловить жуков, каких вы скажете.

Но Гумилев вежливо отказался, и назавтра в полдень они покинули Ганами и скоро вышли в пустыню. Воды, как и обещали абиссинцы, не было – деревушки становились все мельче и попадались все реже, зато в стороне от дороги появлялись то дикая кошка, то леопард, внимательно наблюдавшие

за путниками. Слуги снова начали роптать, и Гумилеву пришлось пообещать, что он будет кормить их в пустыне из своих запасов.

Записи Гумилева в дневнике становились все короче и серьезнее:

«Идем среди колючек. Потеряли дорогу. Ночь без воды и палатки. Боязнь скорпионов. Вышли в 6 часов. Шли без дороги. Через два часа цистерна с проточной водой. Разошлись искать дорогу, все колючки, наконец условный выстрел. Пришли к галласской деревне. Стали просить продать молока, но нам объявили, что его нет. Мы не знали дороги и схватили галласа, чтобы он нас провел. В это время прибежали с пастбища мужчины, страшные, полуголые, угрожающие. Особенно один прямо человек каменного века. Мы долго ругались с ними, но наконец они же, узнав, что мы за все заплатили, пошли нас провожать и на дороге, получив от меня бакшиш, благодарили, и мы расстались друзьями».

В тот же день у Гумилева пропал бурнус. Слуги крайне опечалились, потому что по правилам они обязаны были теперь разделить между собой стоимость потери и возместить нанимателю. Они демонстративно осмотрели все свои вещи и, наконец, принялись за вещи приставшего к нам по дороге ашкера, отбившегося от своих хозяев.

– Это ложь! – стал кричать подозреваемый ашкер. – Идемте к судье, пусть судья нас рассудит!

– В пустыне судей нет, – резонно заметил Феликс.

Тогда ашкер бросился бежать, оттолкнув тех, кто стоял рядом. Все вещи, кроме ружья, остались на месте, и преследовать его не стали – слуги тут же вспороли мешок беглеца и, конечно же, обнаружили там пропажу. Бурнус вернули Гумилеву, и поскольку было уже поздно идти дальше, то искупались в небольшой цистерне с проточной водой, у которой остановились, и решили заночевать.

«Заснули на камнях без палатки, ночью шел дождь и вымочил нас. Утром абиссинцы застрелили антилопу, и мы долго снимали с нее кожу. Прилетали коршуны и кондоры. Мы убили четырех, с двух сняли кожу. Стрелял по вороне. Пули скользят по перьям. Абиссинцы говорят, что это вещая птица», – записал наутро Гумилев.

Именно вещая птица и принесла им жуткую находку. Пронесшись над самой головой Коленьки Сверчкова, она выронила ее рядом с мулом, мул шарахнулся; Коленька остановил его, чтобы посмотреть, что же потеряла ворона, и едва не упал в обморок.

На песке лежал человеческий палец. Гумилев спешился и, растолкав лопочущих слуг, нагнулся над ним.

Палец казался совсем свежим. Плоть ободрана с костей – то ли вороной, то ли еще кем-то, болтаются нити сухожилий, словно палец отрывали от кисти, выкручивали из нее.

– Люди боятся, господин, – доложил Феликс, хотя это и без того было видно.

– Что страшного? – спросил Гумилев, выпрямляясь. – Или они не видели трупов? В пустыне кто-то умер, ворона откладывала палец и понесла в свое гнездо, вороняткам.

– Они говорят, что пальцы очень любят демоны. Человеческие пальцы для демонов лучшее лакомство, – бесстрастно сказал Феликс. – Есть такие демоны, которые всегда откусывают у человека пальцы и обгрызают, а потом уже едят остальное.

– Ерунда, – возразил Гумилев и нарочно пнул палец ногою – тот улетел с дороги в мелкую траву за обочиной. – Этого проходящего и вора могли убить разбойники, его мог задрать леопард или лев... Да и мало ли откуда ворона принесла этот проклятый палец? Скажи им, что мы идем дальше, и довольно сказок.

Но прошли они недалеко. Спустя минут сорок один из слуг стал кричать, указывая налево, где в пустыне над чем-

то кружилась стайка птиц. Гумилев поспешил туда, за ним последовали остальные. Как ни печально, но это оказалось тело вчерашнего вора-ашкера. Бедняга лежал навзничь, устремив в небо вытаращенные глаза, а лицо его было искажено гримасой смертельного ужаса. Все пальцы на его руках были оторваны: четыре валялись рядом с телом, остальных не было видно. Каждый из четырех был обглодан, умело и со вкусом, как гурман обгладывает жареное голубиное крыышко.

– Отчего он умер?! – дрожащим голосом спросил Коленька.
– Никаких ран не видно... А пальцы-то оторваны. Зверь бы просто отгрыз.

– Боюсь, что помер он от испуга, – тихо ответил Гумилев. В самом деле, ни укусов, ни огнестрельных, ни сабельных ранений на трупе не имелось. Даже крови было мало, хотя пальцы из кистей и в самом деле были выворочены самым ужасным образом. – А оторвать палец – дело нехитрое тем, у кого у самого есть руки. Любая сильная обезьяна может это сделать.

Слуги собирались в сторонке, возле мулов, и перешептывались; к ним внимательно прислушивался Феликс. Ничего, подумал Гумилев, на ночь глядя никуда не сбегут, а с утра можно будет их припугнуть или, напротив, задобрить. Остаться без людей на таком важном отрезке пути он никак не планировал.

– Может, и в самом деле это сделали демоны?
– Ну какие демоны, Коля?! Мы живем в двадцатом веке, здесь, того и гляди, скоро железную дорогу проложат, а ты – « демоны»...

Однако Гумилев чувствовал себя неспокойно, и беспокойство это исходило от фигурки скорпиона. В первый раз за долгое путешествие он, казалось, о чем-то предупреждал... К тому же начинало темнеть, а тут еще этот чертов труп...

– Пусть они зароют мертвеца, – велел Гумилев Феликсу. Тот

передал приказание слугам, и они с недовольным видом отправились его выполнять. Естественно, тащить с собой труп в ближайший городок или деревню никто не собирался.

— Я думаю, заночуем здесь, тем более запас воды у нас есть, — сказал Гумилев Коленьке. Тот боязливо поежился:

— Тут же человека убили... Страшно, дядя Коля.

— И чем это место в итоге хуже других? В Абиссинии за последние лет сорок было множество войн, в которых убито множество людей. Откуда мы можем знать, где именно кто умер? И к тому же я ведь не предлагаю тебе спать на свежей могиле. Пройдем немного подальше, вон туда, где видны сухие деревца... Люди будут благодарны, они устали не меньше нашего.

Вдалеке, примерно в полуверсте, из песка действительно торчали какие-то уродливые черные ветки. Поскольку на привал остановились раньше, чем обычно, палатку поставили как полагается, и Коленька тут же улегся спать, даже не поевши, а Гумилев сидел у входа, чистил револьвер и слушал, как ссырятся слуги. Кажется, Феликс пытался их успокоить, но те не слушались. Опасения Гумилева подтвердились, когда переводчик подошел и сказал:

— Они боятся демонов, господин. Не хотят меня слушать. Говорят, что ночью придут демоны и всех убьют.

— Скажи, что мы скоро приDEM в Шейх-Гуссейн, святой город. Там не может быть никаких демонов. Не возвращаться же теперь назад?

— Я говорил им. Они боятся, господин.

— Пусть ужинают и ложатся спать, — распорядился Гумилев.

— Утром разберемся. Гарантирую, что все проснутся с целыми пальцами.

В палатке Гумилев решил не спать до утра, но только прилег на бурнус (тот самый, недавно украденный и вновь обретенный!), как сон нахлынул на него теплой волной, и он не заме-

тил, как задремал, хотя и боролся до последнего. Проснулся поэт от ружейного выстрела, прозвучавшего совсем рядом. Приподнявшись на локтях, Гумилев прислушался – не при-снилось ли ему. Стрелять больше не стреляли, но мулы вол-новались и фыркали, а слуги переговаривались между собою. Взяв револьвер, Гумилев выбрался из палатки.

Светало – это были те предутренние сумерки, в которые так тяжело бывает просыпаться. Поежившись, он подошел к сгру-дившимся вокруг маленького костерка ашкерам и спросил, что случилось.

– Гомтеса отошел по нужде, господин, – заговорил Феликс, перепуганный, с трясущимися губами. Остальные молчали, переглядываясь. – Потом он закричал и выстрелил. Мы боим-ся идти искать его.

– Жалкие трусы, – сказал Гумилев и взвел курок «веблея». – Куда он пошел?

– Вон туда, – показал Феликс.

Гумилев взял факел и пошел в темноту. Свет выхватывал из нее куски унылого пейзажа – песок, чахлые растеньица, какого-то зверька, бросившегося в сторону... Отойдя от па-латок шагов на сто, Гумилев заметил на песке темные пят-на. Нагнувшись и осветив их получше, убедился: перед ним кровь. Тут же валялось старенькое ружье, сломанное попо-лам.

– Дуралей, – сказал сам себе Гумилев, имея в виду, конечно же, незадачливого Гомтесу. – Наверное, его утащил леопард.

Само собой, в леопарда он не особенно верил. И окончатель-но разуверился в этой версии, когда едва не наступил на об-глоданный палец. В этот же момент кто-то шустро пробежал за спиной у Гумилева – обернувшись, поэт ничего не успел увидеть.

– Кто здесь?! – громко спросил он.

Тихий смех послышался справа. Выставив перед собою ре-

вольвер, Гумилев поднял факел повыше и в его неверном свете увидел странное существо. Размером с павиана, покрытое короткими редкими волосами серого, пыльного цвета, оно сидело на корточках и скалилось. В лапах тварь держала человеческую руку, без пальцев и всю искусанную до кости.

Недолго думая, Гумилев выстрелил, но чудище словно ветром сдуло, оно даже не бросило добычу. Понимая, что противник может наброситься в любой момент, Гумилев принял ся вертеться, но стрелять вслепую избегал, экономя патроны. В свете факела снова мелькнула пыльная тварь, бегущая на карачках, и снова пропала.

Тихий, издевательский смех раздавался то за спиной, то где-то впереди, то, чего уже совсем быть не могло – сверху. Это был, конечно же, не павиан, да и вообще не животное. Демон? Может быть, и демон. Но тот, кто пожирает человеческую плоть, пусть даже довольно избирательно, – материален. А любого материального врага можно убить, решил Гумилев.

Сзади снова послышался топот. Гумилев резко повернулся, уже готовый выстрелить, но это оказался всего лишь Коленька Сверчков с винтовкой в руках.

– Что тут, дядя Коля? – спросил он.

Мальчик, подумал Гумилев. Мальчик не побоялся пойти на помощь, а взрослые мужчины, воины, испугались. Они без страха пошли бы во тьму, зная, что там притаился отряд врагов, пусть даже втрое больший. А демон, обгладывающий пальцы, превратил их в стадо пугливых коз.

– Чуть тебя не застрелил, – сердито сказал Гумилев. – Становись рядом и внимательно смотри по сторонам. Если кого увидишь – сразу открывай огонь.

– Я на факел шел, – виновато пробормотал Коленька. – А как же стрелять? Вдруг это наш эфиоп?

– Ашкеры сюда не пойдут, а бедняга Гомтеса, полагаю, от-

бегался. Тут бродит какая-то тварь, в зубах держит человеческую руку, похоже – его рука.

– Какая тварь, дядя Коля?! – испуганно спросил Сверчков.

– Бог ее ведает... Вон она!

Гумилев выстрелил и на этот раз подбил чудище в прыжке – его отбросило назад, и, истошно визжа и выкрикивая непонятные слова, пыльный демон снова исчез. Коленъку затрясло.

– Кто это был?!

– Не знаю, но я в него попал, и ему не понравилось. Ч-черт...

Гумилев едва не выронил револьвер, потому что на него накатила мутная волна тошноты, в глазах заметалась черная мошька, и появилось желание лечь, расслабиться и уснуть прямо здесь, на холодном каменистом песке... Он опустился на одно колено. Рядом стонал Коленъка, он выронил винтовку и держался за голову.

Нельзя, нельзя поддаваться, твердил про себя Гумилев. Оказывается, он кричал это вслух, потому что Коленъка крикнул в ответ:

– Я не могу, дядя Коля! Что это?!

Мерзкий смех ночного пришельца возник из темноты чуть раньше, чем он сам. Гримасничающая, скалящая желтые кривые зубы образина, несомненно, не животное, но и точно не человек... Порождение древней пустыни, возможно, властвовавшее здесь до прихода людей, и, кто знает, не оно ли станет властвовать тут после их ухода...

Демон присел на корточки и, хихикая, наблюдал, как двое странных белокожих корчатся под его гипнотическими волнами. Он побаивался их оружия, но сейчас белокожие не могли им воспользоваться. Поиграть, а потом убить. Обглотать вкусные, сладкие пальцы... И тут демон насторожился, потому что белокожий постарше бросил факел наземь и

полез рукой в карман. Он и до этого ощущал непонятную, тихую опасность, исходящую от белокожих, но теперь это ощущение опасности усилилось. Демон решил не тянуть и побрел к людям, по-обезьяньи опираясь на длинные передние руки.

Гумилев вытащил из нагрудного кармана фигурку скорпиона, не сводя глаз с приближающегося страшилища. Кровь пульсировала в висках так, что казалось, голова вот-вот взорвется и разлетится в стороны кусками скальпа и костей. Но он нашел силы сжать фигурку в руке так, что жало вонзилось в ладонь. Эта боль словно отключила морок, насланный демоном. Вокруг стало почти светло, как днем, тошнота отступила, и Гумилев несколько раз подряд выстрелил прямо в осклабившуюся морду.

Крупнокалиберные пули в цель попали не все, но хватило и двух. Первая вошла в левый глаз демона и, пробив насквозь лохматую голову, улетела в сумрак. Вторая ударила в нижнюю челюсть и оторвала ее, оставив болтаться на одном суставе. Длинный язык, раздвоенный на конце, беспомощно мотался из стороны в сторону, а темная жидкость, похожая на кровь, но пахнущая резко и неприятно, хлестала во все стороны из разорванных сосудов.

Демон взвыл и обхватил голову лапами, словно пытаясь ее собрать воедино. Повреждения, которые убили бы любого человека или животное, причинили ему нестерпимую боль, испугали, но явно не были смертельными. Завопив еще громче, демон рванулся к Гумилеву, который продолжал нажимать на курок, но «веблей» лишь беспомощно щелкал, потому что барабан револьвера был пуст. Как последнюю защиту, Гумилев выставил перед собой фигурку скорпиона жалом вперед, и демон отшатнулся, но не остановился. Через мгновение Гумилев понял, что ему отрывают голову, и стало совсем темно.

* * *

Пароход «Принцесса Ирэн» ходко приближался к острову Капри. Цуда Сандзо, он же Жадамба Джамбалдорж, он же Илюмжин Очиров, стоял на носу вместе с другими пассажирами из Неаполя и смотрел вперед, на утренние портовые огни. Впрочем, теперь в его кармане лежали искусно выправленные в Цюрихе поддельные бумаги на имя татарина Габидуллы Иллалдинова. Цуда знал, что не слишком похож на татарина, но полагал, что и швейцарцам, и итальянцам на это плевать.

Швейцария успела ему надоесть, и возможность перебраться на Капри он принял с радостью. Благодарный Ленин выделил ему денег из партийной кассы, попросив встретиться с Горьким и уговорить его вернуться домой, в Россию. Горький находился на Капри уже семь лет, после того как вернулся из Североамериканских Соединенных Штатов. Цуда знал, что в 1905 году Горький был арестован и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости за то, что написал воззвание с призывом «к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием». Теперь же в России к трехсотлетию дома Романовых объявили амнистию, а Цуда как нельзя лучше подходил в качестве гонца: оставаться в Швейцарии после убийства анархиста он считал невозможным. Ленин поддержал его и просил не выносить эту историю на люди. Да Цуда и не собирался.

Анархиста Штернкукуера он обнаружил в одном из злачных мест Цюриха, где тот пил горькую. Представившись видным деятелем мирового анархического движения и поиграв перед Штернкукером громкими фамилиями – Шапиро, Корнелиссен, Малатеста, Кропоткин, Фабри – Цуда сказал, что хочет предложить ему особую секретную миссию в Берне. Штернкукер сразу же согласился, чересчур меркантильно для идей-

ногого анархиста уточнив, сколько ему заплатят. Цуда пообещал внушительную сумму, тем более что платить вовсе не собирался.

Остальное было делом техники: узнать, когда Ленин будет слоняться по Берну один, дать соответствующие указания Штернкукера, а потом «спасти» надежду российской социал-демократии. Цуда доставило большое удовольствие срубить голову Бенциона Штернкукера одним ударом, так поразившим Ленина...

– У вас огромное будущее, товарищ Джамбалдорж, то есть Очиров, – говорил Ленин, провожая Цуда. – У вас есть колоссальный багаж знаний, вы завидный логик, а главное – вы человек действия. Там, где другие говорят, вы действуете. Партии очень нужны такие люди. Хотите, я стану рекомендовать вас в Центральный комитет?

– Ни в коем случае, – воспротивился Цуда. Ленин не настаивал, как и в случае со статьей про национальный вопрос для «Просвещения».

– У Горького вам понравится, – сказал он. – Отличная вилла, чудесный стол, море... Отдохнете, поправите здоровье, хотя оно у вас и без того отличное. А самого Горького – домой, только домой. Он нужен нам в России со своим авторитетом.

О собственном здоровье Цуда думал, и не раз, хотя оно не беспокоило его; скорее наоборот. Японцу исполнилось недавно пятьдесят восемь, а в волосах не было седины, на лице – морщин, двигался он легко, словно молодой... В фальшивых бумагах Габидуллы Иллалдинова пришлось указать другой год рождения – не настоящий, 1855-й, а 1870-й, куда более соответствующий внешности бывшего полицейского из Оцу.

А еще Цуда думал, что он давно не советовался со сверчком. Но и сверчок ничего ему не говорил.

Стало быть, он все делал правильно и без помощи сверчка?!
Или попросту стал уже его частью?!

* * *

– …Дядя Коля! Дядя Коля!

Гумилев очнулся, потому что его немилосердно трясли. В ушах гудело, но сквозь гул явственно прорывался голос Коленьки Сверчкова.

– Дядя Коля, вы живы?!

– Жив, – сказал Гумилев. Понял, что сказал это про себя, и повторил уже вслух:

– Жив.

– Слава богу… А то я выстрелил, вы упали…

Гумилев попытался подняться, но не сразу преуспел в этом. Наконец он сел на корточки. Лежащий на песке факел уже почти погас; Коленька стоял на коленях рядом и взъерошено бормотал:

– Он близко так подошел, я винтовку подхватил и выстрелил… Попал, он закричал – и бежать.

– Мне казалось, что эта тварь оторвала мне голову, – сказал Гумилев.

– Это я у вас прямо над ухом стрельнул, – признался Сверчков виновато. – Он уже рядом был, лапы к вам протянул.

– Спасибо, – коротко сказал Гумилев. – Спас…

В ушах продолжало гудеть, но чувствовал он себя вполне сносно. Потерев виски, он наказал Коленьке:

– Никаких геройских историй, договорились? Никаких демонов. Был… был, скажем, леопард. Набросился, мы стреляли, он ходил кругами, потом, когда его ранили, удрал. Вполне правдоподобная история, не правда ли?

– Правдоподобная, – согласился Коленька. – Но кто это все же был? Сроду не видывал таких уродин. Уж точно не обезьяна.

Гумилев пожал плечами.

– Может быть, в самом деле пустынный демон… А может,

некое неизвестное науке допотопное животное, которое может посыпать... э-э... мозговые импульсы наподобие гипноза. Заморочит жертву, потом убьет и съест. Очень удобно.

— Но он смеялся, дядя Коля, — напомнил Сверчков. — Смеялся и говорил на каком-то тарабарском языке.

— Я читал, что некоторые обезьяны тоже говорят и смеются. Так что давай поскорее забудем эту историю, а то я уже представляю, как ты сочиняешь статью в «Ниву» — «Как я победил абиссинского демона».

Гумилев засмеялся, сам пораженный тем, что в нем нашлись для этого силы. Улыбнулся и Коленька:

— Скажете тоже... Я же понимаю, что никто не поверит. Но я еще хотел спросить, что это у вас такое?

— Где? — не понял Гумилев.

— Да вот, в руке.

Оказывается, фигурку скорпиона поэт до сих пор сжимал в кулаке. Пальцы удалось разогнуть с трудом, и, несмотря на глубокий прокол, оставленный жалом на ладони, крови снова не было.

— Это талисман, — сказал Гумилев. — Амулет.

Но, когда Коленька потянулся к скорпиону, чтобы взять и рассмотреть, Гумилев быстро убрал его в карман, пояснив:

— Это нельзя трогать.

Почему-то он понимал, что Коленьке в самом деле не нужно касаться этой странной вещицы. Негусу Менелику, Тафари — можно, но не Коленьке. Потому что Гумилев до сих пор не решил, добро или зло приносит скорпион. По крайней мере сейчас он немного помог, однако тварь не испугалась до конца и уж точно прикончила бы их, если бы не Коленька...

Спаситель, впрочем, не обиделся.

— Будем еще искать Гомтесу? — деловито спросил он.

— Бесполезно, — покачал головой Гумилев. — Не думаю, что без руки он остался жив, к тому же лишний труп означает

лишний испуг и лишние пересуды. А так, нет трупа – нет проблемы. Идем поскорее обратно, а то они еще решат, что мы мертвые, и в самом деле разбегутся.

Найдя свой револьвер, он уснастил пустой барабан патронами на случай возвращения их отвратительного знакомца, и они торопливо вернулись к лагерю. Ашкеры встретили их молчаливо и настороженно, только Феликс безмятежно дремал, протянув ноги к костру. Гумилев в очередной раз подивился плодам воспитания в католической миссии.

– Там был леопард. Он утащил дурака Гомтесу, хотел напасть на нас. Мы отстреливались, ранили леопарда, и он убежал в пустыню, – коротко объяснил ситуацию Гумилев. – Садитесь вокруг костра и смотрите по сторонам, уже почти утро, и я думаю, что леопард не вернется. Но ружья на всякий случай держите наготове.

Так они и просидели в тишине, пока не сделалось светло.

Перекусив чем бог послал, двинулись в путь. Ашкеры вели себя непривычно тихо, таращились по сторонам, словно ожидая нападения. Гумилев и сам периодически взглядался в пустыню, с тревогой искал взглядом уродливую фигуру, ковыляющую параллельно с их караваном. Но демона, или кто он там был на самом деле, Гумилев не видел. Коленька дремал, качаясь в такт с движением мула, но винтовку держал на коленях.

После полудня путешественники сделали привал, и получился он безрадостным – цистерна с водой, на которую они рассчитывали, оказалась пустой, а родник пересох. Неподалеку на песке лежали три дохлых раздувшихся мула, уже изрядно истерзанные падальщиками. Парочка гиен и сейчас вертелась поодаль, злобно посматривая на людей, мешающих трапезе.

– Кто-то прошел тут днем или двумя раньше, – сказал Гумилев, показывая на дохлятину. – Интересно, они двинулись дальше пешком, или эти павшие мулы не были последними?

– Может быть, не стоит здесь задерживаться? – с сомнением спросил Коленька. – Падалью воняет, и воды все равно нет...

– Ее и дальше нет, насколько я понимаю. Идти без остановки до ночи нет особого смысла. Передохнем хотя бы часок.

Воду пришлось экономить – вдруг и следующий привал окажется «сухим»? Надоевшая жареная мука застревала в глотке комком, и Гумилев, махнув рукой, откупорил бутылку вина, на которое сам наложил вето перед походом.

– Иисус превратил воду в вино, – заметил он, разливая темно-красную жидкость по кружкам, – а не вино в воду. И мы не пьяствуем, а всего лишь утоляем жажду.

– Кстати, вряд ли собравшиеся оценили бы чудо по достоинству, преврати Иисус и в самом деле вино в воду, – засмеялся Сверчков.

Ашкеры с завистью смотрели на европейцев, и Гумилев, размыслив немного, выставил им пару бутылок. Это оказало благотворное воздействие: абиссинцы развеселились, перестали испуганно озираться, а опустошив бутылки, принялись петь. Правда, привал несколько затянулся, но в путь они тронулись действительно отдохнувшими.

Пейзаж вокруг был таким же безрадостным, как и ранее, но уже не так угнетал. Коленька настыпал «Янки дудл денди», а Гумилев пытался восстановить в памяти облик своего ночных знакомца. Как часто бывает, после яркого впечатления трудно вспомнить его в деталях спустя несколько часов. Вот и теперь Гумилев представлял по отдельности то злые сверкающие глазки, то острые зубы, покрытые отвратительным желтым налетом, то когтистые руки, так похожие на человеческие... Но в целом все это не складывалось в картинку. Гумилев даже попытался нарисовать в блокноте морду чудовища, но выходило все не то, и он в сердцах вырвал страничку, смял и выбросил. Налетевший порыв ветра тут же унес легкий бумажный комочек в пустыню.

До следующего этапа своего путешествия они добрались даже быстрее, нежели рассчитывал Гумилев. Тамошняя цистерна была наполовину налита водой, не слишком свежей, но выбирать не приходилось. Пока ашкеры устанавливали палатки и разводили костер, Коленька с Гумилевым обошли лагерь по периметру. Все было спокойно, но внезапно Гумилев наклонился и что-то поднял с земли.

– Смотри, – сказал он.

Коленька с ужасом обнаружил, что дядя держит в руках человеческий зуб. Большой, с неаккуратно обломанными корнями, выпачканный в засохшей крови.

– Какая гадость, – пробормотал Сверчков. – Бросьте его скорее.

– Такое впечатление, что зуб не удален лекарем, а скорее выбит... Не нравится мне это, – покачал головой Гумилев. Они медленно пошли вперед, внимательно глядя в сторону чахлые кустики жесткой травы и песчаные наносы, и за пригорком нашли труп.

Негр, голый по пояс, с обритой головой, в широких полотняных шароварах, когда-то белых, а теперь темно-красных, почти черных, заскорузлых от крови, лежал на спине, широко открыв глаза и разинув рот. Руки раскинуты в стороны, и на них – ни одного пальца. Живот разорван, и сизые петли кишок змеятся по каменистому песку...

Коленька отбежал в сторону, где его тут же стошило. Гумилев отбросил в сторону зуб и присел на корточки. Пальцы у покойника были вырваны столь же жестоко, как у незадачливого вора-ашкера, чей труп они нашли в пустыне вчера. Вернувшийся Коленька тихо спросил:

– Дядя Коля, вы думаете, он вернулся?

– Кто?

– Демон.

– Я думаю, что он шел за нами. Вернее, впереди нас. Дорог здесь не так уж много, и он мог догадываться, что мы движем-

ся к воде и заночуем возле нее... Здесь ему и попался этот бедолага. Полагаю, совсем недавно – часа три-четыре назад...

– Вы говорите об этой твари так, словно она разумна.

– А кто сказал, что она неразумна? И давай все же не станем называть ее демоном. Это животное, очень умное, опасное, необычное, но – животное.

– Хорошо, – согласился Коленька.

– Ашкерам ничего не скажем, благо труп из лагеря не виден. Идем обратно. Советую немного поспать, пока еще светло – ночью нам спать вряд ли придется...

Так и вышло. С наступлением темноты Гумилев растолкал Коленьку, сладко спавшего на бурнусе у костра, и сказал:

– Дежурить будем вместе, не давая друг другу заснуть. Как только заметишь что-то необычное или почувствуешь... ну, ты понимаешь, о чем я... сразу говори мне.

– А что же ашкеры? – Коленька оглянулся на шумно спорящих абиссинцев.

– Я пожертвовал им несколько бутылок вина, куда добавил снотворное из аптечки. Сейчас погалдят еще немного и улянутся спать. С нами будет Феликс, я ему все рассказал, а от остальных вряд ли вышла бы польза. Они умелые и отважные воины, но против разбойников, а не против демона из пустыни. Пусть спят, иначе с перепугу перестреляют друг друга и нас. Мы или справимся без них, или...

Гумилев не договорил. Коленьку пробил озноб, он подвинул поближе к себе винтовку. Подошел Феликс – он был абсолютно трезв, ибо вина не пил, сказывалось католическое воспитание. В руке толстый переводчик держал свой карабин.

– Они совсем пьяные, – с плохо скрытым презрением сказал Феликс.

– Пусть веселятся, – махнул рукой Гумилев.

– Феликс, а ты слыхал раньше о таких тварях, что напала ночью? – спросил Коленька.

Толстяк покачал головой:

– Разные истории рассказывают, и я слушал их, когда был совсем маленький, а потом перестал. Хотя в пустыне кого только не встретишь. Но я думаю, что это всего лишь животные, а не порождения Ада. Значит, их можно убить.

– Учись, – сказал Гумилев Коленьке. – Французские миссионеры даром свой хлеб не едят. Наш друг Феликс рассуждает, словно парижский академик-естествоиспытатель.

– Я немного подремлю, – то ли спросил, то ли констатировал переводчик и, усевшись поудобнее, в самом деле тут же задремал, посапывая. Постепенно перестали шуметь и ашкеры, и на лагерь опустились тишина и тьма. Костер еле слышно потрескивал, пожирая тонкие сухие ветки, где-то далеко выл шакал, и Коленьке было совершенно не по себе.

Гумилев не подавал виду, но он тоже отчаянно трусил. Считая себя – и не без оснований – довольно храбрым человеком, он в то же время не представлял, что делать. Демон или неизвестное науке существо, противник был чересчур выносливым, хитрым и злобным. Несколько выстрелов в упор его, судя по всему, не остановили... Если только это была та же самая тварь, подумал Гумилев с ужасом. А если их несколько?! Стая?!

Но пугаться было уже слишком поздно, поэтому он толкнул Коленьку локтем и сказал:

– Пойду пройдусь. Будь начеку.

– Хорошо, дядя Коля. Может, я с вами?

По глазам парня было видно, что он отчаянно не хочет уходить от пламени костра в темноту.

– Сиди тут. Если что, я буду стрелять, бегите на помощь.

Гумилев взвел курок «веблея» и пошел прочь от костра.

Под подошвами тяжелых ботинок поскрипывали мелкие камешки. Удалившись от костра шагов на тридцать, Гумилев остановился и прислушался. Он почти ожидал услышать

мерзкое хихиканье и бормотанье, но над пустыней висела тяжелая, почти осязаемая тишина. Даже шакал перестал завывать.

Совсем близко, за пригорком, лежал мертвый негр, устремив глаза в ночное небо. Интересно, он шел один? Или его спутники тоже лежат где-то во тьме, с вырванными пальцами и распоротыми животами? Почему-то Гумилев был уверен, что шедший перед ними караван погиб. Не дай бог, чтобы и с ними случилось такое же...

Сплюнув три раза через левое плечо, Гумилев вернулся к костру. Коленъка вскинулся на его шаги, но тут же успокоился, увидав, что это не монстр. Феликс все так же дремал.

– Все в порядке, – сказал Гумилев, садясь. – Может быть, он не придет.

И в это же мгновение из темноты что-то прилетело, ударившись в самую середину костра и разбросав вокруг искры. Толстый переводчик мгновенно проснулся, Коленъка и Гумилев вскочили на ноги. Носком ботинка Гумилев выкатил из костра круглую бритую голову негра. Она была оторвана или откручена от туловища так, что несколько позвонков торчали из шеи, поблескивая белой костью.

Феликс перекрестился и забормотал слова молитвы:

– Величественная царица небесная, высочайшая повелительница ангелов! Ты получила от бога силу и миссию поразить в голову змея-сатану. Поэтому мы смиленно просим тебя, пошли нам на помощь твои небесные легионы, чтобы они под твоим руководством и твою силой преследовали адские силы, везде с ними сражались, отбили их дерзкие нападения и ввергли их в бездну.

– «Всего лишь животные, а не порождения Ада»? – скептически спросил Гумилев. – Ну-ну...

Феликс затряс головой, продолжая бормотать

– Кто, как господь, бог наш? Вы, святые ангелы и архангелы, за-

щитите и охраните нас! Добрая, нежная мать, ты навеки наша любовь и наша надежда! Матерь Божия, пошли нам святых ангелов, чтобы они нас защищали и отогнали бы от нас злого врага!

Визгливый хохот раздался совсем рядом, и Коленька, не целясь, выстрелил.

– Святая мать, приди на помощь бедным, обрати твой взор на малодушных, утешь опечаленных, проси за народ, умоляй за священников, заступись за людей, посвятивших себя служению Богу! – уже не бормотал, а вопил толстый переводчик. – Пусть все, которые почитают тебя, почувствуют твою помощь!

Гумилев сунул руку в карман и нашупал скорпиона. Он почему-то вспомнил о талисмане только сейчас, и едва не вскрикнул, когда в мякоть большого пальца вонзилось ост्रое жало. Тьма сразу же словно рассеялась, уступив место серым полупрозрачным сумеркам, и Гумилев увидел уродливую тень, прыгающую за пределами освещенного костром пространства. Это был тот же самый монстр, с изуродованным пулями лицом; однако раны выглядели так, словно им были не сутки, а как минимум несколько месяцев. Даже оторванная нижняя челюсть была на месте, а пустую глазницу закрывал отвратительный нарост.

Продолжая сжимать талисман, Гумилев поднял револьвер и прицелился. Казалось, противник почувствовал это, ибо метнулся в сторону и пропал за редким кустарником.

– Он там! – крикнул Гумилев.

Феликс и Коленька принялись палить в указанном направлении, и Гумилев почувствовал, как на него опять накатывает волна необъяснимой лени. Лечь поближе к костру, к теплым языкам пламени... Нет! Сжав кулак так, что жало вонзилось еще глубже, Гумилев решительно зашагал вперед, бросив:

– Не стрелять!

Коленька и толстяк-переводчик замерли с поднятыми винтовками. Гумилев сделал несколько шагов, и тут на него с во-

плем бросился демон. Тварь цапнула лапой за плечо, но промахнулась, проскочила по инерции дальше.

– Не стрелять! – снова закричал Гумилев, понимая, что в случае промаха предназначенные чудовищу пули вполне могут достаться ему. Демон развернулся и, рыча, пошел на Гумилева. Он выглядел неуверенным – не из-за скорпиона ли, продолжавшего впиваться в палец?

– Убирайся, – тихо проговорил Гумилев.

Демон остановился и наклонил свою безобразную голову набок, словно собака, когда она слушает человека.

– Убирайся. Не преследуй нас. Мы уйдем рано утром. Это – твой мир, мы здесь всего лишь случайные путники.

Гумилев не знал, понимает ли его чудовище. Но оно стояло и слушало, почти касаясь длинными когтистыми лапами земли. Потом что-то забормотало, словно рассуждая, и попятилось.

…Коленька и Феликс ждали у костра, то и дело переглядываясь. Гумилев вышел из темноты и устало сказал:

– Он ушел.

Присев на корточки, он положил на песок револьвер и протянул руку к огню, чтобы осмотреть рану, оставленную жалом скорпиона. Но раны не было.

– Боже, прибжище наше в бедах, дающий силу, когда мы изнемогаем, и утешение, когда мы скорбим, – заговорил Феликс, сжимая в руках карабин. – Помилуй нас, и да обретем по милосердию твоему успокоение и избавление от тягот через Христа, господа нашего.

– Аминь, – сказал Гумилев.

* * *

Рано утром, едва солнце показало краешек своего диска над далекими горами, Гумилев, Коленька и Феликс растолкали сонных ашкеров. Те вяло потягивались, разминали затекшие

руки и ноги, терли виски и дивились, что так крепко уснули вчера от нескольких глотков вина. С горем пополам ашкеры собрали палатки, которые так и не понадобились: все трое не спали до рассвета. Коленька то и дело порывался спросить Гумилева, что же там было и почему демон ушел, но получал в ответ лишь короткое:

– Испугался и удрал.

Феликс же смотрел на Гумилева с благоговением, словно на святого, посрамившего дьявола. Гумилев ничего против этого не имел.

Через день, который прошел совершенно без приключений, отряд спустился к речке Рамис, а потом достиг и реки Уаби, в которую Рамис впадал. Уаби нужно было преодолевать вброд, а то и вплавь – моста здесь не имелось.

В мутной воде вяло плавали крокодилы в таком количестве, что Коленька пробормотал:

– Как будет печально спастись от пустынного демона и закончить дни в желудке безмозглой рептилии, годной разве что на чемодан.

– Помнишь, ты учил, как по-абиссински «господин крокодил»? – напомнил Гумилев.

– Ато азо...

– Вот, а теперь чемоданами их обзываешь. Ладно, ничего страшного. Сейчас мы их малость проучим, этих господ чемоданов, то есть крокодилов.

По его указанию все принялись стрелять в воду и кричать. Крокодилы заволновались, вода вспенилась. Многие твари предпочли убраться восвояси, но несколько особенно крупных экземпляров остались, не реагируя даже на отскакивающие от толстых шкур пули.

– Придется переправляться, другого пути нет. Авось не съедят, – сказал Гумилев и подал пример, ступив в воду. За собой он потащил отчаянно сопротивляющегося мула. Полезли в реч-

ку и остальные, и все было хорошо, пока один из мулов не споткнулся и течение не понесло его вниз. Крокодилы оживились, мул истошно заорал, не желая быть съеденным, абиссинские ашкеры принялись палить из ружей, особенно и не целясь.

— Дядя Коля! — закричал Коленька, которому показалось, что крокодил откусил ему ногу, однако тварь всего лишь сорвала с нее гетру. Тут же верещал негритенок, которые тоже понес урон, и тоже незначительный — с него крокодил стащил юбочку-шаму.

Больше потерь не было. Переправившись и раздевшись догола, чтобы просушить вещи, они ловили рыбу и весело обсуждали событие.

— Мог бы ты, Коленька, прославиться! — со смехом говорил Гумилев, снимая с удочки большого сома, черного и с усами, как у отставного генерала. — Так и вижу заголовок: «Русского путешественника скушал чемодан».

— Про демона было бы куда интереснее, — заметил Сверчков.

— Я же просил: о демонах больше ни слова, — нахмурился Гумилев.

И в самом деле, о демонах они больше не разговаривали. Зато ашкеры постоянно пересказывали всем встречным и по-перечным историю о леопарде-людоеде, которого прогнали европейцы, и делали это так убедительно, что Гумилев в конце концов и сам в нее поверил.

Дальнейшая дорога не принесла никаких новых ужасов и потерь. Были проблемы с водой и провизией, но они решались по мере поступления — воду покупали у местных, стреляли дичь — антилоп амбараили, диких свиней. У Гумилева болели почки, но он держался — в любом случае докторов в окрестностях не имелось.

Наконец, когда спустились в равнину и вдали показалась Шейх-Гуссейнова гора, расстались со спутниками-абиссинцами.

— Представляю, какими подробностями обрастет теперь

история про жуткого леопарда, – говорил Гумилев, погоняя мула. – Уверен, в следующий мой приезд уже будут рассказывать, как храбрые ашкеры спасли двух европейцев от целой стаи. Никто не любит так врать, как солдаты и охотники, особенно первые. Любой героический эпос на три четверти выдуман. Уверен, даже Геракл совершил максимум три-четыре подвига, а потом их раздули до двенадцати.

Неудачно повернувшись в седле, он скривился от боли, и Коленька сказал:

– К доктору вам нужно, дядя Коля. Там, куда мы идем, есть доктор?

– В Шейх-Галласе? Нет, доктора там, скорее всего, нет. Зато там имеется Аба Муда.

– Аба Муда? А кто он?

Гумилев снова скривился от боли в почках и медленно, с выражением процитировал:

– «В обычай у галласов называть небо владыкой земли, их богом; это у них создатель, который по произволу своему убивает и по произволу оживляет; и ему приписывается всемогущая сила и власть. А еще они верят в одного человека из своих же, по имени Аба Муда, как верят иудеи в Моисея, а мусульмане в Мухаммеда, и ходят к нему издалека, и получают от него благословение на победу и благословение на добычу; и он сплевывает им на мирро слону, они же, завязав это, несут на мирре, чтобы служило оно им упоминанием в день битвы с теми, с кем они воюют».

– Откуда это? – спросил Коленька.

– «История Сисинния, царя Эфиопского». Конечно, Аба Муда никакой не бог, но зато вождь и духовный наставник Шейх-Гуссейна. Говорят, мудрый человек. Впрочем, посмотрим; может быть, это очередная охотничья история.

Добравшись до Шейх-Гуссейна, путешественники останово-

вились на окраине под двумя молочаями, после чего привели себя в относительный порядок и отправились к Аба Муда.

Тот принял Гумилева и Коленъку в доме с плоской крышей, где были три комнаты, одна отгороженная кожами, другая глиной. Ничего особенно святого или великого – везде ваялась всевозможная утварь, в двери постоянно лез мордой плешивый осел, и среди всего этого великолепия сидел на персидских коврах жирный негр, увешанный драгоценными побрякушками. Гумилев подарил ему бельгийский браунинг из своих запасов и портрет императора Николая Второго. Оба подарка были приняты благосклонно – браунинг поболее, портрет – поменее, после чего Аба Муда сообщил, что велел снабдить экспедицию провизией. Гумилев поблагодарил его и спросил, можно ли осмотреть гробницу Шейха Гуссейна.

– Гробницу осмотреть, конечно же, можно, – отвечал с хитрой улыбкой Аба Муда. – Но я велю своим людям зорко смотреть, чтобы вы не взяли с собой ни камешка, ни горсти земли оттуда, потому что делать этого нельзя. Я вам доверяю, но таков порядок.

– Разумеется, мы ничего не станем трогать, – заверил Гумилев.

– А твой государь – слабый человек, – продолжил неожиданно Аба Муда, помахивая портретом.

– Вы святой, но я могу счесть это за оскорбление, – начал было Гумилев, вставая, но вождь и духовный наставник Шейха Гуссейна перебил:

– Я не желаю никого оскорбить. Я просто говорю, что вижу. Я не знаю деяний твоего государя, ни добрых, ни злых; я ни разу не видел его доселе и вряд ли увижу после, кроме как на этой фотографической карточке. Я не знаю, любят ли его в твоей стране или проклинают. Я говорю то, что вижу своими глазами. Этот человек принесет вам большие беды.

– Это мой государь, – сухо сказал Гумилев. Краем глаза он

видел, что и Коленька поднялся в возмущении, и боялся, что тот наделает бед. – У меня нет иного.

– И еще раз повторю, если ты не услышал: я говорю то, что вижу. Принимать это или не принимать – твое дело, – произнес жирный негр, покачивая головой. – Если ты не веришь мне, то можешь после спросить у того, кто всегда с тобой.

– О чём ты говоришь?!

– Ты знаешь, – сказал Аба Муда, прикрыв глаза тяжелыми веками. – Ты знаешь.

Умолкнув, он сделал путешественникам знак уходить. Но сразу к гробнице они не пошли, потому что стояла ужасная жара, и выбрались туда лишь на следующий день.

Гробница представляла собой огороженное высокой каменной стеной кладбище с каменным домиком привратника снаружи. Входить туда разрешалось только босиком; Коленька и Гумилев сняли обувь и запрыгали по острым камням, больно коловшим ступни. Осмотрели гробницы, осмотрели пруд, вырытый Шейхом Гуссейном, вода в которой была якобы целебной.

Но более всего Гумилева заинтересовала пещера с очень узким проходом между камней, через который следовало пролезть. Сделать это мог только безгрешный человек. Если же кто-то застревал в дыре, то никто не смел протянуть ему руку и помочь, нельзя было кормить или поить такого человека, потому он умирал в страшных мучениях.

Эти жестокие правила весьма красноречиво подтверждали валявшиеся вокруг дыры человеческие кости и черепа.

– Небось специально набросали, для страха, – сказал Гумилев и принял снимать верхнюю одежду.

– Дядя Коля, ты куда?! – взъерошился Коленька. – Может, не нужно? Ну ее к бесам, эту легенду...

– Думаешь, застряну?! – Гумилев остановился.

– Нет, конечно... Но...

– Если застряну – значит, такая у меня судьба. Воды мне ненеси, и никак вообще не помогай, а то тебя, чего доброго, накажут. У них тут с этим строго.

– Сами же сказали – «набросали для страху».

– А если не набросали?!

Гумилев подмигнул племяннику и, оставшись в нательной рубахе, полез вниз. Уже протискиваясь между прохладными, пахнущими могилой камнями, он вспомнил, что металлический скорпион остался в нагрудном кармане. Гумилев даже замер, подумывая, не вернуться ли, но потом покачал головой и ужом ввинтился в расселину.

В какой-то страшный момент ему показалось, что он застрял. Острые грани камней давили на грудь и позвоночник, дернувшись взад-вперед, Гумилев не продвинул ни на вершок.

– Нужно успокоиться, – прошептал он.

Конечно, Коленька тут же полезет к нему, тащить. Конечно, легенда есть легенда, и вряд ли все действительно настолько ужасно. Но после встречи с пыльным демоном, смеющимся в ночи, Гумилев еще более внимательно стал относиться к поверьям и суевериям, какими бы странными они ни казались.

Выдохнув, он с новыми силами пополз вперед и через несколько мгновений очутился на свободе. Коленька, казалось, готов был закричать «ура!», и только святость места удерживала его от этого.

Гумилев поднялся наверх, отряхнулся и принял одеваться. Немногочисленные паломники смотрели на него с огромным интересом, потому что вряд ли европейцы до него пытались доказать свою безгрешность таким вот необычным образом. Один, в длинных белых одеждах, подошел совсем близко и сказал по-французски:

– Я в вас никогда не сомневался, господин Гумилев.

– Господин Мубарак, это вы?! – удивился поэт, застегивая пуговицы рубашки. Он провел рукой по нагрудному карману и ощутил знакомое покалывание – скорпион был на месте. Не ускользнул этот жест и от старика, спросившего:

– Помог ли вам мой подарок?

– Как видите, сейчас я прекрасно обошелся без него. Но однажды он спас меня и моего товарища. Совсем недавно, не так уж далеко отсюда.

– Вы смелый, но безрассудный человек, – покачал головой Мубарак. – Все, что я знал ранее о русских, полностью в вас раскрывается... Вот и сейчас – зачем вы решили испытать себя? А если бы застряли?

– И что, никто не помог бы мне?

– Ни один человек, уверяю.

– Никто не принес бы воды и пищи?

– А зачем это делать, если вы все равно умрете? Никто не захочет продлять муки грешника.

Мубарак дружески взял Гумилева за локоть и отвел чуть в сторону, чтобы Коленъка их не слышал. Впрочем, тот как раз увидел очередного жука для своей коллекции и наблюдал сейчас, как тот сидит на камне и греется в лучах солнца.

– Знаете, эта встреча явно не случайна, – сказал старик. – Возможно, мой подарок и в самом деле принесет вам только неприятности.

– Отчего же? Пока он мне лишь помогал. Но, если угодно, я могу его вернуть.

Говоря это, Гумилев вовсе не был уверен, что сможет отдать скорпиона.

– Подарки не возвращают... Я просто хотел бы предостеречь вас от лишних опасностей. Верьте в себя, не в скорпиона.

– Но я и не верю в скорпиона, – возразил Гумилев.

– До определенного времени – не верите. Но наступит час, когда вам потребуется осознать это для себя. Мы часто ста-

новимся рабами вещей, сами того не замечая. А рабом вещи быть куда опаснее, нежели рабом человека...

Гумилев оглянулся: Коленька все еще рассматривал смирно сидящего жука, который явно не тяготился таким вниманием к своей особе. Поодаль топтались соглядатаи Аба Муда – видать, приглядывали, чтобы Коленька этого священного жука не схватил и не положил преступно в карман.

– Кто вы, господин Мубарак? – неожиданно спросил Гумилев. – Я ведь вижу: вы не простой торговец. Постоянство, с которым вы попадаетесь на моем пути, тоже нельзя назвать случайным. Я уже подумываю, не было ли и ограбление в Джибути инсценировкой.

Старик расхохотался. Он смеялся долго, утирая слезы рукавом своих ниспадающих до земли одеяний, а потом сказал:

– Нет, поверьте мне, ограбление было самым настоящим. Но я рад, что встретил тогда вас, хотя, разумеется, справился бы с этими разбойниками без посторонней помощи. Видимо, нас свело вместе провидение. Вы не находите?

– А что такое провидение, господин Мубарак? Промысел Божий, предопределяющий управление миром, вселенной, людьми, всей природой? Рок, судьба?

– Мудрость и знание творца – Бог он или Аллах – так велики, что он знает даже количество волос на наших головах. Его пророчество нисходит до мельчайших пылинок летнего ветра. Он исчисляет пляшущую под солнцем мошку и плавающих в море рыб. В то время как под его контролем находятся великие светила небес, он не гнушается взорвать на текущую из глаза слезу. Так что для него свести в нужном времени и месте двух жалких смертных?

– Я готов принять и такое объяснение. Но наша сегодняшняя встреча – она ведь неспроста? И вы не просто хотели предупредить меня о некоем проклятии, довлеющем над фигурой скорпиона?

– Ну какое проклятие, что вы, – поморщился Мубарак. – Ни о каком проклятии я не говорю, я просто предостерегаю вас и прошу быть осторожнее. Вы мне симпатичны, вы на многое способны, а если учесть, что в вашей стране вскорости произойдут многие события, которым суждено перевернуть ход всей мировой истории...

Гумилев внимательно посмотрел на старика. Тот выдержал его взгляд и улыбнулся:

– «Кто вы, господин Мубарак?!» – снова хотите вы спросить? Я человек, я не дьявол и не ангел. Просто мне ведомо несколько больше, чем вам. Каждому человеку ведомо в чем-то больше, чем другому, а в чем-то – меньше. Такова жизнь. И я хочу, чтобы вы сберегли себя и уцелели в тех жерновах, что она всем нам готовит.

– Вы снова говорите загадками...

– Я сказал все, что хотел. То, что нужно, вы поняли или скоро поймете. Прощайте, господин Гумилев, – сказал Мубарак, прижав руку к сердцу и поклонившись. – Что-то мне подсказывает, что более мы не встретимся.

Повернувшись, он пошел по склону вверх, подметая длинными полами землю. Гумилев вернулся к Коленьке, все еще поглощенному созерцанием жука, и сказал:

– Странный старик, ты не находишь?

– Какой старик? – в недоумении спросил Коленька. – Я не видел никакого старика.

– Как же?! Он отвел меня в сторонку, мы беседовали, пока ты изучал насекомое.

– Вы стояли там один, дядя Коля. Стояли и что-то тихонько говорили, я подумал, может, стихотворение сочиняете, не стал мешать... Дядя Коля, может быть, нам все же поискать врача?!

Коленька был встревожен.

– Нет, не нужно. Все в порядке, Коленька. Все в полном порядке, – сказал Гумилев.

* * *

11 августа измученная экспедиция дошла в долину Дера, а 20 сентября вернулась домой.

Еще перед отъездом Гумилев сообщал жене из Одессы: «Целуй от меня Львеца (забавно, я первый раз пишу его имя) и учи его говорить «папа». Пиши мне до 1 июня в Дире-Дауа (Dire-Daoua, Abyssinie, Afrique), до 15 июня в Джибути, до 15 июля в Порт-Саид, потом в Одессу».

Но за полгода Анна Ахматова не написала мужу в Африку ни одного письма.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вместо эпилога

*Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 год
идти так же, как они шли с 1900 по 1912,
Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой
как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении.*

Эдмон Тэри, редактор Economist European, 1913 год

Возле вокзала прямо на тротуаре сидел нищий. Протянув длинные ноги в опорках, он гнусаво, но с большим чувством пел грустную песню:

*Вот киевский поезд к вокзалу пришел,
И светит ён там хвонарями.
Калека пустую подножку нашел,
Забралси туды с костылями.
Дерюнди-дерюнди,
Дерюнди-дерюнди,
Забралси туды с костылями.*

Гумилев остановился, прислушиваясь к необычному припеву и ожидая узнать, чем же закончится печальная история калеки, собравшегося куда-то ехать на подножке поезда, но нищий неожиданно завершил свою песнь и принялся есть. Из котомки он извлек краюху хлеба и луковицу, от которых принялся откусывать по очереди, даже не очистив при том лук. Покачав головой, Гумилев зашагал в сторону моста и неожиданно наткнулся на прохожего.

— Прошу прощения, — поспешил сказать Гумилев и поднял глаза. Перед ним был человек восточного типа, может, японец или китаец, а может, туркменец — лет сорока с небольшим, в хорошо сидящем черном пальто с собачьим воротником и в котелке.

— Не беспокойтесь, я сам был невнимателен, — учтиво произнес человек без малейшего акцента.

Но Гумилев не слушал его. Он чувствовал необычное тепло, разливающееся от нагрудного кармана, в котором неизменно хранился маленький скорпион. Не ускользнуло от его взора и то, с какой быстротой человек сунул руку в карман своего пальто.

— Еще раз прошу меня извинить, — повторил Гумилев, глядя в глаза незнакомца. Узкие и холодные, они были разного цвета.

— Что вы, не стоит, — Цуда Сандзо на миг приподнял котелок, повернулся и пошел прочь. Он ощущал, как в кармане пальто словно шевелится металлический сверчок, горячий, будто уголек из очага. Такого Цуда не испытывал никогда и не понимал, что же происходит. Жаль, что нет рядом старика, который мог бы, наверное, все объяснить...

Но в одном Цуда был уверен: именно встреча с этим русским, у которого желтое измученное лицо, заставило сверчка встрепенуться.

А значит, они еще встретятся. Непременно.

*Вот киевский поезд к вокзалу пришел,
И светит ён там хвонарями.
Калека пустую подножку нашел,
Забралси туды с костылями.
Дерюнди-дерюнди,
Дерюнди-дерюнди,
Забралси туды с костылями,*

— снова заорал нищий, отобедав. Но Гумилев его уже не слушал, а Цуда свистнул извозчика и поехал снимать комнату.

Он чувствовал, что в России назревает нечто особенное, и не мог не вернуться сюда вслед за Горьким, который прислушался к ленинскому совету. Пока все было, как и прежде, но Цуда ощущал ЭТО в воздухе, в людском движении, в дымках, поднимающихся над печными трубами, а главное – это чувствовал маленький металлический сверчок. А значит, все это было правдой.

Цуда смотрел на пролетающие мимо дома и улицы, думая, что любопытно было бы встретиться с русским императором. Любопытно – но не нужно. Усмирив восстание 1905 года, тот, верно, чувствовал себя сейчас весьма спокойно, и неразумно было бы нарушать это спокойствие. Пусть пребывает в неведении. А визит Цуда может оказаться ненужным толчком к действию...

За долгое время отсутствия в России Цуда продолжал изучать русского царя, которого едва не убил в свое время саблей. Он составил для себя вполне ясный портрет Николая Второго: глубоко несчастный государь, который никому не мог импонировать, и его личность не вызывала ни страха, ни почтения.

Царь был заурядным человеком со слишком противоречивым характером, страдавшим от двух недостатков, которые его – и в этом Цуда был уверен – скорее всего, и погубят: слишком слабая воля и непостоянство. Николай никому не верил и подозревал каждого. Цуда помнил слова Николая, пересказанные как-то Бадмаеву Распутиным, а Цуда – Бадмаевым: «Для меня существуют честные люди только до двух лет. Как только они достигают трехгодичного возраста, их родители уже радуются, что они умеют лгать. Все люди – лгуны».

Вследствие этого и царю никто не верил. Николай во время разговора казался очень внимательным и предупредительным, но никто не мог быть уверененным, что он сдержит свое слово. Очень часто случалось, что приближенные царя должны были заботиться о выполнении данного им слова, так как он сам об этом не заботился. Николай жил в убеждении, что все его об-

манывают, стараются перехитрить и никто не приходит к нему с правдой. Ему казалось, что его ненавидят даже собственная мать, и постоянная боязнь интриг и козней с ее стороны и со стороны ближайших родственников не оставляла его.

Привидение дворцового переворота постоянно носилось перед его глазами. Николай часто высказывал опасение, что его ожидает судьба сербского короля Александра, которого убили вместе с женой и трупы выбросили через окно на улицу. Видно было, что убийство сербского короля произвело на него особое впечатление и наполняло его душу содроганием за свою судьбу. К тому же ходили слухи, что в убийстве Александра – вполне, кстати, заслуженном – принимали участие некие русские!

Николай проявлял особый интерес к спиритизму и ко всему сверхъестественному: как только слышал о каком-нибудь предсказателе, спирите или гипнотизере, то в нем сейчас же возникало желание с ним познакомиться. Немало жуликов и сомнительных личностей, при других условиях и мечтать не смевших о том, чтобы их принимал русский император, сравнительно легко получали доступ во дворец.

Цуда не понимал, за что Россия наказана таким государем. Но он не собирался ничего ускорять, тем более стариk уже давно не появлялся, а значит, все шло так, как и должно идти. К тому же Цуда помнил: попав под дождь, ты можешь извлечь из этого полезный урок. Если дождь начинается неожиданно, ты не хочешь намокнуть, и поэтому бежишь по улице к своему дому. Но, добежав до дома, ты замечаешь, что все равно промок. Если же ты с самого начала решишь не ускорять шаг, ты промокнешь, но зато не будешь суеваться. Так же нужно действовать в других схожих обстоятельствах.

Это, разумеется, не относилось к русскому императору, но зато в полной мере относилось к Цуда Сандзо, проживавшему ныне в России с документами на имя крещеного татарина Габидуллы Иллалдина.

* * *

Подполковник Рождественский бросил папироску и быстро побежал к ближайшей пролетке. Довольно неучтиво оттолкнув какого-то бородача, он крикнул извозчику:

– Гони! Вон за тем экипажем!

Извозчик, прекрасно понимая, что за человек сел к нему только что, огрел лошадей. Опасно обогнув таращевший по булыжнику автомобиль, они пристроились за означенным экипажем и сбавили скорость. Извозчик, толстый мужик с продувной рожей арестанта и неопрятной бородищей, то и дело косился на пассажира и не удержался, чтобы не спросить:

– Кого ловим-то, ваше высокоблагородие? Небось, политический?

– Политический, – буркнул Рождественский. Он сразу узнал деятеля РСДРП Джамбалдоржа, пусть даже тот изрядно помолодел в сравнении с фотографиями, имевшимися в Охранном отделении. Джамбалдорж вроде бы скрывался где-то в Европе, а там не то что лицо – надо будет, и срамной уд новый приштопают, были бы денежки. А денежек, как не раз убеждался подполковник, у господ социал-демократов хватало.

– Не уясню я никак, что им такое надо, – забухтел извозчик. – Супротив царя-батюшки попереть, это ж что в голове быть должно?! Живется им плохо, что ли, ваше высокоблагородие? Вон, вижу, и в Думе сидят, и везде, в полтыах с воротниками, тросточки у них, часы золотые фирмы «Буре» с чапоцками... Мало, что ли?

– Значит, мало, – поддержал разговор подполковник. Он не гнушался вот таким общением с извозчиками, половыми, приказчиками и прочей швалью, которая подчас знала больше и соображала лучше, чем многие его подчиненные. – А ты сам-то что с ними сделал?

– Знамо что – на каторгу. Тут есть которые говорят удавить или, там, расстрелять, но это ж невыгодно. Нагадил – иди ра-

ботай, чтоб, значитца, государству было от тебя благосостояние. А то дави его да еще закапывай – растрата одна. А коли бог рассудит, то и сам на каторге сдохнет.

– Тебя бы, братец, в министры, – хмыкнул Рождественский. Извозчик и в самом деле рассуждал здраво, подполковник и сам прекрасно понимал, что политика императора в отношении его противников слишком уж мягкотела. И угораздило же царскосельскому суслику получить прозвище Кровавый! Даже Иван, и тот был всего-то Грозным...

– Так что ж, ваше высокоблагородие, – продолжал извозчик свои рассуждения, – они небось не сами по себе-то воду мутят? Платят им, поди? Точно, платят, вот помяните мое слово. А кто же платит? Германцы, поди? А то и англичане, они могут... Или жиды? Жиды, точно!

– И германцы платят, братец, и жиды, и англичане, – сказал подполковник. – Кто дает, у того и берут.

– Вишь, аггелы¹. Я и говорю: на каторгу их. Кайло, лопату, и пущай трудятся, покамест не сдохнут.

Извозчик обернулся через плечо, ища одобрения у пассажира. Тем временем шедший впереди экипаж остановился, и монгол Джамбалдорж спрыгнул на мостовую.

– Держи, братец! – Рождественский бросил вознице полтинник, дождался, пока Джамбалдорж отойдет чуть подалее, и тоже выбрался наружу.

* * *

Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский,

¹ Аггел – по установившемуся в русской речи употреблению означает падшего ангела, «служителя дьявола»

Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода низовских земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северных страны Повелитель; и Государь Иверского, Карталинская и Кабардинская земли и области Арменская; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель, Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Гольштейнский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая тем временем пил сельтерскую воду из стакана и изучал представленные ему статистические данные о двадцати годах его правления. При этом он напевал песенку, сочиненную скрипачом Гулеско, в которой распевалось про офицеров царского конвоя, забывших в публичном доме уплатить по счету. Песенка кончалась припевом: «Отдай мне мои три рубля»; царь эту песенку весьма любил.

Цифры не могли не радовать. За двадцать лет правления Николая II население империи возросло на пятьдесят миллионов человек, то есть на сорок процентов; естественный прирост населения превысил три миллиона в год. Благодаря росту сельскохозяйственного производства, развитию путей сообщения, целесообразной поставке продовольственной помощи, «голодные годы» в начале XX века уже отошли в прошлое. Неурожай более не означал голода: недород в отдельных местностях покрывался избытком зерна в других губерниях.

Урожай хлебных злаков (ржи, пшеницы и ячменя), достигший в начале царствования в среднем немногим более двух миллиардов пудов, превысил четыре миллиарда.

– Удвоилось количество мануфактуры, приходящейся на голову населения: несмотря на то, что производство русской текстильной промышленности увеличилось процентов на сто, ввоз тканей из-за границы также увеличился в несколько раз.

Добыча каменного угля увеличивалась непрерывно. Донецкий бассейн, дававший в 1894 году меньше трехсот миллионов пудов, в 1913 давал уже свыше полутора миллиарда, а по всей империи добыча угля за двадцать лет возросла более чем вчетверо. Быстро вырастала металлургическая промышленность. Выплавка чугуна увеличилась за двадцать лет в три с лишним раза; выплавка меди – впятеро; добыча марганцевой руды также в пять раз.

Основной капитал главных русских машинных заводов за три года возрос почти вдвое, а общее число рабочих за двадцать лет с двух миллионов приблизилось к пяти.

– Кабы эти рабочие да еще и вели себя спокойно, не подстрекаемые социал-демократами и прочими эсерами, – пробормотал Николай.

«С 1200 млн в начале царствования бюджет достиг 3,5 миллиарда, – продолжал читать он, иногда делая пометки на полях. – Год за годом сумма поступлений превышала сметные исчисления; государство все время располагало свободной наличностью. За десять лет (1904–1913) превышение обыкновенных доходов над расходами составило свыше двух миллиардов рублей. Золотой запас госбанка с 648 млн (1894 год) возрос до 1604 млн (1914). Бюджет возрастал без введения новых налогов, без повышения старых, отражая рост народного хозяйства...»

Особенно Николая радовало то обстоятельство, что русская армия возросла приблизительно в той же пропорции, что и население: нынче она насчитывала тридцать семь корпусов с составом мирного времени почти в полтора миллиона человек. После печальной японской войны армию пришлось основательно реорганизовать. Русский флот, так жестоко пострадавший, возродился к новой жизни, и Николай искренне считал, что в этом была его огромная личная заслуга – по сю пору помнил он, какие баталии приходилось выдерживать в Думе из-за флотских вопросов.

Любопытно, будет ли другая война?

– Два венца суждены тебе: земной и небесный. Играют са-

моцветные камни на короне твоей, но слава мира проходит, и померкнут камни на земном венце, сияние же венца небесного пребудет вовеки. Великие скорби и потрясения ждут тебя и страну твою. На краю бездны цветут красивые цветы, но яд их тлетворен: дети рвутся к цветам и падают в бездну, если не слушают отца. Все будут против тебя... Ты принесешь жертву за весь свой народ, как искупитель за его безрассудства.

Царь продекламировал эти слова японского отшельника, которые выучил с тех пор наизусть и не раз повторял – только себе, никому более, даже Аликс. Даже доброму, дорогому Григорию он не стал рассказывать об этом, как рассказал о злополучном монголе не то японце. Кружка, взятая у него, до сих пор стояла на столе. При чужих Николай прятал ее в ящик, но, когда оставался один, вынимал снова и порою долго смотрел, словно обычная кружка была расписным блюдечком с наливным яблочком, показывающим неведомое.

Надо было еще тогда его убить. Кто бы хватился? Дохlyм монголом больше, дохlyм монголом меньше... Николай вспомнил обрывок их беседы на выставке в Нижнем, словно прокручиваемый в синематографе.

«– Ты скажи-ка, монгол, если уж убивать не станешь, что дальше-то делать? Может, это предначертание, как ты говоришь? Коронация к чертям, французишка этот, Монтебелло, на меня гадом ледяным смотрел... Может, господь меня оставил, а? Может такое быть, монгол? Может, мне отречься?

– О чем бы ни шла речь, всегда можно добиться своего. Если ты проявишь решимость, одного твоего слова будет достаточно, чтобы сотрясать небо и землю. Но тщедушный человек не проявляет решимости, и поэтому, сколько бы он ни старался, земля и небо не повинуются его воле».

– Если ты проявишь решимость... Великие скорби и потрясения ждут тебя и страну твою... – повторил царь. – А вот выкусите, обезьяны! Где же скорби и потрясения?

Он схватил со стола отчет и громко прочитал:

– «Протяжение железных дорог, как и телеграфных проводов, более чем удвоилось. Увеличился и речной флот – самый крупный в мире. Пароходов в 1895 году было две тысячи пятьсот тридцать девять, в 1906 – четыре тысячи трехста семнадцать!» Видал миндал? Самый крупный в мире!

Внезапно Николай осекся, сообразив, что разговаривает то ли с самим собой, то ли с монголом, которого тут вовсе нету и ничего он слышать не может. Отбросив в сторону отчет, листами разлетевшийся по кабинету, царь схватился за свою больную голову. Может, он сходит с ума? Или он давно уже сошел с ума, и ему только кажется, что он управляет государством? А на самом деле сидит в доме для умалишенных, прикованный цепью, на грязном матрасе?

Неожиданно вошла Аликс.

– Что с тобой, Ники?! – спросила она. – С кем ты разговаривал? Здесь никого нет... Снова этот призрачный монгол?!

– Нет, – соврал Николай. – Просто... просто отрабатывал риторику. Я изучил сейчас статистические материалы за последние двадцать лет – Россия поднимается, растет! И в этом, конечно, моя заслуга.

– А если бы ты не даровал манифестами Думу и столь ожидаемые свободы, было бы еще лучше. Ну зачем, зачем ты допустил тогда эту слабость?!

Царь поежился. Он тоже до сих пор считал, что тогда, в октябре девятьсот пятого, позволил себе недопустимую слабость, когда разрешил Витте разработать манифест. Манифест о свободе, как его называли обычно, содержал три обещания:

«1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, по мере возможности, соответствующей кратности остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив затем даль-

нейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа избранникам обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за законностью действий поставленных от нас властей».

Либеральная общественность тогда встретила манифест с огромным ликованием. Цель революции считалась достигнутой, завершилось оформление партии кадетов, возник «Союз 17 октября» и другие партии. Но большевики сразу объявили Октябрьский манифест обманом и призывали все левые силы не признавать его. А большевиков Николай боялся куда сильнее, чем остальных, и потому выходило, что манифест был подписан зря.

– Я знаю, о чём ты думаешь, – сказала тем временем Аликс.
– О большевиках. И я давно говорила: с ними нужно жестче. Почему не убить этого ужасного Ленина!

– Аликс, милая, – пробормотал Николай, – мало ли тебе того, что и так меня зовут Кровавым?! Даже Николай Первый был всего лишь Палкиным... И представь, что случится, если убить Ленина.

– «Про него неверно говорят, что он больной, глупый, злой... Он просто обыкновенный гвардейский офицер», – ехидно процитировала в ответ Александра Федоровна. – Но Чехов сказал неверно, любой обыкновенный гвардейский офицер быстро разобрался бы с бунтовщиками.

Царь внимательно посмотрел на ее некрасивое лицо. Сейчас он ненавидел ее, как ненавидел во многие моменты жизни, как ненавидел, когда узнал что страшная болезнь – гемофилия – передалась Алексею, его единственному сыну и наследнику, именно по материнской линии... В висках застучало, залыпал старый шрам, полученный в Японии, и Николай с трудом подавил желание обхватить голову руками, упасть на диван и завыть в голос – так ему все это надоело.

– Я не хочу сейчас об этом разговаривать, – произнес он.

Но Аликс не унималась.

– Когда же ты поймешь, Ники? Почему ты невнимательно слушаешь Григория? Даже мелочи становятся великими, когда они по воле божией. Они малы сами по себе, но тотчас же делаются великими, когда исполняются ради него, когда ведут к нему и помогают навечно с ним соединиться. Вспомни, как он сказал: «Верный в мале и во мнозе верен есть, и неправедный в мале, и во мнозе неправеден есть».

– Я НЕ ХОЧУ СЕЙЧАС ОБ ЭТОМ РАЗГОВАРИВАТЬ! – закричал царь, стискивая голову ладонями.

Императрица со страхом посмотрела на него и быстро вышла прочь...

* * *

Подполковник Рождественский шел следом за монголом. Он помнил, что это весьма хитрая бестия – при задержании убил городового, кавалера двух крестов за японскую войну, и скрылся. Потом всплыл в Швейцарии, контактировал с Ульяновым-Лениным и его супругой, навещал Горького на Капри – это все говорило о довольно высоком его положении в РСДРП – и вот, видите ли, вернулся в родные пенаты. Хотя родные пенаты у него не здесь, а в дикой Монголии, где степь да верблюды. Принес же черт, как будто своих не хватает...

Упускать Джамбалдоржа подполковник не собирался. Он прикинул, что постараится взять его в любом случае, хотя противник, видать, опасный. Рождественский многое знал о японских видах рукопашной борьбы, сам кое-что изучил на досуге; точно так и у монголов могли быть свои хитрости. Покойный кавалер Старостин, которому Цуда распорол печень, это хорошо усвоил, только что другим рассказать теперь никак не мог.

Монгол тем временем свернул в проулок и стал подниматься по лестнице в «Номера Монтбланк», как гласила довольно аляповатая и облезлая вывеска. То ли у него там встреча, то ли

едва приехал и хочет снять себе меблирашку. Черт же с тобой, решил Рождественский, обожду.

Он стал возле афишной тумбы так, чтобы хорошо видеть лестницу, и закурил папироску. В кармане лежал браунинг девятый номер, состоявший на вооружении Охранного отделения, но это не успокаивало подполковника. Как назло, вокруг не было ни одного городового, которого можно взять на подмогу или отослать за таковой в участок... Рождественский зябко переступил с ноги на ногу и тяжело вздохнул. Подумать – он, подполковник, бегает по улицам, ловит злоумышленника... А что поделать, коли время таково? Особенно сердило Рождественского, что даже провокаторов к большевикам и прочим анархистам засыпать стало невозможно. Особенно тут навредил генерал Джунковский – бывший губернатор Москвы, а нынче командир Отдельного корпуса жандармов и товарищ министра внутренних дел.

– Провокацией я считаю такие случаи, когда наши агенты сами участвовали в совершении преступления! Сами устроят типографию, а потом поймают и получают ордена! – кричал Джунковский на подчиненных. Спорить с ним было трудно, ибо Рождественский и сам знал целый ряд подобных случаев, не принимая в них участия только ради сохранения чести. Но сейчас он был беспомощен и рассчитывать мог лишь на себя.

– Господи, пронеси, – пробормотал подполковник, бросил папироску и перекрестился. Тотчас же на лестнице появился Джамбалдорж, резво сбежал вниз и пошел далее по проулку.

Рождественский последовал за ним, сжав в кармане рукоять браунинга. Так они шли довольно долго, причем монгол даже ни разу не оглянулся – очевидно, не подозревая за собой слежку. Подполковник не раз давил в себе желание закричать: «Стой!», но держался до той поры, пока они не вошли в небольшой тупик, заканчивающийся краснокирпичной стеной. Но крикнуть «Стой» подполковник Рождественский не успел, потому что монгол повернулся к нему и спокойно сказал:

— Что вам угодно, милостивый государь?
— Вы — большевик Джамбалдорж, — произнес подполковник, извлекая браунинг.

— Увольте, меня зовут Габидулла Иллалдинов, — приветливо улыбаясь, возразил монгол. На мгновение Рождественский задумался, а не ошибся ли он в самом деле, но тут же опомнился:

— Я — подполковник Рождественский из Охранного отделения. Вы знаете, о чем я говорю. Поднимите руки и подойдите ко мне. Без шуточек, господин Джамбалдорж. Или вам приятнее обращение «товарищ»?

— Я не знаю, кто вы такой. Может быть, вы грабитель, — резонно отвечал монгол, не предпринимая никаких действий.

— У вас есть выбор? — Рождественский выразительно покачал вверх-вниз стволом пистолета.

— К сожалению, нет, — вздохнул монгол и сунул руку в карман пальто. Подполковник выстрелил раз и другой, полагая, что задерживаемый хочет вытащить оружие. С невыразимой тоской на лице Джамбалдорж покачнулся и повалился на бок. Рука его выпросталась из кармана, и что-то маленькое, бренча, покатилось по камням.

Не опуская пистолета, Рождественский осторожно подобрался к лежащему и нагнулся, чтобы подобрать оброненную вещицу.

Это был маленький металлический сверчок чуть больше настоящего, живого.

— Вы не в меня стреляете, подполковник. Вы стреляете в Россию, — едва слышно пробормотал монгол. Лужа темной крови под ним быстро увеличивалась в размерах.

Подполковник покачал головой и выстрелил еще раз, прицелившись в голову.

* * *

Николай не мог знать, что ни к одной стране судьба не будет так жестока, как к России. Ее корабль пойдет ко дну, когда

гавань будет уже в виду. Она уже претерпит бурю, когда все обрушится. Все жертвы будут уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладеют властью, когда задача будет уже выполнена...

В марте будущего года царь будет на престоле; Российская империя и русская армия будут держаться, фронт будет обеспечен и победа бесспорна.

Разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен будет исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи можно будет измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна.

В людях талантливых и смелых, людях честолюбивых и гордых духом, отважных и властных недостатка не будет. Но никто не сумеет ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России.

Но война еще не началась, и никто даже не думал, что она вскорости начнется. Потому император Николай Второй дождался, пока очередной приступ боли отступит, собрал с полу разбросанные листы доклада, сел и записал в своем дневнике.

«Все утро с 10 ч. до часа принимал доклады. Завтракал Иоанн. В 3 часа поехал с Ольгой и Татьяной в военный госпиталь и в лазарет Гусарского полка на елку. Гулять совсем не пришлось. Читал весь вечер и отвечал на телеграммы. В 11 1/2 веч. поехали в полковую церковь на новогодний молебен. Благослови, Господи, Россию и нас всех миром, тишиною и благочестием!»

– Зря я накричал на Аликс, – тихо сказал сам себе император. Он хотел уже пойти мириться и просить прощения, но тут вошел Распутин.

Григорий выглядел уныло – рубаха застегнута неровно, борода спутана, а запах мадеры, исходящий от него, тут же заполнил комнату вместе с запахом пота.

– Григорий, дорогой, – обрадовался царь. Распутин прошел мимо, сел на стул и сказал, словно продолжая давно начатый разговор:

– А я тебе тут подарочек припас. Ты возьми, не обидь.

– Что за подарок? – спросил Николай. – Ты же знаешь, я всегда благодарен тебе за то, что делаешь.

– Благодарен, говоришь, а сам не слушаешь. Ну да ладно, – махнул Распутин большой рукой с длинными ногтями. – Вот, бери уж.

Николай осторожно принял у Григория подарок – небольшую фигурку кота, сделанную из какого-то металла. Предмет был необычен – от Григория следовало ожидать образок, свечку, просфорку...

– Ты на шею-то надень, – так же безразлично прогудел Распутин. – Там бечевка приделана.

Да, это было нечто наподобие медальона. Царь аккуратно просунул голову в петлю; когда фигурка закачалась у него на груди, словно легкий озноб передернул плечи Николая. Он отнес это к последнему приступу головной боли и повернулся к Распутину со словами:

– Спасибо, Григорий.

– Спасибо после скажешь. Носи почаше, сам поймешь, зачем оно. А я, пожалуй, пошел. Устал сильно.

Распутин с кряхтением встал и вышел из кабинета. Николай растерянно посмотрел ему вслед, опять поежился из-за мурашек, словно бы разбегавшихся по телу от висящей на груди фигурки. Затем тяжело вздохнул, удивленный странным визитом Григория, и подошел к большому зеркалу. Взглянув на свое отражение, Николай застыл, не в силах двинуться.

Глаза у него были разного цвета.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ
Русский поэт Серебряного века
Отец Льва Гумилева, российского историка,
основоположника пассионарной теории этногенеза

Если у непостоянного и влюбчивого Гумилева и была любовь всей его жизни, то имя ей – Африка. Совершив три путешествия в Абиссинию, он посвятил ей множество стихов, вошедших в различные циклы и изданных в разных сборниках. Некоторые из этих стихов были написаны в России, другие – под жарким африканским небом и таинственными южными звездами.

Красное море

Здравствуй, Красное Море, акулья уха,
Негритянская ванна, песчаный котел!
На утесах твоих, вместо влажного мха,
Известняк, словно каменный кактус, расцвел.

На твоих островах в раскаленном песке,
Позабыты приливом, растущим в ночи,
Издыхают чудовища моря в тоске:
Осьминоги, тритоны и рыбы-мечи.

С африканского берега сотни пирог
Отплывают и жемчуга ищут вокруг,
И стараются их отогнать на восток
С аравийского берега сотни фелук.

Если негр будет пойман, его уведут
На невольничий рынок Ходейды в цепях,
Но араб несчастливый находит приют
В грязно-рыжих твоих и горячих волнах.

Как учитель среди шалунов, иногда
Океанский проходит средь них пароход,
Под винтом снеговая клокочет вода,
А на палубе — красные розы и лед.

Ты бессильно над ним; пусть ревет ураган,
Пусть волна как хрустальная встанет гора,
Закурив папиросу, вздохнет капитан:
— «Слава Богу, свежо! Надоела жара!» —

Целый день над водой, словно стая стрекоз,
Золотые летучие рыбы видны,
У песчаных, серпами изогнутых кос,
Мели, точно цветы, зелены и красны.

Блещет воздух, налитый прозрачным огнем,
Солнце сказочной птицей глядит с высоты:
— Море, Красное Море, ты царственно днем,
Но ночами вдвойне ослепительно ты!

Только тучкой скользнут водяные пары,
Тени черных русалок мелькнут на волнах,
Да чужие созвездья, кресты, топоры,
Над тобой загорятся в небесных садах.

И огнями бенгальскими сразу мерцать
Начинают твои колдовские струи,
Искры в них и лучи, словно хочешь создать,
Позавидовав небу, ты звезды свои.

И когда выплывает луна на зенит,
Ветр проносится, запахи леса тая,
От Сузда до Баб-эль-Мандеба звенит,
Как Эолова арфа, поверхность твоя.

На обрывистый берег выходят слоны,
Чутко слушая волн набегающих шум,
Обожать отраженье ущербной луны,
Подступают к воде и боятся акул.

И ты помнишь, как, только одно из морей,
Ты исполнило некогда Божий закон,
Разорвало могучие сплавы зыбей,
Чтоб прошел Моисей и погиб Фараон.

1918

Абиссиния

I

Между берегом буйного Красного Моря
И Суданским таинственным лесом видна,
Разметавшись среди четырех плоскогорий,
С отдыхающей львицею схожа, страна.

Север — это болота без дна и без края,
Змеи черные подступы к ним стерегут,
Их сестер-лихорадок зловещая стая,
Желтолицая, здесь обрела свой приют.

А над ними наступились мрачные горы,
Вековая обитель разбоя, Тигрэ,
Где оскалены бездны, взъерошены боры
И вершины стоят в снеговом серебре.

В плодоносной Амхаре и сеют и косят,
Зебры любят мешаться в домашний табун,
И под вечер прохладные ветры разносят
Звуки песен гортанных и рокота струн.

Абиссинец поет, и рыдает багана,
Воскрешая минувшее, полное чар;
Было время, когда перед озером Тана
Королевской столицей взносился Гондар.

Под платанами спорил о Боге ученый,
Вдруг пленяя толпу благозвучным стихом,
Живописцы писали царя Соломона
Меж царицею Савской и ласковым львом.

Но, поверив Шоанской изысканной лести,
Из старинной отчизны поэтов и роз
Мудрый слон Абиссинии, негус Негести,
В каменистую Шoa свой трон перенес.

В Шoa воины хитры, жестоки и грубы,
Курят трубки и пьют опьяняющий тэдж,
Любят слушать одни барабаны да трубы,
Мазать маслом ружье, да оттачивать меч.

Харраритов, Галла, Сомали, Данакилей,
Людоедов и карликов в чаще лесов
Своему Менелику они покорили,
Устелили дворец его шкурами львов.

И, смотря на потоки у горных подножий,
На дубы и полдневных лучей торжество,
Европеец дивится, как странно похожи
Друг на друга народ и отчизна его.

II

Колдовская страна! Ты на дне котловины
Задыхаешься, льется огонь с высоты,
Над тобою разносится крик ястребиный,
Но в сияньи заметишь ли ястреба ты?

Пальмы, кактусы, в рост человеческий травы,
Слишком много здесь этой паленой травы...
Осторожнее! В ней притаились удавы,
Притаились пантеры и рыжие львы.

По обрывам и кручам дорогой тяжелой
Поднимись, и нежданно увидишь вокруг
Сикоморы и розы, веселые села
И зеленый, народом пестреющий, луг.

Там колдун совершаet привычное чудо,
Тут, покорна напеву, танцует змея,
Кто сто талеров взял за больного верблюда,
Сев на камне в тени, разбирает судья.

Поднимись еще выше! Какая прохлада!
Точно позднею осенью пусты поля,
На рассвете ручьи замерзают, и стадо
Собирается кучей под кровлей жилья.

Павианы рычат средь кустов молочая,
Перепачкавшись в белом и липком соку,
Мчатся всадники, длинные копья бросая,
Из винтовок стреляя на полном скаку.

Выше только утесы, нагие стремнины,
Где кочуют ветра, да ликуют орлы,
Человек не взбирался туда, и вершины
Под тропическим солнцем от снега белы.

И повсюду, вверху и внизу, караваны
Видят солнце и пьют неоглядный простор,
Уходя в до сих пор неизвестные страны
За слоновою костью и золотом гор.

Как любил я бродить по таким же дорогам,
Видеть вечером звезды, как крупный горох,
Выбегать на холмы за козлом длиннорогим,
На ночлег зарываться в седеющий мох!

Есть музей этнографии в городе этом
Над широкой, как Нил, многоводной Невой,
В час, когда я устану быть только поэтом,
Ничего не найду я желанней его.

Я кожу туда трогать дикарские вещи,
Что когда-то я сам издалека привез,
Чуять запах их странный, родной и зловещий,
Запах ладана, шерсти звериной и роз.

И я вижу, как знайное солнце пылает,
Леопард, изогнувшись, ползет на врага,
И как в хижине дымной меня поджидает
Для веселой охоты мой старый слуга.

Африканская ночь

Полночь сошла, непроглядная темень,
Только река от луны блестит,
А за рекой неизвестное племя,
Зажигая костры, шумит.

Завтра мы встретимся и узнаем,
Кому быть владельцем этих мест;
Им помогает черный камень,
Нам — золотой нательный крест.

Вновь обхожу я бугры и ямы,
Здесь будут вещи, мулы — тут.
В этой унылой стране Сидамо
Даже деревья не растут.

Весело думать: если мы одолеем —
Многих уже одолели мы, —
Снова дорога желтым змеем
Будет вести с холмов на холмы.

Если же завтра волны Уэби
В рев свой возьмут мой предсмертный вздох,
Мертвый, увижу, как в бледном небе
С огненным черный борется бог.

1913

Юг

За то, что я теперь спокойный
И умерла моя свобода,
О самой светлой, о самой стройной
Со мной беседует природа.

В дали, от зноя помертвелой,
Себе и солнцу буйно рада,
О самой стройной, о самой белой
Звенит немолчная цикада.

Увижу ль пену побережной
Серебряное колыханье, -
О самой белой, о самой нежной
Поет мое воспоминанье.

Вот ставит ночь свои ветрила
И тихо по небу струится, -
О самой нежной, о самой милой
Мне пестрокрылый сон приснится.

1916

Вступление

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламя и дымы,
О тебе, моя Африка, шопотом
В небесах говорят серафимы.

И твое раскрывая Евангелье,
Повесть жизни ужасной и чудной,
О неопытном думают ангеле,
Что приставлен к тебе, безрассудной.

Про деянья свои и фантазии,
Про звериную душу послушай,
Ты, на дереве древнем Евразии
Исполинской висящая грушей.

Обреченный тебе, я поведаю
О вождях в леопардовых шкурах,
Что во мраке лесов за победою
Водят полчища воинов хмурых;

О деревнях с кумирами древними,
Что смеются улыбкой недоброй,
И о львах, что стоят над деревнями
И хвостом ударяют о ребра.

Дай за это дорогу мне торную,
Там где нету пути человеку,
Дай назвать моим именем черную,
До сих пор неоткрытую реку.

И последняя милость, с которойю
Отойду я в селенья святые,
Дай скончаться под той сикоморою,
Где с Христом отдыхала Мария.

Жираф

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

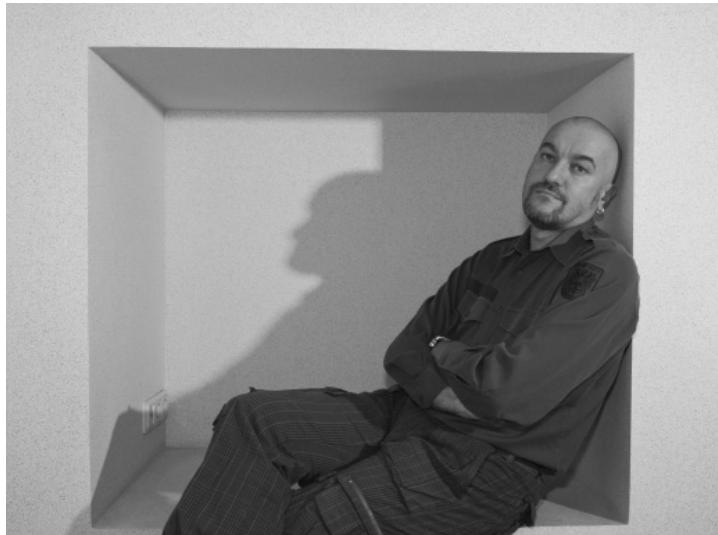
Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видят земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

1907

ЮРИЙ БУРНОСОВ

Юрий Бурносов родился в 1970 году в маленьком древнем городке Севске, что в Брянской области. Закончил Брянский государственный университет: по диплому – преподаватель русского языка и литературы, но ни дня в этом качестве не работал. Зато был санитаром (в том числе в морге), журналистом, редактором, пиарщиком, кинокритиком, чиновником и даже банкиром.

Автор сценариев нескольких популярных телесериалов и пятнадцати книг, в том числе написанных под псевдонимом Виктор Бурцев. Лауреат целого ряда литературных премий – от экзотических типа Почетной грамоты университета МВД Украины до номинации на «Национальный бестселлер». Роман «Чудовищ нет» был признан Книгой года-2007 по версии журнала «Мир фантастики» и сейчас перерабатывается в киносценарий.

Живет и работает в Москве, куда перебрался из Брянска пару лет назад. Хобби – военная история (особенно бронетехника и авиация), огнестрельное оружие, кино, музыка. В написании «Революции» автору помогали его любимые коты Сеня и Вася.

Чем вызван ваш интерес к событиям русской революции?

Во-первых, надо заметить, что эта тема не слишком востребована в фантастике. Если о Второй Мировой войне написаны тысячи криптоисторических романов, то революцию почему-то оставили за бортом. Хотя события 1917 года крайне занимательны, и мы, по сути, довольно мало о них знаем. «Официальная» история при Советской власти выглядела весьма однобоко, затем ее переделали весьма примитивным образом, перекрасив черное в белое и наоборот... В общем, непаханое поле. Грех было пройти мимо.

Ваш роман называется «Революция», но действие в нем начинается в 1891 году. Вы считаете, что если бы не покушение на цесаревича Николая в Японии, октября семнадцатого не было бы?

Я скорее готов утверждать, что революции не случилось бы, будь то покушение удачным. Но в любом случае незамеченным для будущего императора оно не прошло - это касается хотя бы головных болей, мучивших Николая на протяжении всей его жизни. Да и отпечаток на его характере покушение явно наложило - подозрительность и недоверчивость царя стали ярко проявляться именно после поездки в Японию.

Однако немало исследователей считают, что Николай, напротив, был чересчур доверчив - и в частности, слепо верил «старцу» Григорию Распутину, имевшему на него огромное влияние. В вашей книге Распутин если и упоминается, то мельком - судя по всему, вы не разделяете подобную точку зрения?

О Распутине лично у меня не поднимается рука писать после замечательного, хотя и спорного, романа Валентина Пикуля «Нечистая сила». Лучше в любом случае не получится, поэтому Распутин в моей книге присутствует опосредованно - в царских дневниках, например. Хотя во второй книге «Революции» он займет больше места. Что же касается доверчивости Николая, то она была странной - доверяя тому же Распути-

ну, чье воздействие на царя было безусловно негативным, Николай не доверял тем, кому должен был доверять - тем же министрам или военным. Серьезные вещи он отмечал, а откровенно диковатые - поддерживал. Взять хотя бы историю с «царь-танком» Лебеденко, сорокатонным трехколесным монстром, который и ехать-то толком не мог - Николай лично курировал этот абсурдный проект.

То есть царь, которого принято считать миротворцем, и который выступал, как мы сейчас сказали бы, против гонки вооружений, поддерживал подобные проекты? Говорят, что тибетский лекарь Бадмаев, о котором вы тоже пишете в книге, предлагал Николаю план по присоединению к России Тибета и Китая. Это правда? И как отнесся к этому предложению последний российский император?

Строго говоря, Бадмаев предлагал сей проект еще Александру Третьему, и тот, проникшись, выдал требуемый стартовый капитал. Но Бадмаев его истратил не столько на присоединение Китая и Тибета (еще речь шла о Монголии), сколько на раскрутку собственного торгового дома «Бадмаев и Ко». Николай идею тоже поддержал, но не столь азартно, и в итоге кончилось тем, что министерство финансов попросту перестало выделять Бадмаеву средства. А тут еще и русско-японская война... Кстати, Витте, который, по сути, и зарубил проект Бадмаева, предлагал присоединить к России Абиссинию. Что любопытно, это было вполне реально. Жаль, что дальше разговоров дело не двинулось...

Кстати, об Абиссинии... В романе туда совершают две экспедиции замечательный русский поэт Николай Гумилев. В свое время приятели поэта сомневались в том, что Гумилев ездил куда-то дальше Каира, и считали, что всю «африканскую экзотику» он просто выдумал. Теперь же приходится слышать обратное - будто бы Гумилев выполнял в Абиссинии секретное задание российского Генерального штаба, то есть, по сути, работал на русскую разведку. А что было на самом деле?

На самом деле экспедиций было три, и всем им есть довольно серьезные документальные подтверждения. Главной, разумеется, была третья экспедиция, которую Гумилев «выбил» в Императорской Академии наук. После нее остались и собранные коллекции - этнографические и энтомологические, и фотографии, и дневники... Однако мало кто знает, что по факту экспедиций Гумилев в самом деле составил для Генерального штаба меморандум со всесторонней характеристикой Абиссинии, и в том числе - с точки зрения военного потенциала. Если же учесть, что по всему пути следования Гумилеву оказывалась максимальная помощь - с тем же пароходом вопрос был решен чуть ли не за час - становится понятным, что цели у экспедиции были... не совсем этнографическими. Конечно, напрямую называть Гумилева разведчиком вряд ли верно, но миссию его смело можно считать разведывательной.

А бывший офицер (впоследствии монах-схимник) Булатович, на встречу с которым едет попутчик Гумилева по первой экспедиции - он какого рода деятельностью в Абиссинии занимался?

О, Булатович - интереснейший персонаж. Это, кстати, прототип того самого «гусара-схимника Буланова», о котором рассказывает Остап Бендер в «Двенадцати стульях». Булатович поехал в Абиссинию по линии Красного Креста, но здесь тоже все не так просто - корнет и лейб-гусар, уже через год он был военным консультантом и доверенным лицом абиссинского императора Менелика II. Негус как раз воевал с итальянцами и параллельно наводил порядок среди враждебных племен. Булатович не только давал советы, но и воевал лично, а также совершил несколько экспедиций, собрав уникальный материал и посетив некоторые места, куда европейцев пока не заносило. Гумилев относился к Булатовичу и его работам с чрезвычайным уважением. Кстати, Булатович ездил в Эфиопию и уже будучи иеромонахом - изучал возможность открытия там православной миссии. К сожалению, Менелик как раз умер, и с миссией ничего не получилось.

Получается, что разведкой в описываемый вами период занимались и поэты, и монахи. А что же главный отрицательный герой романа - Цуда Сандзо? Он тоже реальный персонаж? И считаете ли вы сами его отрицательным?

Скажем так: в те времена довольно мудро поручали разведывательные функции разным людям, как побочные. Тот же Гумилев в экспедиции фотографировал как туземцев в национальных одеждах, так и порты, и крепости. Что касается Цуда Сандзо, то он персонаж реальный наполовину. То есть такой человек был, действительно совершил покушение на цесаревича Николая, а потом очень быстро умер в тюрьме. Стопроцентного подтверждения его смерти не существует, поэтому я и решил - японца не убивать. И посмотреть, во что могла бы выиться его дальнейшая миссия. В итоге получился герой, которого отрицательным называть не совсем верно - он во многом лишь бездумное орудие, и только к концу книги начинает действовать самостоятельно. По крайней мере, ему так кажется. И потом, он же не совсем сволочь. Ничего особенно отвратительного он не делает. В определенные моменты он делает, в общем-то, малозначительные с виду вещи, которые приводят к последствиям исторического масштаба. А ведь по сути, история так и творится. И порой можно задуматься - а творится ли она сама или кто-то эти малозначительные вещи тщательно планирует?!

А кто те загадочные люди, которые в Порт-Артуре снабдили бывшего «японского городового» магнитной миной и аквалангом (и это за сорок лет до его официального изобретения)? Вы раскроете эту тайну в следующих книгах?

Пусть это пока и останутся «загадочные люди». Во второй книге они появятся еще как минимум один раз. А вот будет ли раскрыта тайна, покажет время. Я вообще старался разбросать по тексту множество «крючков». Причем некоторые появились буквально сами по себе, не будучи запланированными сюжетно.

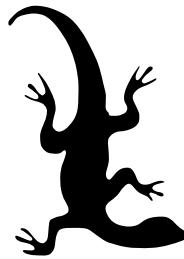
А появятся ли во второй и третьей книге серии новые предметы с удивительными свойствами?

Один из них, как мог заметить читатель, уже появился в самом конце первой книги. Разумеется, будут появляться и другие, но «основными» - или как их лучше назвать? - останутся сверчок и скорпион.

Будут ли связаны романы цикла «Революция» с другими книгами проекта «Этногенез» сквозными персонажами?

Я думаю, что во второй и третьей частях «Революции» обязательно появятся персонажи, связанные с одной из моих любимых книг проекта – «Блокадой». Тем более события «Революции» исторически плавно перетекают как раз в предвоенные и военные времена. Но кто это будет и что он станет делать - пока говорить, конечно же, рано.

Сергей Волков

Маруся²

Книга вторая
ТАЁЖНЫЙ КВЕСТ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2009

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2009

ЭПИЗОД 1

72 часа

1

Всегда есть свобода выбора. Если нельзя выбрать обстоятельства, всегда можно выбрать поступок.

Убежать было нельзя. Спрятаться некуда. Оставалось только смириться и идти вперед. Идти было тяжело. Под ногами чавкало, и, чтобы сделать очередной шаг, приходилось с силой выдирать сапог из пухистого мохового ковра, устилавшего все вокруг. Впереди качалась сплошная стена деревьев, расеченная надвое просекой.

Там должна быть тропа.

Надо только дойти.

Маруся остановилась, вытерла лицо рукавом комбинезона. Комбинезон дурацкого синего цвета и тяжеленные резиновые сапоги она обнаружила в рюкзаке, который висел сейчас за спиной. Обнаружила, когда пришла в себя и смогла двигаться.

Двигаться – куда? И зачем?

Облизнув пересохшие губы, Маруся обвела взглядом окрестности. Где она? Почему солнце такого жуткого, кровавого цвета и висит так низко над горизонтом?

Уровень адреналина в крови резко поднялся. Дышать стало трудно.

Чер-рт! Ненавижу, ненавижу, ненавижу!..

Страх, гнев, обида и унизительная слабость смешались с приступом паники.

Бунин, Алиса – все эти предатели из Зеленого города... Предатели и негодяи!..

Все происходящее было вне представления Маруси о добрे и зле. Голова раскалывалась.

Надо взять себя в руки! Надо успокоиться. Все получится. Это просто игра, чья-то идиотская игра. «Убить своего отца!!!» Это слова из бездарного сериала, снятого пааноиком. Удобно, когда тебя принимают за глупого ребенка, особенно если ты намерен податься в героя. Но ребенок не может быть убийцей! Или может?..

Паника разрасталась. Маруся зажмурилась, уговаривая себя, что все это происходит не на самом деле и даже не с ней. Этого всего лишь сон. Обычный ночной кошмар. Но ничего не помогало. Ей было страшно.

Она попыталась снова себя подбодрить.

Лучший способ обезоружить того, кто на тебя нападает, – во всем с ним соглашаться. Хотите меня испытать? Что ж, у меня получится. Я выдержу. Моим возможностям нет предела. Я сильная, умная... – Маруся попыталась найти еще какое-нибудь позитивное определение и добавила: красивая. – Да, этого у меня не отнять. Нужно еще всего лишь немногого везения... Черт! Что я несу?!

Маруся снова скисла.

Я боюсь!

Страшные слова уже готовы были сорваться с языка. Но Маруся сдержалась.

Я боюсь и совершенно не знаю, что делать дальше... Нет, надо остановиться и подумать.

И присесть. Обязательно присесть, иначе я просто упаду...

Оглядевшись, Маруся заметила в стороне ствол поваленного дерева. Кое-как доковыляв до него, она уронила рюкзак в траву и плюхнулась рядом.

Вдали, за зубчатой кромкой леса, пылали горные вершины, освещенные заходящим солнцем. Пустошь, расстилавшуюся вокруг, тоже залило красным. Когда-то здесь полосой прошел

лесной пожар, сожравший деревья. Их черные обглоданные скелеты, заросшие серым лишайником, кое-где еще торчали изо мха, а у подножия погибших древесных исполинов уже поднялась весело зеленеющая поросьль. Перекликались птицы, в сухой траве трещали кузнечики, комары живым облаком висели в воздухе, но близко не подлетали: комбинезон Маруси, пропитанный специальным составом, отпугивал кровососов.

Девочка достала из кармана коммуникатор, с надеждой взглянула на экран. Увы, приема нет. Привычный, надежный, столько раз выручавший Марусю аппарат не в силах помочь ей сейчас.

До папы не дозвониться.

Помощи ждать неоткуда.

И все проблемы придется решать самой...

Маруся закрыла глаза и попыталась еще раз вспомнить все, что случилось с того момента, как профессор Бунин произнес эти страшные, колючие слова: «А пока... Пока ты должна убить своего отца!»

2

Кажется, в первый момент она растерялась. И даже сказала: «Хорошо». Потом испугалась. Испугалась, потому что поняла, ЧТО сказал Бунин.

Сжала в руке ящерку. Ухватилась за нее, как за соломинку, в надежде, что фигурка поможет, защитит, спасет. А профессор все говорил, говорил спокойным, даже доброжелательным голосом: «Ты сделаешь все, что я тебе скажу. Ты должна убить Андрея Гумилева».

У Маруси закружилась голова, перед глазами поплыли темные пятна. Слова Бунина превратились в буквы, огромные буквы злого багрового цвета: «Ты должна убить... Должна убить. Убить!»

«Папу?!» – едва не закричала тогда Маруся, но словно чья-то невидимая рука сдавила ей горло. Багровые буквы росли, увеличивались. Они заняли все ее сознание, вытеснили другие мысли, подчиняя девочку чужой воле.

Убить! Убить!! УБИТЬ!!!

Стало нечем дышать, тело пронзила острая боль. Маруся рванулась, пытаясь освободиться от навалившейся на нее силы. Ящерка в руке вдруг сделалась невозможна холодной, обожгла пальцы. «Нестор говорил, что она может защитить меня», – вспомнила Маруся, из последних сил отталкивая от себя багровые буквы.

Свет! Белый, холодный, чистый свет! Он хлынул из ящерки, смывая страшные слова в голове. Сразу стало легче дышать. Маруся открыла глаза – или они были открыты, просто исчезли темные пятна? Она увидела хмурого Бунина, сжимавшего в руке серебристую фигурку орла. Профессор досадливо пожал плечами и опять заговорил:

– Ты должна убить...

На этот раз Марусе пришлось еще тяжелее. Они с ящеркой сопротивлялись из последних сил. Было больно. Очень. Мышицы сводило судорогами, сердце колотилось как бешеное. Маруся упала на колени, уперлась рукой в пол. Багровая мощь орла билась с белым светом ящерки, билась, давила – но не могла победить.

Она не заметила, когда в комнате, напоминавшей бункер, появилась Алиса.

– Ничего не получается, – сердито бросил своей помощнице Бунин. – Она не поддается! Придется пробовать запасной вариант.

Все это девочка слышала как сквозь вату.

«Запасной? О чем это он?»

Профессор поднялся из кресла, подошел к Марусе, присел на корточки.

– Маруся, ты меня слышишь? Ты меня понимаешь?

Шевелиться не хотелось. Хотелось спать. Лечь и уснуть. Вот прямо здесь, на каменном полу. Но Маруся все же заставила себя поднять голову и посмотреть в разноцветные глаза Бунина. Она даже сумела прошептать:

– Я вас... спасала! А вы...

– Пойми, девочка моя, я вынужден это сделать, – раздраженно проговорил профессор. – Человечеству, всей Земле грозит гибель. И гибель эту несет твой отец. Я понимаю, ты мне не веришь. Для тебя он – близкий, родной человек.

– Папа... – у Маруси на глаза навернулись слезы. – Мой папа...

– Но это уже не так! – Бунин глубоко вздохнул, уселся на пол рядом с Марусей, дружески обнял ее за плечо. – Того Андрея Гумилева, которого ты знала всю свою жизнь, больше нет. Да и никогда не было. Начнем с того, что он погубил твою мать.

– Мама пропала без вести!

– Это не так, – мягко произнес Бунин. – Я еще раз повторяю: Андрея Гумилева, такого, каким ты его знала, нет.

– А кто... есть?

– Монстр. Мерзавец, задумавший погубить планету.

– Не-е-ет! – отчаянно замотала головой Маруся. – Вы врете! Вы все врете! Мой папа...

– Твой папа – преступник! – вмешалась в разговор переминаясь с ноги на ногу Алиса.

Огненный шар ненависти вспыхнул в сознании Маруси. Превозмогая боль, она стряхнула с плеча руку Бунина, поднялась, шагнула к Алисе с таким лицом, что та невольно попятилась.

– Мой отец хороший! Он не может... Это вы... вы – преступники! – выкрикнула Маруся и закашлялась.

– Эх, девочка моя, если бы ты только знала, – развел руками Бунин. – Впрочем, сейчас ты все равно ничему не поверишь.

Поэтому я... мы даем тебе возможность убедиться во всем самой. Сегодня понедельник. У тебя есть три дня, до четверга. В четверг, в день своего рождения, ты сама сделаешь то, о чем я тебя просил. Уверен: сделаешь!

– Никогда! – заорала Маруся, повернувшись к профессору, и снова закашлялась. У нее возникло бешеное желание вцепиться ногтями в лицо Бунина, расцарапать его в кровь...

Господи, как вы все мне надоели!

– Время нас рассудит, – пробормотал Бунин и сделал знак Алисе. Маруся слишком поздно поняла, что зря повернулась к ней спиной. Она услышала короткий писк инъектора и почувствовала боль в плече. А потом голова закружилась и навалилась такая слабость, что даже моргать стало тяжело.

Будто наблюдая со стороны, Маруся видела, как Бунин осторожно подвел ее к креслу, заботливо усадил, сложил руки на коленях. Алиса забросила за спину небольшой квадратный рюкзачок, взяла у профессора змейку Юки и какую-то фотографию. Напутствие оказалось кратким:

– Оставиши ее здесь, – указав на снимок, сказал Бунин. – Пожажешь направление, отдашь коммуникатор – и возвращайся.

Алиса кивнула, повернула голову к Марусе, улыбнулась. Нет, скорее ухмыльнулась, не без торжествующей злобы.

«Дрянь, – подумала девочка. – Все-таки она – редкая дрянь». То, что произошло потом, лишний раз убедило Марусю в этом. Алиса, поигрывая змейкой, подошла к сидящей девочке, неожиданно уселась ей на колени, крепко обняла и...

И поцеловала в губы!

Маруся попыталась вырваться, но после укола тело совершенно не слушалось ее. Девочке стало дурно – это напоминало страшный сон.

Вдруг мягкий, рассеянный свет померк, на мгновение воцарилась тьма, а потом в глаза девочке ударили солнечные лучи. Она упала во что-то мягкое, оцарапала спину и увиде-

ла над собой редкие облака. Алиса разжала руки, вскочила.

– Через пять минут действие парализанта пройдет, – сообщила она. – Твой путь – через гарь во-он туда, к просеке. Там будет тропа. Пойдешь по ней и... В общем, там уже сама разберешься.

Почувствовав, что может шевелить языком, Маруся что есть сил завизжала:

– Дура!

Алиса сбросила в мох рюкзак и присела на корточки рядом с девочкой. Двумя пальцами она сжала Марусе щеки, вздернула ее голову вверх.

– Да нет, дорогуша. Дура – это ты. Эх, сказала бы я тебе... Впрочем, ладно... Слушай: на коммуникаторе выставлен таймер. Он ведет обратный отсчет. Семьдесят два часа. Если ты не уложишься в это время... Но ты уложишься. И убьешь Гумилева.

– П-почему? – пробормотала Маруся.

Сунув руку за пазуху, Алиса вытянула цепочку, на которой покачивалась серебристая фигурка, выполненная в знакомом стиле.

Кот.

«Она владеет предметом, – страх сжал сердце Маруси. – Каякая бы способность ни была у этой стервы, хорошего ждать не стоит».

– Я умею видеть будущее, – холодно сказала Алиса. – Не все, а кусочками. Как будто видеофайл нарезали на кадры. Так вот, я видела, как ты на своем дне рождения стреляешь в Андрея Гумилева. В своего отца. Прощай.

Она поднялась, положила на клапан рюкзака носовский коммуникатор, фотографию, полученную от Бунина, послала Марусе воздушный поцелуй и исчезла. Наступила оглушительная тишина, а потом где-то в стороне зловеще закаркал ворон...

К тому моменту, как Маруся обрела способность двигаться, комары искали ее так, что голые руки, ноги, шея и лицо покрылись красными пятнами. Надо было спасаться. Но как?

«Рюкзак! – поняла Маруся. – Наверняка там есть какое-нибудь средство. Не на смерть же меня сюда отправили?»

Но, кое-как добравшись до рюкзака, девочка первым делом схватилась за коммуникатор. Он работал, но только на прием. Функция исходящих сообщений была отключена. Как – Маруся не знала. Раз десять набрав номер папы, она разозлилась, отшвырнула коммуникатор и с треском рванула клапан рюкзака – комары одолели ее окончательно.

Внутри оказалась масса вещей, и среди них – форменный комбинезон Зеленого города, используемый учащимися на практических занятиях. Сбросив легкое платье, Маруся быстро натянула его на себя. Великоват, но сойдет. Комары немедленно отстали: ткань была со специальной пропиткой.

Теперь можно осмотреться. Несколько раз внимательно обведя взглядом окрестный лесисто-горный пейзаж, Маруся поняла только одно: она понятия не имеет, где очутилась. Это, конечно, плохо. Но у нее есть направление – та самая просека, на которую указывала Алиса. Там должна быть тропа. А тропа – это люди. А люди – это коммуникаторы. А коммуникаторы – это папа. А папа – это спасение.

«Поем, вымоюсь, выслюсь – и Бунину с его командой подонков не поздоровится! Хватит глупостей. Все расскажу папе», – решила Маруся.

Немного успокоившись, девочка приступила к осмотру содержимого рюкзака. Итак, у нее были: бутылочка с водой, нож, «вечная» китайская зажигалка, резиновые сапоги, шерстяные носки, фонарик, влажные салфетки «смерть вирусам», два сигнальных факела типа «Зеленое пламя» и какая-то кар-

тонная коробочка с грубо напечатанной картой и надписью «Беломорканал».

– А папиросы-то мне зачем? – пробормотала девочка. – Лучше бы еду положили. Гады!

После борьбы с орлом и укола парализанта у нее кружилась голова, мысли путались. Сжав в ладони ящерку, девочка попыталась встать. Получилось плохо – Маруся едва не упала. Обутые в легкие туфли ноги промокли и разъезжались во влажном мху. Пришлось натянуть тяжеленные сапоги. Стоять и ходить стало удобнее.

Нашивку на комбинезоне она заметила не сразу. На левой стороне груди желтый матерчатый прямоугольник с надписью «Алиса Сафина. Группа 1».

– Ну уж нет! – взвилась Маруся, схватила нож и принялась спарывать нашивку с ненавистным именем. Руки еще плохо слушались ее, и пару раз лезвие соскальзывало, оставляя в комбинезоне дыры.

Так и зарезаться недолго.

Наконец желтая нашивка полетела в кусты. Маруся спрятала нож в карман, отышалась и потянулась за водой. Пластиковая бутылочка закончилась на удивление быстро, зато чувство голода немножко отступило.

Теперь пора в дорогу. Скоро вечер, а ей до темноты обязательно нужно найти людей. Подобрав коммуникатор, она заметила поодаль что-то белое. Это была фотография, врученная Буниным Алисе.

Маруся подняла снимок, прочитала надпись «Долина реки Ада, 2009 год», перевернула. Бумага была старой, краски выцвели. Но то, что снимок был сделан на этой пустоши, она поняла сразу – те же горы за лесом, те же обгорелые деревья. А на том месте, где сейчас стояла Маруся, вольготно расположилась группа улыбающихся людей, одетых в полевые камуфлированные костюмы. Несколько совершенно незнакомых девочке мужчин и женщин.

– Но одна из девушек вроде бы смутно кого-то напоминает,
– подумала Маруся.

Стоп!

Маруся всмотрелась в снимок. Точно. Она не раз видела эти глаза, задорно вздернутый нос, улыбку, поворот головы... Ей стало жарко, в ушах зашумело.

Догадка была как вспышка:

– Мама?!

4

И вот теперь Маруся бредет по этой проклятой выгоревшей пустоши к тропе, и мысли в ее голове напоминают мотыльков, кружящих летней ночью вокруг лампы. Их так же много, и они такие же бесполковые. Почему мама на этой фотографии? Она была здесь в экспедиции или... или это просто фотомонтаж?

Междуд тем лес приблизился. Маруся увидела здешние деревья. Они даже близко не походили на те, к которым она привыкла. Ну, разве что и у тех, и у этих есть ствол и ветви.

Серая, будто серебряная, кора. Узловатые черные сучья, все усеянные какими-то уродливыми вздутиями. Вместо листьев – короткие зеленые волоски. Не иголки, как у сосны или елки, а именно волоски, тонкие и мягкие. И еще запах. Деревья пахли неожиданно приятно – свежо, бодряще. Маруся повеселела и сразу же вспомнила картинку из учебника по ботанике: это лиственницы. Сибирские лиственницы.

– Чер-рт! Я что, в Сибири? – от неожиданности девочка остановилась. – Хотя от этих сумасшедших всего можно ожидать...

Значит, не лес вокруг. Не лес, из которого можно выбраться к вечеру или хотя бы на следующий день. Выйти к шоссе или к железной дороге.

Вокруг тайга. Бескрайняя, раскинувшаяся на сотни, если не на тысячи, километров.

Тайга. Какое жуткое, безнадежное слово...

Вечерело. На моховой ковер легли длинные фиолетовые тени. Тропа, если только так можно было назвать чуть заметную среди высокой травы дорожку, обнаружилась не сразу. Марусе пришлось покружить по опушке леса, прежде чем она нашла уводящую вглубь зарослей тропинку. Нашла – и так обрадовалась, что, забыв про усталость, с шумом и треском бегом бросилась по ней.

Стволы, ветки, густая зелень кустов – все замелькало перед глазами, сливаясь в пятнистую мешанину образов. Наверное, поэтому медведя Маруся заметила не сразу. Огромный зверь, покрытый свалившейся коричневой шерстью, выкатился на тропу и замер, с удивлением глядя на человека. От него остро пахло гнилью.

Маруся тоже застыла, тяжело дыша. Она уже знала, что произойдет в следующую секунду. Адреналин хлынет в кровь и...

Медведь коротко рыкнул, сделал шаг вперед. Девочка вытаращила глаза и завизжала так, как умеет это делать только Маруся Гумилева, обладатель почетного звания «Чемпион школы по художественному визгу». Понятное дело, сейчас она ни о какой художественности не думала. Ей просто было очень СТРАШНО!

Бежать! Надо бежать!

Зачем-то прижав руки к груди, Маруся, не переставая голосить, сломя голову помчалась в чащу, не разбирая дороги. Спотыкаясь в тяжелых сапогах о лиственничные корни, натыкаясь на острые сучки, ломая ветки, задевая лицом космы свисающего мха, она продиралась наобум, совершенно не думая, куда несут ее ноги...

Марусе каждое мгновение казалось, что медведь бежит за

нею, что он вот-вот настигнет ее, схватит, подомнет, откроет грязную пасть...

– Не-е-ет! Не хочу-у-у!! – закричала девочка. Она вломилась в густой осинник, выскочила из него, вся облепленная круглыми маленькими листочками, упала в ручей, промокла, начерпав полные сапоги воды. С трудом вскарабкавшись на глинистый берег, вновь бросилась бежать. Сердце билось в груди. Сделалось совсем темно. В каждой коряге, встреченной на пути, в каждой изогнутой ветке ей чудился теперь какой-нибудь хищник, жуткая зверюга, изголовившаяся к прыжку.

Надо было остановиться, передохнуть, собраться с силами. Тяжело дыша, Маруся на бегу обернулась – может быть, медведь отстал? Она не заметила поваленного дерева, запнулась и кувырком полетела вниз по косогору, несколько раз чувствительно ударившись о стволы лиственниц. В довершение всего рюкзак стукнул ее по затылку, вмяв лицо в муравейник.

Отплевываясь, Маруся встала на четвереньки. Налетел ветер, и тайга вокруг зашумела, затрещала сучьями, заговорила на непонятном девочке языке. Пронзительно закричала какая-то птица.

– Мамочки... – жалобно простонала Маруся в отчаянии. Из последних сил она поползла вперед, туда, где между деревьями ей почудился просвет.

Это была даже не полянка, а просто небольшая прогалина посреди сплошной чащи. На ней в гаснущем свете дня Маруся увидела небольшую избушку под замшелой крышей, на которой покачивались тоненькие деревца.

Люди!

Последним усилием девочка доковыляла до избушки, толкнула очень низкую дверь, обмерла на секунду – вдруг заперто?

Открыто!

Ввалившись в темное нутро, пахнущее прелью и сеном, Маруся захлопнула за собой дверь и сползла по ней на пол.

Спасена!

Теперь надо попытаться остановить паническую атаку. Как? Пластиря стопадреналина у нее нет. Можно попробовать обратный отсчет от ста – иногда это помогает.

– Сто... Девяносто девять... Девяносто восемь, девяносто семь... – дрожащим голосом зашептала Маруся. – Девяносто шесть...

– Зафем фумиши? – прогудела темнота. – Моя спать. Тфоя спать.

Такого Маруся никак не ожидала и зажала грязной ладонью рот, давя рвущийся наружу крик. Успокоившееся было сердце боевым барабаном ударило в уши.

– Кто тут? – выждав несколько секунд, с опаской пискнула девочка.

– Моя дом, – басом отозвался неизвестный. – Жифу тут.

И во мраке вспыхнули два желтых немигающих глаза. Маруся присмотрелась и задохнулась от страха: зрачки у неизвестного хозяина избушки были нечеловеческие, вертикальные, как у кошки.

Она попыталась выскочить наружу, толкнула дверь раз, другой, но та не поддавалась. Желтые глаза сдвинулись с места и поплыли к ней...

Всхлипнув от ужаса – кричать она уже не могла, – Маруся провалилась в спасительное забытье...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

УЖЕ В ПРОДАЖЕ...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	
Меч и трость	3
ГЛАВА ВТОРАЯ	
Сверчок на Хоккайдо	21
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
Мунан	31
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
Молчаливые	52
ГЛАВА ПЯТАЯ	
Дельфины и скорпион	66
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
Негус негести	93
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
Заговор и бегство	113
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
Путешествие из Петербурга в Харар	128
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
Демоны пустынных земель	157
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
Вместо эпилога	204
МАРУСЯ 2	
ЭПИЗОД I	
72 часа	236

Номер
Имя

351 44 313

Маруся

Отчество

Фамилия

Время действия

Возраст

Адрес

Локация

Предмет

Дар

Сайт

Андреевна

Гумилева

2020 год н.э.

14 лет

Москва, Солянка, дом 1

Зеленый город

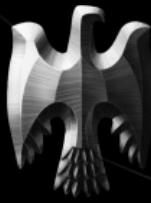
Саламандра

Бессмертие

www.ethnogenet.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Блокада

Имя
Фамилия
Время действия
Возраст
Адрес
Локация
Предмет
Дар
Сайт

Адольф
Гитлер
1942 год н. э.
53 года
Берлин, Вильгельмштрассе, 77
Ставка «Вервольф» под Винницей
Орел
Убеждение
www.etnogenез.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Номер
Имя

351 44 313

Маруся²

Отчество

Фамилия

Время действия

Возраст

Адрес

Локация

Предмет

Дар

Сайт

Андреевна

Гумилева

2020 год н.э.

14 лет

Москва, Солянка, дом 1

Тайга. Река Ада

Саламандра

Бессмертие

www.ethnogenез.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Лэнд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимировская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская плошадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп.1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул.Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская плошадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская плошадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Алагорский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр-т Октября, д. 26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472) 293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Юрий Бурносов

РЕВОЛЮЦИЯ

Книга первая

Японский городовой

Автор идеи Константин Рыков

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Корректор Анна Ерошко

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 16.11.09 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12,2 pt

Условных печатных листов – 15

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32